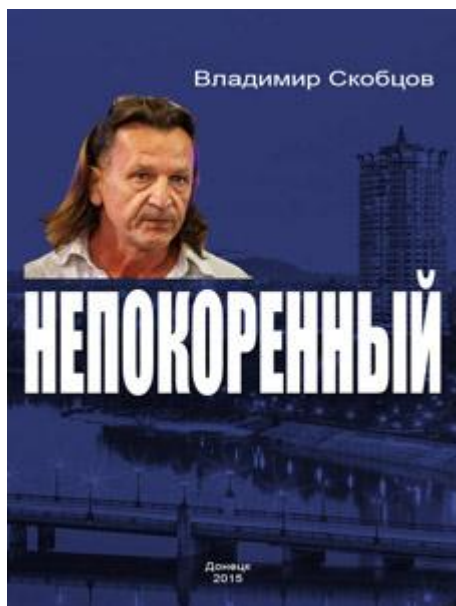

Владимир Скобцов Непокорённый

Владимир Скобцов. НЕПОКОРЁННЫЙ

Предисловие от издательства

Говорят, что когда грохочут пушки, музы молчат. Но наблюдая сегодняшнюю литературную жизнь Донбасса, понимаешь, что это далеко не так.

Владимир Скобцов, один из самых известных поэтов и бардов, которые сейчас живут, работают в Донецке и посвящают ему и всей Новороссии свои произведения.

Автор рассказывает читателям, как в опустевшем Донецке буквально из пепла возрождается новая культурная жизнь, а поэзия обретает второе дыхание в тяжелое военное время.

"Когда в Одессе любители Украины жгут людей живьем под аплодисменты телестудии, - пишет автор, - когда украинские солдаты убивают детей Донбасса, ты обязан кричать об этом на весь мир. Если ты человек. Фашизм начинается тогда, когда этого не делают, фашизм начинается внутри, а мир не делится на Восток и Запад, он делится на

людей и нелюдей. Промолчать - развязать руки убийцам."

Противостоять фашизму и террору словом, поэзией и победить в этой войне, когда с противоположной стороны летят настоящие пули, теперь уже и в публицистов и литераторов можно и нужно, - утверждает Владимир. Майданный переворот, как булгаковская разруха, начинался не в сортирах, а в головах. После ядерной угрозы, вторая по значимости - информационная, она развязывает современные войны. "У меня нет дилеммы, где и как сражаться. До войны я был сам по себе, когда началась война понял, что без Родины я никто."

1. Непокорённый.

Непокорённый

Посвящается Донецку

Не надо плакать над судьбой,
Прибереги души чернила,
Она тебе не изменила,
Она по-прежнему с тобой.

Звенит натянутой струной
Судьба, её не выбираем,
Между чистилищем и раем
Скажи спасибо, что живой.

Не надо плакать над страной,
Где слёзы ничего не значат,
Она, поверь мне, не заплачет
Ни над тобой, ни надо мной.

Незванным гостем в дом родной
Уже грядёт иной порядок,
Где человечины вкус сладок,
Скажи спасибо, что живой.

Не надо плакать над собой -
Солдатик, вышедший из комы,
Сказал, что там полно знакомых,
Как будто съездил он домой.

И над твоею головой
Склонился ангел поседевший -
Не ты один осиротевший,

Скажи спасибо, что живой!

Донецк 2014

Танго 14-го года

В начале слово,
В конце расстрелы,
Пророку снова
Заводят дело.

Майдан безгрешен,
Но брошен камень,
Майдан кромешен,
Где брат твой, Каин?

Камланье хора,
Глаза пустые,
Прогнали вора,
Позвали Вия.

Горят станицы,
В петле окраин
Хрипит столица:
"Где брат твой, Каин?"

Героям слава,
Как говорится,
Течёт кровава
В реке водица.

В герои, к славе ль
Твой путь закаян,
Где брат твой Авель?
Ответь мне, Каин.

А кровь всё льётся,
Мадонна плачет,
Дурак смеётся,
Иуда скачет.

На гроб уселся
Товарищ Сталин:
"Куда брат делся,
Товарищ Каин?"

Тебе под немцем
Быть вертухаем,
Второй Освенцим
Кричит: "Лехаим!"

Развязка близко,
Исход летален,
Идёт зачистка,
Где брат твой, Каин?

Среди развалин
Белеют кости,
К братишке Каин
Приехал в гости.

Гудит набатом:
"Где брат твой, Каин?" -
В рай со штрафбатом
Зачислен парень.

Донецк, 2014

Женщина хочет любви

Женщина хочет любви.
Вы за это её не корите,
Вы на это в ответ говорите:
"Mon ami, mon amour, mon ami."

Как ей сердце глаголом не жги,
Сколь не сыпь выражений крылатых,
Правых нет здесь и нет виноватых,
Правда выше и хочет любви...

А мужчине не не терпится в бой,

Судьба спорить мужчине с судьбою,
У мужчины лицо волевое
И характер его волевой.

Он вчера был на передовой,
Он у снайпера был на прицеле,
Им не все уничтожены цели,
Ему снова не терпится в бой...

Ну, а женщина хочет любви,
Ей, поверьте, не многого надо:
Ей не видеть бы ПТУРСа и ГРАДа,
И вот тот пулемёт vis-a-vis.

На груди ты тельняшку не рви,
Не показывай даме медали,
Их тебе не для этого дали,
Видишь, женщина хочет любви...

Но мужчине не терпится в бой,
Он готов к выполнению задания,
Для него выходной наказанье,
В остальном он доволен собой.

Он накатит с дружкой по одной,
У него два рожка к автомату
И на всякий пожарный граната,
И запас промедола с собой...

Ну, а женщина хочет любви,
Снятся ей подвенечные платья,
И ещё не погибшие братья,
Не докличешься, как не зови.

Что ни век, то планета в крови,
Сталью тучи над Родиной встали,
Стали наши сердца твёрже стали,
Ну, а женщина хочет любви...

А мужчина опять рвётся бой,
Ему снится погибшая рота,
Ведь своих не бросает пехота,
Ведь один он остался живой.

Он клянётся своей головой,
Что врага он прогонит от дома,
Обивает порог военкома,
Ничего, что одною ногой...

Ну, а женщина хочет любви,
Вы за это её не браните,
На руках своих женщин носите,
Бог любовь её благослови.

Павшим слава, а выжил - живи.
Наши женщины жёнами станут,
И рожать нам солдат не устанут...
Женщина хочет любви.

Донецк 2014

Ноябрьский вальс

Из застуженных губ
В медь простуженных труб
То ли вальс, то ли марш
На холодном ветру.

То ли смех, то ли плач
И на чёрном кумач,
И не слышит себя
Полупьяный трубач.

Мы идем как стена,
За спиною спина,
Через праздник колонной
Проходит страна.

На колючем ветру
Лес натруженных рук
И казённые фразы
Из царственных губ.

Мы идём не спеша,

Перегаром дыша
И на стылом ветру
Веселится душа.

Веселится душа -
Наша жизнь хороша
И не стоит она
Ни гроша, ни шиша.

Нам война не урон,
Нами кормят ворон,
Мы устроили праздники
Из похорон.

Платим дань палачам,
Руки жмём стукачам
И заздравные песни
Поём сволочам.

Нам судьбою дана
Явь кошмарного сна,
Где под дудку шагает
Слепая страна.

Сталь великих имен,
Даль безликих колонн,
На промозглом ветру
Вещий шелест знамён.

Время правых идей,
Век кровавых дождей
И не видно конца
Клоунаде вождей,

И бегут поезда
В никуда навсегда
И над лесоповалом
Сияет звезда.

И на призрачный свет
Через тысячу лет
Мы устали идти,
Мы не верим в рассвет,

Наши судьбы сплелись
В беспросветную жизнь,
Мы с тобой не под тою
Звездой родились.

Ты глаза свои скрой
И не тронет конвой,
Здесь прозренье грозит
Обернуться бедой.

На колючем ветру
Лес натруженных рук
И проклятье летит
С окровавленных губ.

Прощание славянки

Защитникам Донбасса

Прощай-прости, прости-прощай
И дом родной, и отчий край!
Из жизни прежней навсегда
На фронт уходят поезда.

Прощай-прости, прости-прощай,
Чему не быть, не обещай,
О том, что было не грусти,
Прости - прощай, прощай - прости.

Походный марш трубит трубач.
Не плачь, любимая, не плачь.
Пусть обойдёт тебя беда,
Ты только жди меня всегда.

Прощай-прости, прости-прощай,
Примет плохих не примечай
И свет в окошке не гаси,
Прости-прощай, прощай-прости.

В каком бою, в каком краю
Сложу я голову свою,

Где ждут нас крест или звезда
И шаг последний в никуда?

Прощай-прости, прости-прощай,
Смерть как положено, встречай,
Не верь, не бойся, не проси,
Прости-прощай, прощай-прости!

Судьба присягой нам дана,
Судьба теперь у нас одна:
Мы офицеры, господа,
Мы обрусели навсегда.

Памяти всех

Русь прекрасная,
Русь крещёная,
Зона красная,
Зона чёрная.

Ты яви, Господь,
Мудрость ясную,
Ты прости, Господь,
Душу красную.

Душу красную,
Жизнь напрасную,
Душу праздную,
Совесь грязную.

Приюти её,
Безобразную,
Накорми её
Икрой красною.

И кум чалится -
Куда денется,
То отчаётся.
То надеется.

Ты прости, Господь,

Дуру вздорную,
Ты прими, Господь,
Душу чёрную.

Душу чёрную,
Закопчённую,
На чистилище
Обречённую.

Ты уйми её
Суть позорную,
Накорми её
Икрой чёрною.

Райский сад, вышак,
Зона строгая,
У ворот душа
Босоногая.

Ты яви, Господь,
Мудрость зрелую,
Отпусти, Господь,
Душу белую.

Душу белую,
Забубённую,
Неумелую,
Безымённую,

Птицу смелую,
Птицу гордую,
Дай ей белую
Корку твёрдую.

Ватничек

Влеком судьбой, сугробы чередуя,
Стремлюсь, как лось к заветному ручью
В сельпо, но не доху я на меху я,
А телогреечку на кассе получу.

Ах, ватник, ватничек, российский ватничек,
Душа поёт и радуется глаз.
Холодноват ночлег - накиньте ватничек
И потеплеете глобально в тот же час.

В базарный день рублю цена копейка,
Суровостью щедра Россия-мать,
Бананов нет, зато есть телогрейка –
Жизнь, значит, можно перезимовать.

Ах, ватник, ватничек, российский ватничек,
Меня спасал и выручал не раз.
Одетый в ватничек, мой дед двадцатый век
Отвоевал и восстанавливал Донбасс.

Народа вывел стойкую породу
Бог, испытал её мечом и кумачом,
Я низко в пояс кланяюсь народу,
Что телогрейки душегубкам предпочёл.

Ах, ватник, ватничек, российский ватничек,
Надежд одеждой согревает нас
Порвётся ватничек – вот вам с печатью чек,
Пусть Ходорковский шьёт на зоне на заказ.

Донецк 2014

Уй

Перекличка с Маяковским

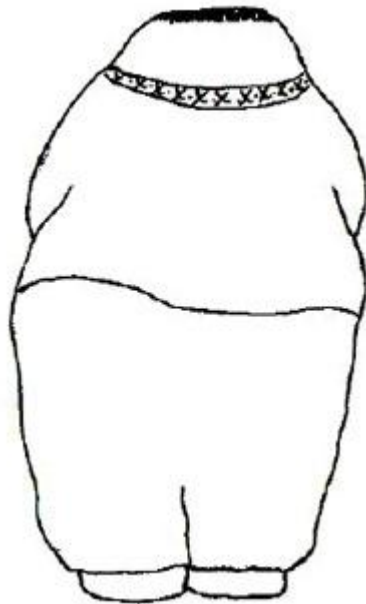
Знали ли мы
украинскую ночь?
Нет,
мы не знали украинской ночи,
чьё небо
от злобы
чёрно,
Чей герб
троглодитами
выточен.
Чьей кровью
Запорожская

гуляла Сечь.
Проводов уздой
смирив Днепровье,
Днепр
заставили
на турбины течь.
И Днипро
по проволокам сам
электричеством течёт,
как пиво у погромщиков по усам.
Сала и рафинада
Самим надо!
Мы знаем,
курит ли,
нюхает ли Юля,
мы знаем
Кучмы отрощенные седины,
мы знаем,
как Ющенко
профиль краплён...
А что ещё мы знаем
о лице Украины?
Знаний груз
укрофила
тощ,
вождям тоже
почёта мало.
Знают "мани",
"гроши", "баблос",
А Европа - "яйко",
"млэко" и "сало".
С культуры тоже
поснимали пенку:
кроме
двух
Шевченко -
Шевченко и Шевченко
ничего не выжмешь,
сколько ни старайся.
А если прижмут -
зардеются розой
и выдвинут
аргумент новый:
возьмут и расскажут
пару курьёзов -
о жидах и москалях
галицкой мовой.
Не скачешь - москаль!
Одень эсэсовку,
зубы не скаль,
лузгай полсолнух
в прапорах

красно-чёрных.
Пещерная мова
без мыла проста:
"Чуешь, сурмы заграли,
час расплаты настав..."
Что может быть гаже:
"На брата полной"?!
Я немало слов придумал сам,
взвешивая их,
хочу сказать одно лишь, -
чтобы стали всех моих слов
слова полновесными, -
слово "уй".
Не трудно толпу
истолочь в сволочь.
Собой, гитлерюгенд,
кичись не очень.
Знаешь ли ты донецкую ночь?
Уй! Ты не знаешь ещё донецкой ночи.

Евроинтеграция

(дівчата співають, хльопці танцюють)

Йому хочеться в Європу -
Йй не хочеться.
І стоїть він, п'яний в опу,
Дзюрить*, мочиться.

Ніч, майдан, ліхтар, сільрада**,
Хльопець мочиться.
Шугонути б його, гада,
Та не хочеться.

І душа його так рада,
Що він мочиться,
Повертатися до стада
Й`му не хочеться,

А в Європу ранувато,
Бо для збоченця
Там потрібно адвоката,
Тут хай мочиться!

* - (укр.) мочиться, но непосредственное.

** - (укр.) ночь, улица, фонарь, аптека.

Як козаки Крим продбали

(Даже при незнанні українського читати без автопереводчика)

Над багнюкою з сивиною
вітер мряку випасає.
А між мрякою і морем
гопакує гайдамака,
рухом з броунівським схожий.

То помочиться у море,
то чобітгам в хвилю влупить,
то волає - хмари чують
гучномовець гвинтокрилий.

В дзьобі хльопця - жага бурі,
первач гніву, часник страсті,
і лайно що до Росії
чують хмари з його дзьоба.

Чайки стогнуть та сумують,
байдикують понад морем
і на дно його готові
заховати жах та тугу
перед бурею, падлюки.

І гагари, хай їм, скиглять, -
їм, гагарам, невідома
насолода бою, бачьте,
грім ударів їх лякає!

Дурень пінгвін вже ховає
сало мляво своє в кучках.
Лише п'яний гайдамака
відпрацьовує п'ять гривень*
над, як пиво, пінним морем.

Все смурніше, нижче хмари
опускаються, лякають
і ревуть, жбурляють хвилі
в височинь назустріч грому.

Грім гуркоче.
В бульбах гніву
стогнуть хвилі,
сперечаючись із вітром.

Ось хапає вітер зграї
хвиль в обійми свої міцно
і кидає їх з розмаху
в дикій люті на цеглини,
розбиваючи на потрох
і бризки води громади.

Гайдамака файний хльопець -
у барвистій вишиванці,
він кричить: "Героям слава!",
в море галькою кидає.

Від запою він, як демон -
хочеться в село, до хати -
і регоче, і волає...
Для хоробрості регоче,
від хоробрості волає!

В гніві грому чуйним слухом
дух козацький дупу чує.
Брешуть з Київа, що ні,
не сховають хмари сонця,

або - ні, не приховують.

Вітер виє, грім гуркоче,
Синім полум'ям палають
зграї хмар, безодня моря.
Море спалахи ці ловить
і в безодні своїй мочить.

Як ті клятї коммуняки,
в'ються в морі та зникають
відображення яскраві.
Отакої. А ще буря!

П'є горілку гайдамака,
хреститься від блискавичок,
і реве та стогне море.
Гайдамака репетує:
"Це піздець, шановне панство!"

* 5 грн. - первоначальный взнос жителей Украины на самоуничтожение.

Доминанта

Со мною вышел случай глупый -
На улице средь бела дня
Один мужик, нарисав губы,
Хотел чего-то от меня.

Он жил в селе, беды не зная,
Пел в хоре басом, как мужик,

"Реве та стогне", развивая
Родной украинский язык.

Гастроли. Юноша связался
С людьми орального труда.
Упруго рейтинг приподнялся,
Он депутатом стал тогда.

Но верен до сих пор присяге,
Что дал, попавши в клуб ночной,
Недаром в украинском флаге
Цвет доминанты голубой.

Под небом голубым...

Под небом голубым был город золотой
С Софией и Воротами, Булгаковской звездой.
Теперь там зоосад, укроп да рушники,
Гуляют там животные Степановой мечты.

Пирует Ирод, выбранный никем,
С ним педераст, исполненный очей
И капо в кипе небезизвестный,
Чей так весел взор незабываемый.

Над жёлто-голубым кровавая звезда.
Она твоя, о, Киев мой, теперь и навсегда.
В тебе пророк убит, тебе убийца свят,
Ведёт звезда кровавая прямой дорогой в ад.

Бежит вприпрыжку кучерявый Пётр,
За ним Виталик, радость психврачей,
Как заждался вас Сашко небесный,
Чей так светел взор незабываемый!

Письма бывшему другу

Бывший друг, красноречиво утверждавший, что не всё так однозначно, ты молчал, когда украинские солдаты убивали наших женщин - они ведь вата, ты молчал, когда

украинские солдаты убивали наших стариков - они ведь колорады, ты молчал, когда украинские солдаты убивали наших детей - ведь это не твои дети. И когда в твой дом придёт беда, а она обязательно придёт, постарайся встретить её с достоинством, как встретили её мы и не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе.

Донецк. Коротко

Дворовой шпаны больше нет, пацаны ушли в ополчение и стали мужчинами, трезвыми, по-вольчи умными и взрослыми.

В глазах женщин проснулся огонь защитниц очага. Его не потушить тем, кто зажёт.

Ясными, как снятый с предохранителя АКМ, стали мужчины. Дружба стала братством.

Ошибочно причислившие себя к буржуазии, лишились иллюзий, оставшиеся - достойно, уехавшие - нет.

Появилось слово Родина и это не Украина. Предавшим не отмыться, но им не желают смерти, над ними смеются.

Что нас ждёт? Победа.

Иуда заробитчанин

Статистика жертв среди мирного населения затруднена, цифры появятся позже и будут чудовищны.

1 000 грн. это приблизительно 30 долларов - столько на руки получает украинский солдат на Донбассе. Плюс награбленное. Вплоть до детских игрушек и нижнего белья.

Хочется спросить украинских женщин, получающих посылочки из АТО: как обновки, нигде не жмёт?

Не просто так

- Ответь честно, что там у вас происходит? - спросила по телефону знакомая из Запорожья.

- Украинские солдаты убивают жителей Донецка, - честно ответил я.

- Ты пойми, они же не просто так убивают, - сказала она.

Я повесил трубку.

Год войны

За этот год изменилось многое. Сначала у меня были вопросы к жителям Украины, почему они не стали живой цепью у военкоматов, как это сделали наши женщины на пути украинских БМП и танков. У меня были вопросы к забывшим Холокост жидорбандеровцам, к украинским журналистам и историкам, к певцам свободы у костра, бардам. Теперь вопросов нет, эти люди для меня умерли, с мёртвыми не разговариваю, не Кличко.

Нет у меня вопросов и к тем, кто остался в Донецке, и к тем, кто подставил плечо в трудную минуту, мы с вами одной крови и судьбы. На праздниках я буду пить за ваше здоровье, а случится беда и не позовёте - оскорбите.

История украинского фашизма или мат в два хода

Шаг первый. В начале было Слово, или, говоря словами Бродского, Бог есть язык. Хотите лишить народ будущего - сделайте ксенофоба национальным поэтом.

Шаг второй. Перепишите историю.

Мат.

Книга джунглей

Я задержался в гостях, такси после комендантского часа не приезжают, пришлось идти пешком через город. Ночь, война, ни души. На обочине меня заметила стая собак с бирочками на ушах. Подошёл рыжий, вильнул хвостом и провёл до дома. В дом заходить отказался, вежливо съел колбасу и ушёл обратно.

Никогда раньше в Донецке бездомные собаки этого не делали. Ты права, бандерложка, никогда мы не будем братьями.

Эта война не Гражданская

Когда в Одессе любители Украины жгут людей живьём под аплодисменты телестудии, когда украинские солдаты убивают детей Донбасса, ты обязан кричать об этом на весь мир. Если ты человек.

Фашизм начинается там, где этого не делают.

Мир делится не на Восток и Запад, а на людей и нелюдей.

Эта война не Гражданская и победители в ней будут.

Редкая птица

Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать, любит и зверь своё дитя. И только Украина выделяется на общем фоне.

Чуден Днепр при тихой погоде!

Сообщение от ополчения

Если вам снятся ласковые руки матери, добрые и сильные руки отца, уже далёкий и навсегда близкий запах родного дома, вы поймёте Донбасс.

Если вам снятся вихры и тёплые ладошки ваших детей, вы поймёте Россию.

Если у вас нет этих проблем и вы укроп, не приезжайте к нам - у вас будут проблемы.

Записки под артобстрелом

Проводя исторические параллели, не следует забывать, что на той далёкой, на Гражданской, не было такой составляющей, как нацизм. Именно он стал зачинщиком

большой войны.

Для России, втянутой во Вторую мировую, война стала Великой Отечественной. Это закономерно, поскольку Русский мир противоположен нацистскому в своей основе.

Фашизм был разбит, но не уничтожен и подтверждением тому нынешние события на Украине.

То, что сейчас происходит в Донбассе, не вмещается в рамки гражданского конфликта, эта война не Гражданская и победители в ней будут.

Нынешним фашистам хребет мы сломаем, но недоступный нашим бывшим согражданам механизм причинно-следственных связей приведет к тому, что их детям придется отвечать за каждый выстрел отцов по Донбассу. Когда - дело времени. Новое поколение гитлерюгенд ещё ест манную кашу.

Порошенко в день влюблённых

В день святого Валентина
Сколько ты убьёшь, скотина?

Ядреной или ядерной...

В кнессет прошла Аль-Кайда.

Настоящими евреями объявлены арабы.

Массовая акция протеста в центре Иерусалима в ответ на приостановку подписания соглашения об ассоциации между Израилем и ИГИЛ.

На площади Сион арабы жгут покрышки.

Название "Евромайдан" решили не менять.

Президент Израиля бежит в США. Правительство уходит в отставку.

Факельное шествие по улице Яффо: "Бей жидов, спасай Израиль!", "Кто не скачет, тот умрет!", "Эйхман придет - порядок наведёт!".

"Переведи меня через майдан" исполняется на арабском языке. Юнна Мориц объявляется дурой.

Первый закон новой власти об отмене иврита. Ивритоязычное население признано людьми второго сорта.

"Где мои вещи?" - говорит ивритоязычное население и предлагает цивилизованный развод.

Ивритоязычные объявлены инакомыслящими. Инакомыслящие объявлены сепаратистами.

Еврейская Народная Республика объявлена дотационной террористической организацией.

Акция Коломойского "30 долларов за голову еврея".

Иерусалимская Хатынь. Радиостанция "Эхо мацы" радостно смакует новую шутку: "шашлыки из могоендовидов".

Армия стреляет в народ. "За что?!" - недоумевает народ.

Широкомасштабное уничтожение гражданского населения получает название ЗАТО.

Арабы убивают евреев, предлагая им жить с ними одной страной и удивляются, почему евреи воспринимают каждый выстрел по ним одновременно как неприятное напоминание о Палестине и приглашение с ней расстаться.

Концерт Макаревича в Освенциме.

Шендерович: "Холокоста могло не быть, если бы все надели повязки."

Население освобождённых от еврейских террористов городов хлебом-солью встречает победителей. Опять Макаревич, танцы, праздничные расстрелы.

Особо экзальтированные со словами: "Мне стыдно, что я еврей!" требуют сделать пришивание.

Зеленский называет еврейское ополчение мразями, мочится на могилу Голды Меир, после звонка из Моссада приносит извинения.

Костры из запрещенных книг: от Ветхого и Нового заветов до классиков современной литературы.

Некоторые не горят.

Распятие Христа признано внутренним делом еврейского народа.

Массовый снос исторических памятников в Иерусалиме.

Свидетели Калифорнийских Десантников отжимают синагоги.

Обама, введи войска!

Марш мира в Нью-Йорке под лозунгами: "Не противься злу насилем!", "Мы убьем тебя не больно!", "Слава Палестине!".

Государственным гимном становится песня "Здохни".

20 апреля объявлен государственным праздником.

В том, что Обама х@йло виноват Путин.

Будет зима ядерной или ядерной...

На самом интересном проснулся.

Сон II

Вырвавшийся из-под домашнего ареста на панихиду по Немцову одичавший Навальный съедает Галкина и женится на Пугачевой. В результате либеральная оппозиция захватывает власть в Москве.

Массовая акция протеста. Жгут покрышки и несогласных.

"Москалів на ножі!" и "Коммуняку на гілляку!" - передовой отряд украинской интеллигенции прибыл на Курский вокзал.

Резиновый гость - возвращение Макаревича.

Ходорковский становится Императором Всея Москвы. Государственная Дума переименовывается в Москвошвею. Признание Америки.

Путина уносят аисты.

Медведев получает статус беженца в ДНР.

Первый закон новой власти об изъятии рубля у населения.

Проблема с пенсиями решена - в каждом доме престарелых шашлыки из колорадов.

Ленина хоронят в холодильнике. В мавзолее рядом с Немцовым кладут вяло сопротивляющегося Горбачева.

Храм Христа Спасителя переименован в храм им. тов. Искарюта.

Снос памятников Пушкина потому, что достал и две первые буквы фамилии вызывают ненависть у электората.

Массовая амнистия. Если обвиняемый заявляет, что совершил убийство, изнасилование или другое из-за ненависти к Путину, его освобождают прямо в зале суда.

Государственным гимном становится песня "@бал я родину такую" (Муз. Шендеровича, сл. Иртеньева, рис. Бильжо, исп. Пусси райот)

Живущие за МКАДом объявлены ватой и террористами.

В Москве открыт филиал Бабьего яра под названием "Всё не однозначно". Должность директора на конкурсной основе.

Не обнаружив в Пскове одноимённых десантников, батальон им. Мазепы из установок залпового огня стирает город с лица земли.

Ажеджакова обязуется собственноручно восстановить народное хозяйство и вернуть погибших детей суррогатным способом.

Блокада Ленинграда. Капо Шендерович по утрам кричит в мегафон осаждённым: "Хе-хе! А я предупреждал!"

"Иван, сдавайся!" - кричат коллеги попавшему в засаду на Мосфильме Охлобыстину.

Будет весна ядерной или ядерной...

На самом интересном проснулся.

Гуманист

Виртуальные евродрузья, когда началась война, исчезли с моей страницы. И только после того, как закрылся Дебальцевский котёл, один не выдержал. Дальше без купюр, с русскими субтитрами:

- brat? szto u tiebia , Brat? (Брат? что у тебя, брат?)
- Война.
- uchadij w Polszu. (Уходи в Польшу)
- Только после победы.
- Ty ad kuda: od russ, ili pro europ? (Ты за кого - за Россию или за Европу?)
- Донбасс моя Родина, я за неё.
- Ты - Ruskij, ili Ukraine? (Ты русский или украинец?)
- Я русский и живу на земле, где похоронены мои прадеды.
- aach Drug... (А-ах, друг...)Rasija choczet tretiej wojny? (Россия хочет третьей мировой войны?)
- Регулярных российских войск здесь нет.
- No da, Tolka zielonyje ludi... (Ну да. Только "зелёные человечки".)
- Приезжай в Донецк - сам всё увидишь
- nie rajedu w Donieck. Sztoby smotric na waszyje wzajemne rezanie...(Не поеду в Донецк, чтобы смотреть на вашу взаимную резню.)
- Почему? У нас много поляков, они вместе с украинцами убивают наших детей и стариков.
- ty slyszysz tolka propagandu Putinu TV Rasija, ja slyszu tv - swieta. (Ты слышишь только пропаганду Путина по ТВ Россия, я смотрю ТВ всего мира.)
- Я не смотрю телевизор. И я не рассказываю тебе, о том, что происходит в Польше потому, что меня там нет. Почему же ты рассказываешь мне о том, что происходит в моём доме, где ты ни разу не был?
- zwienij drug. Ja nie choczet Tiebia pauczajet. Ja tolka placzu.... Как humanist... (Извини, друг, я не хотел тебя поучать, я только плачу... Как гуманист...)
- Почему я тебе не верю?
- Как poet I czealwiek.....(Как поэт и человек...)
- После войны поговорим.
- jesle budieszcz jeszcze zywyоу. (Если будешь ещё живой.)

Трудовая книжка

Свою трудовую книжку я выпущу отдельным изданием, да и могло ли быть иначе, если фамилия моего учителя по труду Волобуев.

В проходческой бригаде я постигал историю страны, не по учебникам, а по рассказам старых работяг.

Как-то раз, дурачась, они спросили своего приятеля, доброго и немногословного Колю:

- Расскажи, сколько немок изнасиловал?

- Ни одной, - неожиданно зло и трезво ответил он, - голодный я тогда был, сил у меня не было.

Я разговорил Колю. Оказалось, что родом он из Рязани, всю войну он прошёл во фронтовой разведке. Взяли его туда не за "спецподготовку", которой вообще не было, а за малый рост и подвижность. В первую же ночь Коля с такими же разведчиками пролез под колючей проволокой, штыком убил часового, затем, связав офицера, притащил его к своим. До этого, дома, он даже курицу не мог зарезать. Потом он блевал и плакал навзрыд. Чтобы не сойти с ума, пил спирт, протрезвев, отправился снова к немцам. И так четыре года подряд.

Когда взяли Берлин, на границе секторов возник конфликт с американцами. Коля, как умел, так и поучаствовал - со стрельбой и мордобоем. Поскольку дело было на нейтральной территории, ему предложили выбирать, в руки чьего правосудия отдаться. Американцы обещали два года исправительных работ с дальнейшим предоставлением гражданства, наши - три года условно.

- Молодец, - шепнул Коле особист, - ничего тебе не будет, возвращайся домой, Родина ждёт своих героев.

- А я по маме соскучился, сил нету, - рассказывал Коля, - и согласился на наш суд, на хрена мне Америка! Откуда я знал, что у них невыполнение плана по врагам народа? Привезли меня на Красную Пресню и отправили в солнечный Магадан. Сначала семь лет впяли, потом ещё накиннули. Пока сидел, мама умерла. Родных не осталось..

Освободившись, Коля поехал в Донецк, где бывшим ЗК давали работу и с лагерным прошлым в душу не лезли.

Другой человек, чьего имени и национальности называть не стану, у таких людей их не должно быть, по-пьяни рассказал свою историю:

"Колы пришли нимци, нас загнали у вагоны и повезли у Германию. Страшно було, жыты хотелося. Вагон набитый, аж систы никуды. Мы, молоди, з одного села, у викна стали. Там воздушок и хлиб з водою давали. Остальных мы ногами отпихували. А що робыты - выжиты трэба було. Колы прыихали, открыли вагона, а у дальньому вуглу мэртви лежать..."

С тех пор я разборчив в собутыльниках.

Цыганочка по-киевски

Закричал петух с тоски
В ночь на полнолуние,
Мысли стиснули виски -
Лучше б слабоумие!

Мчит краина в никуда,
Эх, дорогой дальнею!
Над Днепром горит звезда
Свечкой поминальною.

Сколь холопа не лечи,
Водкой оно лечится,
Сколь холопа не учи,

Всё равно калечится.

На идейные харчи
Поменяли ценники -
Занимают стукачи
Очередь в священники.

И вождя благословит
Без стыда и веры
Церковь Пляски-на-Крови
Имени Бандеры.

Кто кого куда - не в счёт,
Дело во взаимности,
Украину любит чёрт
В полной легитимности.

Пахнет серой и смолой,
И не видно края,
Скачет по полю герой,
Кости собирая.

Вслед хохочут упыри:
- Райскому цвествь саду,
Ось вам, хльопци, дьютти фри
По дороге к аду!

Неохота голодать -
Побегут в Россию,
Неохота помирать -
Позовут мессию.

Снимут втихаря с креста,
Совесть чтоб молчала,
После с чистого листа
Всё начнут сначала.

Эх, раз!
Да ещё раз!
Ещё много, много раз...

Бывшим согражданам

Рождённый холуём, холуем и подохнет,
Не станет белым негр, как ты его не мыль.
Вот взял и написал, и руки не отсохли,
Кудрявый сценарист кровавый водевиль.

Вы этот водевиль переиграли в драму,
В свободу и любовь поверив, как всегда,
Но, если на панель выходят эти дамы,
Какие вы тогда, панове, господа?

Замкнулся иньский круг под гимново мычанье,
Кто верил УПЦ, кто в русского царя -
Экстерном сдали вы экзамен по молчанью,
Кто сразу не прошёл, пройдут сквозь лагеря.

Вам факельно во тьме и вы гордитесь этим,
И вот, теперь у вас рождаются слепцы,
Им нужен поводырь и если вашим детям
Не в силах вы помочь, какие вы отцы?

Глядит Шевченко вдаль и глазом не моргает,
Одетый от щедрот в москальское пальто,
Живьём или жнивьём судьба вам - кто вас знает,
Что ждёт вас впереди - не ведает никто.

И Родина щедра, как нищенка у храма,
Обчистила её нечистая семья.
Вас Родина простит - на то она и мама,
Нужны ли только ей такие сыновья?

Донецк 2014

Любо, братцы свидомиты

Опыляет дуб рябину,
Ветка к ветке клонится.
... Любит Путин Украину,
Хочет познакомиться.

Гай, буряк, будяк, шипшина
Дуже озабочены -
Голосует Украина
На краю обочины.

Край. У края Украина,
Двух миров окраина,
Захід, Гітлер, Полонина,
Схід, портреты Сталина.

Схід та Захід, вашу мать!
Посредине русло.
Взять бы Днепр и закопать,
Чтоб вам было пусто!

Депутаты не уймутся,
Нет на них Валуева.
Ну и пусть себе дерутся
Депутаты ... ну его.

Каждый смыться норовит,
Жизни нет резона,
В остальном шикарный вид -
Буферная зона.

Украина, ё моё!
Сердцу нет дороже,
В прошлом прошлое её,
Будущее тоже.

Когда кончится байда,
Только хрен и знает,
Я спросил его: "когда?" -
Он не отвечает.

Мать русских городов
Антирусским порохом.
Начинил и был таков,
Гетьман, сучьим потрохом.

Были целы, были сыты,
Да ни с чем остались.
Любо, братцы свидомиты,

Славно постарались!

Край. У края Украина,
Двух миров окраина,
Захід, Гітлер, Полонина,
Схід, портреты Сталина.

Схід та Захід, вашу мать!
Посредине русло.
Взять бы Днепр и закопать,
Чтоб вам было пусто!

Депутаты не уймутся,
Нет на них Валуева.
Ну и пусть себе дерутся
Депутаты ... ну его.

Каждый смыться норовит,
Жизни нет резона,
В остальном шикарный вид -
Буферная зона.

Украина, ё моё!
Сердцу нет дороже,
В прошлом прошлое её,
Будущее тоже.

Когда кончится байда,
Только хрен и знает,
Я спросил его: "когда?" -
Он не отвечает.

Мать русских городов
Антирусским порохом.
Начинил и был таков,
Гетьман, сучьим потрохом.

Были целы, были сыты,
Да ни с чем остались.
Любо, братцы свидомиты,
Славно постарались!

У-Каина

Пришла пора, едрёна мать,
Дом отчий за долги отдать.
Жилось чтоб лучше, веселей
Оставь надежду и налей.

Страна У-Каина, родной,
Старайся к ней не стать спиной -
Там, где полным полно бл@дей,
Не жди сюрприза от людей.

А, если вдруг и впрямь Потоп,
Не суетись, спастись чтоб,
Не жди пощады от властей -
Тебя нет в списке для гостей.

Вас любит нэнька, верь - не верь,
Как "стингер", потерявший цель,
А ты, как заяц среди полей.
Цель - ты. Для ясности налей.

Не забывай своих корней,
Коль не гуцульских ты кровей,
Русскоязычен, русопят,
И по рождению виноват.

Не голоси, а голосуй,
Свой голос в щель точнее суй
И жди подарка от вождей
Страны несбыточных идей.

Виталик

В детстве мог я ни разу отжаться,
В боксе пришёл босяком по росе.
А теперь могу на спор сто двадцать,
Это могут не только лишь все.

Я умею завязывать галстук,

С головою вопрос потрудней.
Червячок в голове завязался
Дождевой, ну, а, может быть, змей.

Постоянно меня он тревожит,
Что-то шепчет, щекочет мне нос,
А, бывает, такое отмочит -
Повторю - все хохочут до слёз.

Порешивши покончить с бандитом,
Я к хирургу пошёл на приём.
"Извлекай, - говорю, - паразита,
Что в мозгу обитает моём."

Врач меня положил на кушетку
И рентгеном башку засветил.
Удивился: "Мозгов, вроде, нету.
Ты бы, брат, к психиатру сходил."

Психиатр начал дело по-новой,
Тьмой вопросов меня завалил
И спросил на латыни, дословно:
"Где нератор, - спросил и, - где бил?"

Правда, тут же меня успокоил,
Сняв очки и, прищуривши глаз:
"Не червяк то тебя беспокоил,
Это мысль у тебя завелась."

Тест на IQ

Евромайдан -
Тест на IQ.
Зачёт не сдан,
IQ адью!

Арсений и очки

Пора, Арсений, кушать галстук,

Заробитчанам мыть толчки -
Проср@ли Крым, Донбасс поднялся.
Арсений, береги очки!

Макаревичи всех стран, соединяйтесь!

Война, сума, пустая касса,
Зато повысился весьма
По отношению к Донбассу
Процент продажного дерьма.

Жертва майдана

У тебя глаза пусты,
Мысли девственно просты,
И во рту всё время слюни -
Пищи требуют глисты.

Муха в рот к тебе влетела,
Ты в лицо мне не дыши
Из немытой части тела
Испарением души.

У тебя душа жидка,
И извилина гладка,
И в паху зудит по Крыму
Безответная тоска.

Независимость Шотландии

*Здесь цветы пылают ало,
Где разрушен древний вал...
Смелых скоттов здесь, бывало,
Римский стяг на битву звал."*
Вальтер Скотт

При всём при том, при всём при том,
При всём при том, при этом
Макар останется скотом,

А Вальтер Скотт поэтом.

Премьерная колыбельная

Спи, Сеня, радость, усни.
В Раде погасли огни.
ГРАДы затихли к утру.
Горловку завтра сотрут.

Месяц в очочках блестит
И на могилки глядит.
Глазки скорее сомкни,
Сеня-Арсеня, усни!

Киборгов нету давно,
Правда, тебе всё равно.
В смазке душа не болит,
Петька Шарли уже спит.

Враг за надёжной стеной,
Нам ли бояться, родной?
Глазки скорее сомкни,
Яце не нюкай, а спи!

Сладко наш кролик живёт.
Нет ни тревог, ни хлопот.
Вдоволь игрушек, сластей,
Вдоволь весёлых затей.

Всех ты убить поспешишь,
лишь бы не плакал, малыш.
Чти, Сеня, крёстных отцов,
Или уснёшь, как Немцов.

Ананасы в шампанском

Чтоб у карателей Донбасса,
В дальнейшем - пушечного мяса,
Как характерная черта,

Шёл трупный запах изо рта,
А не в шампанском ананаса.

Российский турист

Парафраз на "Пародию на плохой детектив" В.Высоцкого

Опасаясь контрразведки, избегая жизни светской,
Под гуцульским псевдонимом "Вуйко Митич Правосек",
В "балаклаве" и перчатках, чтоб не делать отпечатков,
Жил в гостинице донецкой пророссийский человек.

Вуйко Митич в одиночку, преимущественно ночью,
Шастал с флагом. В нём был спрятан триколорный объектив.
Не в блакитно-жёлтом цвете, а в ужасном, жутком свете
Представало всё, что любим, чем гордится коллектив.

Превратился на Артёма театр в вертеп для силы тёмной,
Наш родной Центральный рынок - в склад "Копыта и рога",
Искаженный микроплатой, ЦУМ стал мазаною хатой,
И совсем уж неприлично, чем предстала в СМИ ОГА.

Но работать без подручных может, грустно, может, скучно,
Враг подумал, враг был дока, - выписал в сберкассе чек,
За углом Донбасс-Паласа пожилого пид@раса
Сбил с пути и с панталыку пророссийский человек.

Пожилой казался жадным, хитрым, русским, плотоядным,
Меры в сникерсах и фанте не хотел он и не знал,
В общем, этот мерин сивый был находкой для России,
Так случиться может с каждым, кто Шевченко не читал.

Вот и первое задание: "В три пятнадцать, возле бани,
Может, раньше, может, позже тормозните BMW.
Надо сесть, убить шофёра, разыграть простого вора,
А потом про этот случай растрелят по НТВ.

Вот вам Adidas турецкий, и на митинге в Донецке
К вам приблизится мужчина с чемоданом. Скажет он:
"Не бажаєте черешні?" - вы ответите: "Канешна!"
Он вам даст кондом с взрывчаткой - не снимайте тот кондом!

А за это, друг мой новый,- говорил он пожилому,-
Будут деньги, дом в Барвихе, много сала и машин."
Враг не ведал, дурачина, - тот, кому всё поручил он,
Был стукач, духовный лидер и прекрасный семьянин!

Да, была когда-то чуйка у шпиона Митич Вуйко,
Но жестоко просчитался пророссийский Правосек,
Обезврежен он, и даже он пострижен и посажен,
А в гостинице донецкой стал являться Алик Грек*.

* Алик Грек - убиенный предшественник Р.Ахметова

Парафраз

Парафраз песни В.Высоцкого "О нашей встрече"

Ах, Украина - что там говорить! -
Я ждал тебя, как ждут стихийных бедствий,
Союз распался и мы стали жить,
Не ожидая пагубных последствий.

Нет, чтоб очистить круг своих знакомств,
Подняться, да и вылезти из грязи,
Но за тобой тащился длинный хвост
Нацрудиментом ксенофобских связей.

Теперь я буду бить друзей твоих:
Мне с ними стало как-то неприятно,
Хотя, быть может, были среди них
Наверняка отличные ребята.

О чем просила - делал мигом я,
Мне с синим паспортом хотелось жизни смачной.
В твоей валюте вклады делал я,
Как оказалось, не совсем удачно.

Тебе бы отпустить Донбасс в тот год,
Когда майдан поймал за хвост удачу,-
Я б для тебя украл газопровод
И душу Макаревича на сдачу.

И я клянусь - последний буду гад! -
Как ни проси, ни за какую цену,-
Я не прощу убийц детей - солдат,
Как и иудам не прощу измену.

Предатель куев киев, ты готов
Услышать ГРАД в тиши ночей интимных,
Как жители японских городов
Готовы были к Нагасаки с Хиросимой?

Псаки

City Донецк.
Ветер гонит по набережной
Жёлтые, жухлые листья Тюльпанов,
Танки, ревя, разбиваются о парашют,
Словно хотят добежать до ларька,
Где торгуют бесплатным бульоном.

This is Donetsk.
В центре пусто, как в сельском кино,
Где только что шла колхозная драка,
Где до сих пор не остыли моторы реакторов,
Лишь генерал ФСБ одиноко кряхтит,
Под укропа пучком.

This is Pezdetsk.
Там в далёких Ростовских горах
Возле в/ч, где стоят боевые медведи,

Псковский проснулся десант и, пройдя Белорусское море,
В шахту спустился,
Гармонию терзая нам душу.

Вопщим песец.
Разрешите о том пожалеть
И с тихим ужасом взять вас под руку,
Этой стране веселиться осталось недолго,
Так будем судьбе благодарны,
За этот чудесный, оброненный кем-то косяк.

Песня ополченцев

Ещё нэ вмэрлы идиоты,
А летом хуже, чем зимой,
Пора, укроп, платить по счёту - 3 раза для плохо слышащих
Бери шинель, иди домой.

Нас Украина не убила -
Конец приходит ей самой.
Россия-мать не бросит сына - 3 раза для Суркова
Бери шинель, иди домой.

В золу и пепел наших улиц
Тебя бы сунуть головой!
Мы все на Родину вернулись - 3 раза для предателей
Бери шинель, иди домой.

Ты здесь с залитыми очами
Лежишь невытый и бухой.
Вставай, вставай, заробитчанин - 3 раза для протокола
Стирай штаны, вали домой.

Что я скажу твоим домашним,
Как встану я перед вдовой,
"Вот ваш дурак, Христа продавший?" - 3 раза по-христиански
Бери шинель, вали домой.

Детей Арсения и Пети,
Не встретишь на передовой.
Опять весна на белом свете - 3 раза для особо одарённых
Бери шинель, иди домой.

Парафраз на ст. А. Мирзахи

Привязали к бабе бомбу,
Дали ей барбитуратов
И билет купили в город
подрываться за свободу.
Там найдет она кафешку,
Где сидят, к примеру, барды,
Напевая Окуджаву,
Забавляясь ностальгией...
Забезит, хлебнет какаву,
Помолясь надавит кнопку
И взорвется дура баба
За победу над врагами,
Прихватив с собой к Аллаху
Дофига хороших бардов,
Что ваще ни сном, ни духом,
С кем воюет Украина.
Где-то далеко, в Нью-Йорке,
В либерально-желтой прессе,
Настрочит другая баба
Про бесстрашных патриотов,
Что ценою своей жизни
Подрывают террористов,
Проживающих в Донбассе.
Хутин пуй, героям слава.
Написав такое, баба,
Несмотря на то, что дура,
Не обвяжется тротилом,
Не взорвет РФ посольство,
А пойдет она в кафешку,
Посидеть с заезжим бардом,
Потому, что, сцуко, тоже
Уважает Окуджаву.
Где мораль? Ее здесь много:
Песне авторской дорогу,
Пусть идет во все культуры!
И еще: мужчины - дуры.

Окрасился Петя румянцем

(Музыка народная, слова приватизированные)

Окрасился Петя румянцем,
Где волны шумели у скал.
- Поехали, Беня, кататься,
Давно я тебя поджидал.

- Поедем, но взять тебя в долгу?
Как русский, езду я люблю,
Дай газу мне в полную волю,
Не то сам я сяду к рулю.

- Мы братья козацкого роду,
Но с Вовой не справиться нам.
В Байкале в шальную погоду
Нельзя доверяться бл@дям.

- Нельзя? Почему же, кудрявый?
А в прошлой, минувшей судьбе,
Ты помнишь, кондитер кровавый,
Как Витя поверил тебе?

Сказал Беня и припечатал
Глаз перстнем-печаткой ему.
Олег и другие девчата,
Кто поц, кто х#йло - не поймут.

Из гроба Саддам приподнялся,
И больше никто не скакал.
- Поедем, Обама, кататься,
Давно я тебя поджидал!

Дончанин на Украине. Письмо на Родину

На карте страны обозначен дырой
Город в болоте под лысой горой,
Вышел на берег, а берега нет,
Так и стоит он здесь тысячу лет.

Здесь или пьют, или сходят с ума,
Год полулето здесь, полузима,
Днём полувечер, полурассвет,
Все чем-то торгуют, а прибыли нет.

Здесь проживает болотный народ,
Толком не знает, зачем он живёт,
Спяну зачаты и сын, и отец,
Стерилизует их кто наконец?

Есть и невесты, и я полон сил,
Но только я бабник, а не зоофил,
Хоть наставляй на меня пистолет,
Разве, что вовсе здесь выключат свет.

Ветер не дует, навоза пары,
Съели цыгана вчера комары,
Им, как и всем, не хватает еды,
Я бы уплыл - в кране нету воды.

Я б убежал - ноги глиной свело,
Я б улетел - отсырело крыло,
В крике немом открываю я рот,
Но перекрыли с утра кислород.

2. До войны.

Вместо предисловия

Владимир Скобцов родился 11 октября 1959 г. в Донецке. Умер, согласно его утверждению, в 1974 году там же, от несчастной любви. Что, тем не менее, не помешало ему

закончить университет и приступить к попыткам начать общественно-полезную трудовую деятельность. Безрезультатность этого занятия, а также черепно-мозговые травмы привели к тому, что автор взял в руки гитару. Лишенный очарования голос и слабая память стали причиной сочинения своих собственных, мягко говоря, стихов и грубо говоря, мелодий, а речевые дисфункции, вызывавшие у слушателей неожиданный смех, подтолкнули его к публикациям.

Автопортрет

Вот вам, барышни, картина:
На полу стоит мужчина,
Сорока неполных лет,
И впрочем, денег тоже нет.

Неприветливый, смурной,
С плохо гнущейся спиной,
Но поэзии рассвет
Ярче зрим в отсвете лет.

Он сторонится людей,
Узок круг его друзей,
Средь них ни хама, ни уroda -
Вот как далёк он от народа!

А кто сплочён, как серп и молот,
Тем нипочём духовный голод,
Но, как лопаты черенок,
Он в этом смысле одинок.

Не слышал глупей совета -
Выйти замуж за поэта.
Вот вам мой автопортрет:
Года висят, а счастья нет!

1999.

Дата любви

С пьедестала пропала скульптура,

Век двадцатый отправлен на лом,
Чья ж там в прошлом маячит фигура?
Это я жду тебя за углом.

На стене написали два слова.
И нелепа людская молва:
Ну и что же, что Таня + Вова?
Без любви это просто слова.

Ты мне пишешь по белому чёрным:
"Yes, I love you. Записку порви".
Я рисую под словом заборным
Свое сердце, мишень для любви.

А с любовью приходит измена.
Ты с Петрухой в столовку пошла.
И подходит к концу перемена
Словно жизнь, что к концу подошла.

Где вы, где вы, счастливые годы,
Святость драки до первой крови?
Скурен первый чинарик свободы,
Выпит первый глоточек любви.

Когда я чинарём пожелтелым
Докурюсь до конца – не реви,
Обозначь лишь на досточке мелом
Год рожденья и дату любви.

Крахмален шелест

Крашмален шелест золотой канвы
В подоле городского мелколетия,
И осень - почтальонка поднебесья,
И жёлтый лист в конверте синевы.

Во мне погиб художник от стыда
Перед лицом изысканного чуда -
Манящая открытка ниоткуда,
Щемящая повестка в никуда.

Костер дымит, мальчишкой подождён,
И в памяти вдруг проявились лица...
О смерти в том письме не говорится –
О детстве. И о том, что вновь прощён.

Билет на осень

Телефон. - Алло. - Привет.
Это я, начало в восемь,
Я достал билеты в осень,
Контрамарку в двадцать лет.

Хлопотал сентябрь не зря
Парикмахером над сливой -
Выпал нам билет счастливый
На двоих, до декабря.

Осень – пьяное вино,
Осень – поздние прощанья,
Осень – с юностью свиданья
В полвосьмого у кино.

И хоть красками пиши:
Небо – холст, окно - как рама,
Желтый лист – флюорограмма
Состояния души.

Осень – взрослое кино
И пора бы нам признаться:
Мне давно уже шестнадцать
И ты замужем давно.

Вот на осень наш билет,
От разлук не уцелевший,
Словно паспорт пожелтевший,
Вечный пропуск в двадцать лет.

Ещё один романс

Птицами счастья в синей дали
Прочь от ненастья летят журавли
Следом за летом, лови, не лови -
Стоит ли это минуты любви?

Путь к океану держит река.
Жизнь наша странна и коротка.
И быстротечность есть свойство крови,
Но стоит ли вечность минуты любви?

Жизни своей весь отведенный срок
Брошу на чашу весов, как песок,
Все части света – лишь позови,

Стоило б это минуты любви.

Об обратной связи

Чёрная, как кошка,
Ночь подкралась разом,
Щурится в окошко
Жёлтым своим глазом.

Крест или проклятье? -
Кровь стучит бессонно,
У щеки распяты
В виде телефона.

В пачке сигарета -
Вот и впрямь удача!
Выжить до рассвета -
Вот и вся задача.

Ты проснёшься в полночь,
Набери мой номер,
Поспеси на помощь,
Чтобы я не помер.

Порваны судьбою
Нити звёздной вязи.
У меня с тобою

Нет обратной связи.

Месяц неба юбку
Твоим знаком вышил.
Позвони, брось трубку:
Убедись, что выжил.

На печаль чужую
Ночь глядит плафонно.
До утра дежурю
Я у телефона.

А не смог так больше -
Значит, длинный зуммер.
Подожди подольше:
Убедись, что умер.

Август

Мимо двух влюблённых тел
Звёзд полоскою
Ангел по небу летел
С папироскою.

Был во сне иль наяву
Поцелуй в уста,
Тихо падали в траву
Звёзды августа.

А наутро журавли
В неба просини
Плыли, словно корабли,
Дело к осени.

Как судьбе не прекословь,
Всё начав с листа,
Запоздалая любовь -
Птица августа.

И под Шербургский мотив,
Под смычок сверчка

Тот, кто любит, тот и жив,
Живы мы пока.

Чтоб, когда укроет нас
Пустота густа,
Пахли яблоками в Спас
Звёзды августа.

<https://www.youtube.com/watch?v=p-OXC3fJjEQ>

Друзьям

Как мало нам отпущено,
Девчонки, пацаны.
Давно ль на тряпки пущены
Потёртые штаны?

Покуда ж под берёзами
Не начался расчёт,
То мы и не тверёзые,
А пьяные ещё.

Лакеев и фанатиков
Воспитывал в нас Хам,
Лупила жизнь романтиков
Линейкой по рукам,

Но свята первая любовь,
И нас Господь хранил,
Портвейном очищая кровь
От фальши и чернил.

Затылочки подбритые,
Из грязи, да в князья -
Шестёрки, нами битые,
Пролезли в кумовья.

С какими истуканами
Живём мы тет-а-тет,
Но водку пьём стаканами
И есть иммунитет!

Пусть времечко упрямое
Всё мчится в небытьё,
Кормило то же самое,
Меняется жлобьё.

Нетрезвые, но чистые
От жизни дележа,
Мы пьём вино лучистое
Вблизи от гаража.

Урок к концу подходит,
Недолго до звонка,
Уже по списку водит
Всевышнего рука,

Но мы не дрогнем лицами
На этом рубеже
С такими же девицами,
Готовыми уже.

Ностальгия

Путеводной звездой, да дорожной сумой
Нас с разлукой судьба обвенчала,
Тихой флейтой вдали зазвучала,
Не спросив, повела за собой.

Ни во сне, ни в бреду не обманешь беду,
Но под флейты волшебные звуки
Мы пустились в побег от разлуки
До разлуки по тонкому льду.

Ностальгия, ностальгия,
Это будет, а пока
Нас такими, нас такими
Помянёт пускай строка,

Жёлтый листьев беспорядок,
Уходящий солнца свет.
И Отечества дым сладок,

Да Отечества уж нет.

И в неясную даль, прочь прогнавши печаль,
Мы пошли, куда звали свирели.
Ах, как мы от свободы пьянели,
Да счастливее стали едва ль.

Как себя не трави, ностальгия в крови,
Мы эпохи ненужные дети,
Избегая отеческой плети,
Попадаем в объятия твои.

Ностальгия, ностальгия,
Детства памятью больна,
Мы всё те же, нас чужие
Не отпустят времена

На родные пепелища,
Нищей юности уют,
Ностальгия не для нищих,
Нищим здесь не подают.

До последней версты всё погосты, кресты,
Только б нити судьба не прервала,
Только б флейта, как прежде звучала
Над тобой у последней черты.

За последней чертой приговор и покой,
Невозможность вернуться обратно,
Ну, а жизнь и была, вероятно,
Долгожданной дорогой домой.

Ностальгия, ностальгия,
Нет ни берега, ни дна
И вина анестезия
Не спасает ни хрена,

И не вырваться из круга,
И не деться никуда,
Харе Кришна! Кали - юга,
Кали - юга, господа.

Поэтам

Не приключилась бы беда
На стыке времени земного
Уходит век, ну что ж такого -
Уйдут поэты, что тогда?

Поэта слово не пустяк,
Не важно, сладко или горько,
Поэт писать обязан, только
Не столько сколько, сколько как.

Не спи, поэт, гори, звезда,
Как соучастник тайны чуда,
Слова приходят ниоткуда,
В стихи слагаясь навсегда.

Чтоб жизнь не стоила пятак,
Тебе начертано незримо -
Писать, как жить необходимо
Неважно сколько, важно как.

Молва людская, как беда,
Найдёт тебя всегда и всюду,
Поэт приходит не отсюда,
Поэт не требует суда.

И только осень - верный знак,
Что время подводить итоги
И тот, кто ждёт в конце дороги,
Не спросит - сколько?, спросит - как?

Реквием

Не архангелы и не мессии,
И уж точно не божия мать -
Чёрт нас дёрнул родиться в России,
Что ж на бога теперь уповать?

Задуманная песня острога,

Да под водочку сельдь "иваси",
Только вены опального бога,
Словно совесть пропащей Руси.

В крепкий узел судьба наша свита,
В царство то ли рабов, то ль господ
И земля густо кровью полита -
Это наш генетический код.

И пророка мы ждём у порога,
И твердим: "сохрани и спаси",
И идея распятия бога,
Словно крестик нательный Руси.

Ах, Россия, быстра ты не шибко,
Добавь прыти, ямщик, хоть на треть,
Здесь родиться - то ль крест, то ль ошибка,
Где, чем выжить, честней умереть.

Птица-тройка, лихая дорога.
Куда мчится - попробуй, спроси.
Ночь глуха, голос сорванный бога
Кличет душу заблудшей Руси.

Забавное приключение

Всю ночь, от боли чуть дыша,
Душа скулила виновато,
Под утро боль ушла куда-то,
А вместе с нею и душа.

Себя истратив до гроша,
В постели холодело тело,
Быть может, время подоспело,
А может, вызрела душа.

Такой момент! Ну хоть бы кто
Из детской сказки появился,
Над изголовием склонился -
Хоть ангел, хоть Пегас в пальто.

Вот, круг прощальный соверша,
Под люстрой бабочкой порхала,
На свет рванула и пропала
Моя пропащая душа.

Кто был ничем, тот станет всем,
А я избалован был небом,
Не обделён судьбой и хлебом,
Кем только не был - стал никем.

Отныне больше не греша,
Уж не лгала и не блудила,
И не кляла, и не любила
Моя заблудшая душа.

И в надвигавшемся Ничто
Никто не встретил, не поздравил -
Ни Бог, ни черт, ни Пётр, ни Павел,
Ни некто, вообще никто.

"Готова ль к Вечности душа?" -
Слова, звучащие как трубы,
И прошептали мои губы
Довольно внятно: "Ни шиша!"

И врач сказал: "Коллеги,ша!"
И зарядил разрядом тело,
И в путь обратный полетела
Моя ожившая душа.

Боль возвращалась не спеша,
А, может, смерть не торопилась,
А, может, за меня молилась
Одна родная мне душа.

Застольная песня одинокого мужчины

Почему бы мне не выпить с собой,
Почему бы мне не выпить с судьбой,
Я один, она ведь тоже одна,
Отчего же нам не выпить до дна?

Ты не будь со мной суровой такой,
Видишь, звездочка зажглась над рекой,
В оковитой золотится луна -
Пей, сестрица, aqua vitae до дна!

Приглашу-ка я к столу тень мою,
Она выпьет, я ей снова налью.
Тень моя, лишь ты одна мне верна,
Нам за верность грех не выпить до дна.

Пьем за тех, чей жребий выпал уйти,
За сидящих и за тех, кто в пути,
Будешь, тень, сегодня в стельку пьяна:
Боль разлуки надо выпить до дна.

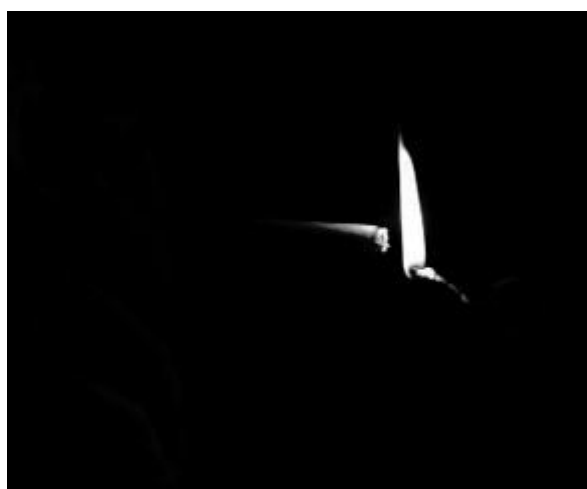
Раз уж вечер развесёлый такой,
Отчего бы мне не выпить с тоской?
Да не прячься, ты и так всем видна,
За веселье грех не выпить до дна.

Мы со временем трезвеем, а жаль:
Что нам трезвость, от которой печаль?
Терпкой истиной в бокале вина
Утолим свои печали до дна.

Отчего бы мне не выпить за жизнь?
Нелегка ты, но не падай, держись,
Твоя сменщица мне век не нужна,
Чтоб ей пусто было, выпьем до дна!

Лейся песня, вейся пейс, голос пой,
Легче пейся, сложный спирт и простой,
Под восьмерочкой блатной рвись, струна,
Ввысь лети припев шальной: "пей до дна!"

Лишь я и надежда

Меж деревьями бродит весна
И листва шелестит, как одежда,
И в квартире лишь я и надежда,
И бессонная ночь так нежна.

В эту ночь и на эту луну
Соловьи за окном расстарались.
Как вы вовремя, Надя, остались -
Мне сегодня невмочь одному.

И на чистом листе потолка
Акварелью дымок сигареты,
Мне надежда рисует сюжеты,
И на струны ложится строка.

И картина прозрачно ясна,
И Надежда рисует прекрасно,
Только Наденьке верить опасно,

Так как склонна к обману она.

Мне всё видится старый наш дом,
Я по памяти лица рисую,
И в весну окунаюсь иную,
Где мы счастливы были вдвоём.

И луна серебрит водоём,
И в сюжете нет места разлуке,
И мы, взявшись, как дети, за руки,
Вдоль воды, как по небу, идём.

Свет надежды – в ночи огонёк,
Звук шагов наших тих и неслышен.
Ах, Надежда, как слог ваш возвышен,
Как от жизни прекрасно далёк!

И я жду, как раскат грозовой,
Твой звонок через годы и тракты.
И ты скажешь мне: "Здравствуй, ну как ты?"
И воскреснув, отвечу: "Живой".

Цыганочка

Поговори хоть ты со мной,
Мое же отражение,
Как мне гнусен облик твой,
Призрак вырождения.

Неужели это я?
Знать, напился, как свинья.
Надо ж быть таким козлом -
Ошибиться зеркалом.

Ой ты, зеркало - стекло,
Чтоб ты, падло, скисло!
Было тело выпукло,

А теперь обвисло.

Стал я грушевидный,
Сверху низ не видно.
Сзади лысина пошла -
Значит молодость прошла.

Глаз заплыли васильки
И в груди изжога.
Скоро ног своих коньки
Кину, слава Богу.

Колька друг и так еврей,
Старше стал еще мудрей,
А я все тупею,
Но не молодею.

Что ты, милочка моя,
Плачешь там чуть слышно?
Знай, что я люблю тебя,
Хоть осечка вышла.

Ты не бойся, не гони,
Мы с тобою здесь одни,
Что дрожишь, с кровати встав?
Это в такт скрипит сустав.

Завтра юное овно
Скажет нам: подвиньтесь!
Нам же будет все равно -
Тампакс или фитнес.

Только вскоре и оно
Превратиться в прах должно.
Лишь один нетленен -
Высушенный Ленин!

Ещё одна цыганочка

Для чего и почему
Лезут в голову куплеты,

Бронхи просят сигареты,
Зенки смотрят на луну?

Для чего дано вино?
Чтоб стаканы не пустели
И душа полнела в теле -
Тело вот зачем дано.

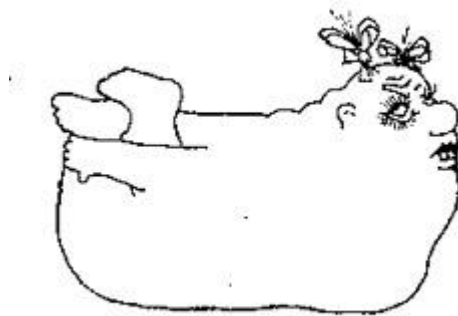
Для чего дана душа?
Для страданий, безусловно:
У богатого духовно
За душою ни гроша.

Если плоть душой слаба,
Меня вера выручает
Это то, что отличает
Человека от жлоба.

Смысл надежды объясним:
Чтоб питаться ей, родимой,
Не Столичной ведь единой,
Не Немировым одним.

Для чего любовью жил-
Чтоб она меня надула.
Вона взула, та й забула.
Я обулся – не забыл.

О йогах

Целомудренны и строги

И терпенья образцы,
Затянули мантру йоги,
Высшей мудрости певцы.

Завязав на узел ноги,
День за днём, который год
В одну точку смотрят йоги -
Любознательный народ.

Волоса твои редуют
И с лица воды не пить.
Ну а йоги молодеют,
Что имеет место быть.

Неподвижно и безмолвно
Попирая небосвод,
Йоги Землю держат ровно,
На пол став наоборот.

Опой песню не услышишь,
На ежа, пардон, не сесть.
Если через рот ты дышишь,
Через нос борща не съесть.

Стало ясно, как убоги
Те, кто дышит через рот.
До чего же эти йоги
Удивительный народ!

О духовной практике

Московский
психофизиологический
диспансер №4
г. Москва, Смоленская ул., 8
Тел. 452-51-11

НАПРАВЬТЕ
в любую почтовую или
адресную службу
страницы на выбор предельно
страниц

СПРАВКА № 5274

Дана Скобцову В. Л. в том, что он йог.

Врач: Сай 20 декабря 1994

М. П.

4007 "Атлас-Контраст", ш. 03.01.94, с. 1006

Мне сказал один астеник,
Бывший йог и шизофреник,
Что я выгляжу, как веник,
И дышу не так совсем.

Что, сгорая от желаний,
То кручусь, как вшивый в бане,
То верчусь в клешах страданий
И напрасно мясо ем.

Я сказал ему: "Калека,
Заждалась тебя аптека,
Мясо - хлеб для человека,
Не работает – не ест".

Ну а он мне: "Ты сначала
Ощутишь с потерей кала,
Что такое Дхармапала,
Мудха мудхе люпус эст!"

И добавил, что в нирване
Места нет духовной рвани,
ОМ А ХУМ, мол, ПАДМЭ МАНИ,
Ну а я ему: "Постой!

Мани место есть в кармане,
На той хум нужны там мани,
Чтоб не в падмэ было Мане
На диване спать со мной.

И закончим пререкаться,
Заждалась душа абзаца,
Посошок – и заниматься!"
Он: "Вот слово, я не пью!"

Но халява крепче слова –
Выпил, съев в составе плова,
И священную корову,
И пятнистую свинью*.

А потом без разговоров
Сам нарезал мухоморов
И давай гонять трезоров

С реактивным звуком "ОМ".

Я взлетел, но без турбины,
Видел яркие картины -
То ли выход из вагины,
То ль с Гоморрою Содом.

Больше я не практикую,
Не боюсь, но не рискую
Извиняюсь, хатха-йогу
Еще раз налить сакё,

Чтоб опять беды не вышло,
Всё, сипаи, Харе Кришна!
Харе Рама, в рот вам дышло,
Наму Мёхо: Рэнгэ Кё!**

*-Укр.вариант:

И пятнистую корову,
И священную свинью.

** - Адепты школы Нитирэн - сию утверждают, что духовная практика может ограничиться цитированием заглавной строки Лotosовой Сутры ";Наму Мёхо: Рэнгэ Кё".

О пользе и вреде суицида

Я на коечке лежу
И в окошечко гляжу,
Правда, стёклышки в решётке,
Но на это я ложу.

Между небом и землёй,
Между полом и петлёй
На суку цветущей жизни
Я повис ужасной тлём.

Мого тела механизм
Разрушает пессимизм -
Засорилась тяга к жизни,
Не фурычит организм.

Мне здесь колют, что и всем,
Персонал сдурел совсем,

А я плачу, жопку прячу
И таблеточки не ем.

Мне сказал тогда главврач:
"Ты лечись, а не плачь.
Жизнь, она неоднозначна,
Многогранная, как мяч.

Ты глаза закрой, ага,
И в себе найдёшь врага".
Я пошёл, глаза зажмурил -
Блин, не вижу ни фиги!

Зенки жмурю дотемна,
Открываю - вот те на:
Надо мной рублём железным
В небе полная Луна.

Там три профиля видны -
Путин с крайней стороны,
Не отдашь тут богу душу
Под влиянием Луны!

Глянул вбок: сосед Кашей
Жрёт мою тарелку щей.
Не могу без суицида
Я от этих вот вещей!

Гвоздь, верёвка - все дела,
Да сноровка подвела,
Санитары отбуцали,
Обобрали догола.

В простыне я, как в плаще
И вопрос тут не в борще -
Быть, не быть мне в этой жизни,
Если это жизнь ваще?

Дорогие доктора,
Гвоздь забрали на*ера?
Ладно, завтра прыгну с крыши,
Всё, ни пуха, ни пера!

Закон сохранения

Когда тоскливо и душа слезится,
Ты выйди в поле, хватит горевать!
Смотри: взошла озимая пшеница,
Ей на твои проблемы наплевать.

Пшеница любит солнце, созревает,
Пшеницу любят сёла, города,
Кто любит суслика, она и знать не знает,
И, впрочем, не узнает никогда.

Пусть жизнь, как оказалось, не повидло
И денег, как с овцы поганой шерсть,
Сплошной тоннель и выхода не видно -
И суслика не видно, а он есть!

Свистит подлец и колоски таскает,
Умрёт в когтях орлиных – не беда,
Зато там нор никто не заливает
И бампером не стукнет никогда.

И пусть судьба капризна, как девчонка,
Будь выше, видишь: в небе голубом
Недавно откликался на орлёнка,
А суслика покушал – стал орлом.

А кто там дуло в небо поднимает?
Где что увидит, так пальнёт туда,
Но этот сверху знать всех не желает
И, впрочем, не узнает никогда.

В цепочке пищевой теряешь годы,
Не жди конца, как овощ или фрукт,
То, что в конце, то и венец природы,
А также окончательный продукт.

Такое, если где и убывает,
Не исчезает вовсе никуда
И никогда оно не унывает,
Как, впрочем, и не тонет никогда.

Соколиный плач

Как же жить нам теперь, что наделал ты, Мишка?
Не глядели б и вовсе глаза на тебя!
И пылится в углу ветеранская книжка,
И повернут к стене светлый образ вождя.

Долго правил страной отставной полководец,
Постарело Бюро и душою скорбя,
Мы избрали тебя, а ты плюнул в колодец
И вот этой водой сам напоишь себя!

Снится нам по ночам как идём в бой кровавый,
Снится нам Краткий курс и ещё кое-что,
Нам сказали и мы мир разрушили старый
И построили свой-оказалось не то.

Неужели фашизм? Но общественным строем
Не велит возмущаться партийный Устав
И хоть жалко, но мы всё опять перестроим.
От работы такой авангард не устал.

А когда в трудовые с непрерывным стажем
На столе кадровички ляжет смерти черта,
Мы архангельской ВОХРе партбилеты покажем
И Отец Всех Народов нам откроет врата.

Песня о тройке

Снизу грязь, сверху снег,
Типа звон бубенца.
Это тройки разбег
Без начал и конца.

Эй, ямщик, оглянись!
Ты везешь нас куда?
То ли вверх, то ли вниз,
Толь вообще в никуда.

Да ямщик, братцы, спит,
Дал Господь подлеца.
И не тем к нам сидит,
И не видно лица.

Это кто под горой
Отпустил тройку вскачь?
То ли новый герой,
То ль бессменный палач?

И в закатной крови
Тени чёрных крестов,
И поёт о любви
Стая серых волков.

С ними вместе поёт -
Больно песнь хороша -
То ли ночь, то ли чёрт,
То ли наша душа.

И от скачки хмельной
Пламенеет щека,
Над родной стороной
Пьяный бред ямщика.

То ли хлябь, то ли твердь
От столба до столба.
То ли жизнь, то ли смерть,
То ли наша судьба.

1986

Евгению Ломовскому

А помнишь, Женя, запустение,
Застой, запой и разложение,
Когда, прорвавши торможение,
В наш лагерь хлынула весна?

И началась реконструкция
Согласно письменной инструкции,

И над панельною конструкцией
Повисла трезвая луна.

Теперь в борьбе с американцами
Мы скоро сократим дистанции -
Починим атомные станции,
Построим новый пароход.

У нас сегодня ускорение,
Его мы примем с одобрением,
Нам дайте только направление:
Назад или опять вперёд.

У нас сейчас эпоха гласности
И референт из безопасности
Уже не видит в том опасности,
Глаза на это всё закрыв,

И нам сказала бюрократия,
И наших дел заплечных братия:
- У нас сегодня демократия,
Застой окончен. Перерыв.

1986 г.

Водограй

Вот иные времена,
Имена звучат другие,
Я чужой и мне чужие
Люди, город и страна.

Не накликать чтоб беду,
Твёрдо в землю взгляд уставив,
Как агент Кремля Исаев
Вдоль по улице иду.

Каравай наш каравай -
Кандидаты, депутаты,
Коммунисты, демократы -
Кого хочешь выбирай.

Заберштайн уехал в штаты
И плевал на каравай.

Для кого и нахрена
Кровь души своей пролили?
Про Высоцкого забыли,
Девкам нравится На-на.

Ёлы-палы, мозг пустой,
Парням нравятся ребята,
Девкам нравятся девчата,
Извините, что без мата -
У меня приколы такой.

Каравай наш, каравай,
Кандидаты, депутаты,
Нувориши, бюрократы...
Заберштайн уехал в штаты,
Я уехал за Карпаты,
В Запархатье, дивный край.

Тельный крест поверх пальто,
Словно член висит на шее,
С интеллектом еле-еле -
Вот хозяин жизни кто.

Я в лицо его узнал:
В очистительном процессе
Выезжал на "мерседесе"
Из меня духовный кал.

Каравай наш каравай,
Кандидаты, депутаты,
Нуворишки, демократы,
Заберштайн уехал в штаты,
Я уехал за Карпаты,
Пусть народ здесь туповатый,
Но зато есть водограй.

Народная депутатская

Так Бог придумал мир когда-то,

Всех тварей парой наделил,
А молодого депутата
Ориентации лишил.

Дал Бог крестьянину лопату,
Монтёру ключ дал разводной,
А молодому депутату
Значочек маленький такой.

Сцепились в схватке кандидаты,
Рябое сделалось лицо,
А молодому депутату
Попало прямо в грудь яйцо.

Закончатся теледебаты,
Вернётся мафия опять
И молодого депутата
Заставит бабки отмывать.

2004 год, Украина

О единстве и борьбе противоположностей

Один коммерсант по фамилии Гегель,
А может быть, Бабель, а может и Бебель
Должно быть, с утра изобрёл это свинство -
То зла, то добра, то борьбу, то единство.

Рванувши рубашку, обнявши цыганку,
Душа нараспашку, карман наизнанку,
Наутро страдаешь, к обеду поймёшь:
Чего не теряешь, того не вернёшь!

От бед сердце стонет, но мыслишь потом:
Коль враг твой не тонет, то это симптом!
Судьба то голубит, то в бездну бросает,
Доверчивость губит, брезгливость спасает.

Творит выкрутасы с людьми жизнь старуха:
С отсутствием массы присутствие духа,
Отсутствует вена - излишек укола,

С наличием члена отсутствие пола,

С наличием масти отсутствие меры,
С присутствием власти отсутствие веры,
Родившись умрёшь, умеревши родишься,
Одно обретёшь, так другого лишишься.

Вот так, землячки, удружил нам Фельдфебель,
Точнее Вольфогель, вернее Гельдфегель,
Да хоть бы и вовсе Иосиф Кобзон -
С утра никому доверять не резон.

Синдром глобального потепления

Как климат наш меняется, теперь не то, что прежде -
Зимой вдруг потепление, весной снегопад.
И дружно дворники метут, но веники всё те же,
И машут, вроде чаще, и тот же результат.

Гидрометцентр привычно врёт, вселяя в нас надежды,
Но лишь подтаяли снега, метели тут как тут.
Меняет мётлы управдом, но дворники всё те же
И даже новой метлой по-старому метут.

Переполох и суета царят в бюро прогнозов:
Что говорить, как угадать, где лето, где зима?
В столице оттепель пока, в провинции морозы,
А на дороге впереди не видно ... ничего.

Казачья

Ночкой тёмной, да лихой стороной
Едет во поле казак молодой.
В поле к воле через степь да байрак
Едет по полю казак.

Широка да глубока Днепр-река,
Дома доля нелегка казака,
Лучшей доли ищет в поле казак
И без воли он никак.

Пой, гуляй, казак, покуда живой,
Волю вольну береги, дорогой,
А не сможешь, так какой ты казак?
И зовут тебя никак.

Саблей месяц в небе сам свысока
Манит, свесясь, к небесам казака
И поёт в степи привольной казак,
Что без воли он никак.

Ты неси меня, мой конь вороной,
Седока, мой конь, ты чуешь спиной,
Сердцем чуешь ты, кто друг, а кто враг -
Православный, али как?

Разгулялась во степи Днепр-река,
Не удержишь на цепи казака
И до боли хочет воли казак,
И без крови тут никак.

Последний ангел

Собака - последний ангел, который не отвернулся от человека.

Пусть нет на зиму ботинок,
Пусть в комодѣ паутина -
Я пойду на птичий рынок,
Я давно уже решил.

Не штаны и не рубаху -
Я куплю себе собаку,
Если спросите: "Зачем?" вы,
Я отвечу: "Для души".

Это не секрет для многих,
Что в отличьи от двуногих,
У друзей четвероногих,
Чем сильнее, тем умней -

У боксѣра и у дога,
Бультерьера и бульдога
От людей отличий много,
И не в пользу для людей.

Водолазы, овчарята,
Впрочем, как и все щенята,
Впрочем, как и все ребята
До чего же хороши!

Назову щенка я Сильва,
Он меня полюбит сильно
Не за то, что я красивый,
Не за то, что очень умный,
А по признакам души.

И пусть мясо дорожает,
И соседи возбужают,

И терпенья не хватает,
Только, что ни говори,

Пёс в беде бросать не станет,
Не предаст и не обманет,
Ни за кнут, и ни за пряник,
А сугубо по любви.

Все путём, одно лишь плохо -
Коротка собак эпоха,
Пес уйдёт, последним вздохом
Жизнь собачью не кляня.

Когда я приду туда же,
Страшный суд не будет страшен -
Буду знать, там непродажен,
Мой защитник ждёт меня.

Пусть нет на зиму ботинок,
Пусть в комодке паутина,
Я пошёл на птичий рынок,
Я давно уже решил:

Не штаны и не рубаху -
Я купил себе собаку,
"Для чего?" – меня спросили,
Я ответил: "Для души".

Песня о друге. Часть первая.

Утомлённая печень

Задолбался летать буреветник,
Счет на вёдра пошел коньяку,
Плод любви нашей к авторской песне
Зреет ёжиком в правом боку.

Рядом друг мой Борис,
Русской речи изъян,
У Бориса каприз:
Он сегодня не пьян.

Убегаем в тайгу без оглядки,
Получивши от местных люлей,
Нас спасают сырые палатки
И тепло давно мытых людей.

Как без Ленки Парис,
Как без кнопки баян,
Так без стопки Борис
Почти сутки не пьян.

У костра с другом вспомнишь немало
Бывших жён, беспризорных детей,
Жизнь проходит, как дым от мангала,
А с мангалом и жить веселей!

И невнятно Борис
Говорит: "Шоб налей!" –
Непонятный Нарцисс
Среднерусских полей.

Не шерше ля фам ночью по-пьянке,
Не ходи в тёмный лес по грибы:
Ты ж всё время находишь поганки,
А не то, что "хотелось бы".

Листья падают вниз,
Грустно пахнет простор,
Тонкой струйкой, Борис,
Не потушишь костер.

Тает птиц перелётная стая,
Верность женщин подобная ей,
Только крепкая дружба мужская
Альпинистской верёвки прочней.

Глядя в жуткую высь
И (фиг)ню говоря,
Всё же друг мой Борис
Воздух портит не зря!

Песня о друге. Часть вторая.

Потерянное лицо

Крутя по встречной колесо,
Летел хюндай как птица-тройка.
Отдал ментам полтыщи Борька,
На бабках Борькино лицо.

Сержант грузин сказал:"Кацо,
Ты сколько пьёшь и кушай столько!"
И завздыпопил горько Борька
Ездой помятое лицо.

Мария вышла на крыльцо,
На небе догорает зорька,
Под юбку к Машке лезет Борька
И видит там своё лицо.

Жизнь, как протухшее яйцо
И дым Отчизны пахнет ой, как!
На стол селёдку "ложит" Борька -
Такой же запах и лицо.

Взошла луна заподлицо,
Пустыня внемлет Богу, только
Храпит лицом в салате Борька .
И видит Борькино лицо.

Как будто с прорезью сальцо,
Как на мангале помидорка -
Вторичных признаков скатёрка
Покрыла Борькино лицо.

Опохмелиться с утраца,
В лицо засунув сигарету,
Зашёл в пивбар, а пива нету!
С тех пор на Борьке нет лица.

Байда

*ПОВЯЩЕНИЕ ФЕСТИВАЛЮ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ С
ОДНОИМЁННЫМ НАЗВАНИЕМ*

Гитару тешила рука,
Гляделись в воду облака
И осквернённая река
Сияла в отблесках заката.

На сцене пучились юнцы
И каэспэшные отцы
Сидели важно, как купцы,
Птенцы несчастного Булата.

Ещё не чувствуя беду,

Лягушки квакали в пруду,
Пейзане слушали бурду
И уносило ветром эхо.

Как дивный сбор осенних трав,
Девиц нетронутый состав.
Каплан сослался на сустав,
Забашта просто не приехал.

И я спросил тогда КучмУ:
"Скажи, Серёжа, почему
Уж всё ни сердцу, ни уму?"
И отвечал КучмА, зевая:

"Тусовки бардов и людей
Не сердца для, а для полей:
От КУчмы и до наших дней
Нитрат - основа урожая!"

Маздофа. Сергею Каплан

Ах, зачем я поехал на слёт,
Лучше б лёг я невинным в могилу,
Были ж ведь и верёвка, и мыло,
Пока я не поехал на слёт.

Зачем влез я в чужой огород,
Лучше б песни по радио слушал
И меня б худсовет не прослушал,
Объяснив мне, какой я урод.

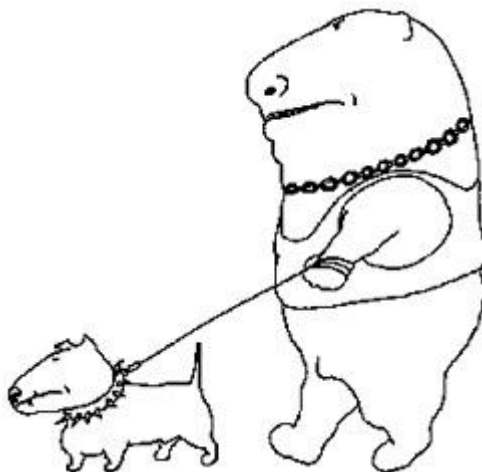
Я тогда бы не бросил завод,
Я бы с акций имел дивиденды,
Жёнам я б не платил алименты,
Не ходил бы раз в год на развод.

Я бы в отпуск катался раз в год,
Я бы на день три раза питался,
Я бы пьяный в пыли не валялся,
Заградив пешеходный проход.

И здоровым я б был, как пилот,
И давал бы прекрасный анализ,
И медсёстры б меня не боялись,
Если б я не поехал на слёт.

А затем я поехал на слёт,
Что маздофа тусуюсь с бомжами -
Их народ называет бардАми,
Но признаюсь, Каплан, между нами,
Что бездарной стрельбы тёти Фани
Не простит православный народ!

Подражание псевдоблатному фольклору

Купил я лепень*, взял билет на Юг.
Мы познакомились в вагоне-ресторане
Вам захотелось соблазнить тогда по пьяни
Меня, уставшего от воркутинских вьюг.

И вы ложИли на ногу ногу,
И я сказал на это: "Детка Роза!
Любовь не доктор, лечит без наркоза,
А без наркоза я боюсь, что не смогу"

Я лепень скинул, чтоб расслабиться чуть - чуть
И закатил слегка рукав своей футболки,
Вы любовались красотой моей наколки,
Я объяснял вам ее внутреннюю суть.

Вы так просили научить вас воровать
И я сказал на это: "Детка Роза!"

Любовь – цветок, шо нежен, как мэмоза,
Я не хочу его до праздников срывать."

Прошли года, порвался лепень – се ля ви!
Но не даёт забыть вагона-ресторана
Души незаживающая рана,
Как шрам незатянувшейся любви.

Слеза упала в белое вино.
Прощаясь утром, я сказал: "Бай, детка Роза!
Любовь огонь, а вы дитя мороза,
ДитЯм с огнем играть воспрещено!"

* - лепень - (жарг.) пиджак

О пользе военной службы

Военная присяга,
БаннЫй день,
Ты теперь салага,
А не пень.

Два года пронесётся
Наконец,
Дембелем вернётся
В свой город погранец.

Вдоль границы ходит
С той стороны шпион,
Нам бинокль наводит
Прямо на погон.

Думает, что это
Огурцы -
А то такого цвета
Погранцы!

Не поймёт бродяга,
Что за хрень -
А то моя фурага
Набекрень.

Захотелось дяде
Выкрасть огурцы -
А то мы в наряде,
Погранцы!

Замаскировался,
Сразу не узнать,
Под проволокой прокрался,
А мы ему: "стоять!"

Паспорт отобрали,
Отклеили усы
И тогда узнали
Шпиона погранцы.

И Устав,
Зачитанный до дыр,
Дочитав,
Сказал наш главный командир:

"Дружные ребята,
Молодцы!
Лучшие солдаты –
Погранцы!"

Поётся песня громко,
Заглушает грусть,
Дома ждет девчонка,
Чувствую - женюсь.

Можете гордиться
Матери–отцы:
На замке граница,
В будке погранцы!

Грузинская песня

*Вместо эпиграфа, или для тех, кто не понял:
Птица украла мобильник. Это шутка. Грузию люблю.
Политического подтекста нет.*

Тьма укутала долины,
Засыпает гордый край,
Нету лучше, чем грузины,
Генацвале, вай-вай-вай!

Эй, орёл, слезай с вершины,
Ты мобильник мой отдай!
Ты мужчина, я мужчина,
Ты мужчину уважай.

К диалогу, есть причины,
Важно сделать первый шаг,
Так спускайся вниз с кручины,
Что стоишь там, как ишак?

На лицо легли морщины
Под фуражкой, вай-вай-вай!
Все орлы, как армянины,
До свидания давай!

О любви

I

Ненависть

Я ненавижу тот завод,
Где рельсы делает народ,
Пусть из бетона и металла,
А я плюю на эти шпалы!

Мой гнев не ведает границ,
Я презираю проводниц,
А вид скрещённых молотков
Меня вообще лишает слов.

Недобро глядя на составы,
Чешу на кулаках суставы,
Мне, как мулета матадора,
Зелёный глаз у семафора.

Ах, если б мог я бегать быстро,
Я удавил бы машиниста,

А если б слово кто сказал,
Я б разогнал ж/д вокзал.

Возненавидел так до гроба
Я всю железную дорогу,
А особенно паровоз,
Что от меня тебя увёз.

II Уважение

Я уважаю тот завод,
Который сделал самолёт,
Тот двухмоторный агрегат,
Что мне вернул тебя назад.

Авиатанго

Я с судьбою не шучу,
Мы присели перед рейсом,
Дорогая, не надейся,
Я обратно прилечу.

Сам процесс необъясним:
Самолёт ведь из металла,
Но из виду ты пропала,
Значит, всё-таки летим!

Рядом парень заводской
Душу водкой облегчает.
Пролетарий так летает,
Потому что он такой.

У меня душа не спит,
То отпустит, то вернётся,
То Гагариным смеётся,
То Стахановым грустит.

Задрожал в окне дизайн,
Лётчик асс или любитель,
Что водил он - истребитель
Иль уборочный комбайн?

Подозрительно вспотел
Лётчик, то есть авиатор,
А по мне, хоть аллигатор,
Лишь бы по небу летел.

Лишь бы он держал штурвал,
Продолжалось чтоб движенье,
Чтоб от силы притяженья
Транспорт вниз чтоб не упал.

Мне конфету карамель
Предложила стюардесса –
Горло высохло от стресса,
Карамель не лезет в щель.

Солнце село, мы летим,
А пора бы приземлиться,
Что ж порхаем мы, как птица,
Что ж садиться не хотим?

Сгинул аэровокзал,
Шар земной как будто сдулся –
То ли лётчик промахнулся,
То ли тормоз отказал.

Оборвался рёв турбин,
Стюардесса пьёт от счастья -
Наконец-то вышло шасси!
И, похоже, керосин.

Случайный романс

В городском саду весеннем
В час вечернего цветенья
Я увидел вас под сенью
И не смог сдержать себя.

Там вы сидя отдыхали,
Интенсивно так вздыхали
И рукою мне махали,

На скамеечке сидЯ.

И впадая в умиление
От подобного виденья,
Ощувив в груди волнение,
Я сказал тогда: "Мадам,

Начал разум мой двоиться -
Тело к осени стремится,
Се ля ви, как говорится,
А в душе - шерше ля фам!".

А потом просил вас слезно:
"Не проспите час свой звездный.
Я уйду, и будет поздно -
Не воротите любви.

И пусть путь земной наш краток,
Сорок лет - еще задаток.
Ну а вы второй десяток
Разменяли, черт возьми!

Вы понравились мне сразу.
Сжали горло метастазы,
Захотелось так экстазу,
Что лицом я стал красней...".

Тут в ответ вы мне сказали,
Что другого сидя ждали
И не мне рукой махали,
А гоняли комарей.

Прощальный ужин

Прощальный ужин ночью при свечах,
Застыли слезы в голубых очах,
Что может быть ужасней этих мук:
Глядеть на то, как вы едите лук?

Читать пытаюсь с вашего лица,
В прекрасной книге нету ни словца,

Гляжу в глаза, как в зеркало души,
И там брожу в нетронутой глуши.

Играет музыка, оркестр вошел в азарт.
И я шепчу: "вам нравится МоцАрт?"
Ответ ваш нежный не услышать мне -
В устах омар, безмолвствуют оне.

ВертИтся в пальцах курицы кусок,
Струится пот, стекая на висок.
Звучней фагота и сильней стихов
О, запах пота с запахом духов!

Я вам прочёл "Темнели небеса",
Вы вытерли ладонь о волоса
И засмеялися, пленяя простотой,
И зуб блестел коронкой золотой.

Деньрождение

Мысли всё то чистые, то грязные -
Так природа ищет идеал.
Если мы с тобой такие разные,
Значит я гетеросексуал.

В городском саду цветёт акация,
Дети кормят хлебом лебедЯ,
Я не понял слова сублимация,
Я страдаю очень без тебя.

Я сказал, любуясь лунным профилем:
"Вот звезда на небе, как алмаз".
Ты сказала: "На зиму картофелем
Запасаться выгодней сейчас".

В городском саду цветёт магнолия,
Мне магнолий этот ни к чему,
То ли ты говно, а то ль говно ли я -
Ничего уже я не пойму.

Я читал тебе стихи Ахматовой,
Пастернака, Пушкина, Гюго.
Ты в ответ сказала, что Лохатова
Пишет очень даже ничего.

Зацвело ужасное растение,
Закричала птица какаду,
У тебя сегодня деньрождение,
Правда это только раз в году.

О быстротечности весеннего периода

Нет ни покоя, ни сна.
Как говорится, весна.
-Рита, вы мне дорога!
Ты отвечала: "Ага".

В небе сперва, как мигнёт,
А потом, как долбанёт,
А после так полилось,
Что думал я, началось!

В воздухе пахнут цветы,
На фотографии ты.
Глянул внезапно в окно,
Глянул и понял - оно!

Месяц – не месяц, а май,
Жарко, хоть майку сымай.
Вечером спала жара
И я решаю: пора!

И посмотрев на луну,
Прямо сказал тебе: "Ну?"
Ты мне ответила: "Не!"
Вот и хожу, как во сне.

В парке и танцы, и смех,
А я все думаю: "Эх!"
И посылаю всех на -
Вот как проходит весна!

Это осень

Птицы тянутся на Юг,
Им ни паспорта, ни визы,
Я машу руками снизу,
Это осень, милый друг.

Я лежал в траве ничком,
Осень по лесу ходила,
Мне на душу наступила
Своим тонким каблучком.

С тучи капля сорвалась,
С дуба жёлудь оторвался,
Я в тиски тоски попался,
Как на удочку карась.

Вышел зайчик и пропал,
Отмотал своё под елкой,

Синих глаз твоих двустволкой
Я убит был наповал.

Уткой рухнул в камыши,
Испустил последний шёпот:
"Где ж ты, где ж ты, личный опыт?
Лишь ранения души."

Птицы тянутся на Юг,
Мне туда закрыли визу,
Я смотрю на небо снизу,
Это осень, милый друг.

Был сентябрь...

Был сентябрь, причал речной
Обнимала ночь волной,
Мы стояли над водою,
Целовались под луной.

Были холода ночей
Поцелуи горячей
И плыла земля под нами,
И летели мы над ней.

Небо было vis-a-vis,
Ночь гршила до зари,
Нам любовь грехи простила-
Грех есть там, где нет любви.

Осень,осень,не спеши,
Листьев пламя не туши,
Сад любви укрыт цветами
И стихами сад души.

Заклинал я неба синь:
Любовь душу не покинь,
Ибо есть твоё лишь царство
Ныне, присно и Аминь!

У вселенной на виду

Из открытого окна виден свет звезды вечерней,
Золотится лунный луч, протянувшийся к окну
И на стареньком ковре две отчётливые тени,
Как в волшебном фонаре тихо сблизились в одну.

Так стоим мы и молчим, наблюдая вид на вечность,
Где царит ночной покой и созвездья vis-avis,
В небе вспыхнул огонёк - нас встречает бесконечность
То ли новою звездой, то ли ангелом любви.

Мы с тобою перешли в измерение иное,
Нашим судьбам мы дадим в эту ночь другой отсчёт.
Жизнь, как водится, пройдёт, только все это - пустое,
Важно то, что ты со мной, остальное все - не в счёт.

Что же надо мне ещё? Ничего уже не надо.
Знаю точно: вряд ли я что-то лучшее найду
И вся жизнь длиною в ночь, и стоим с тобою рядом
У открытого окна, у вселенной на виду.

Листопад

Выспренна
Осень на лист легла,
Птичьёю стаёю ввысь позвала,
Вызрела.

И отзывается стих струнам в лад,
Пальцы касаются их наугад,
И опускается, тих и крылат,
Листопад.

Вот заря
Будто бы с алтаря,
Ты не читаешь стихи сентября
Зря.

В строф алгоритме рифмы парад,
В ритме неслышном листья парят,
И говорит мне, что жизнь напрокат
Листопад.

Ночь пьяна,
Прочь, вина,
Выпьем до дна, ибо что за Луна
Без вина?

Осени чист жёлто-алый наряд,
Как аметист в золочёный оклад,
В просини лист пятипалый распят -
Листопад.

Боль, глоток,
Утоли,
А про любовь, да и то, между строк -
Надо ли?

И догорает судьбою закат,
И над землёю, предвестник расплат,
В небе кружит от утра до утрат,
Листопад.

Письмо с Востока

Вот Вам мой сюжет не новый:
Мне всё снится лист кленовый,
То ль он в сердце мне упал,
То ли я в него попал.

С золотым смешался красный,
День, наверное, прекрасный,
Жаль, что серо всё сейчас
Оттого, что нет здесь Вас.

Я по осени шатаюсь,
Сочинять стихи пытаюсь
И запутались слова
В паутинке багуа.

Иероглифом проворным
Ночь по охре пишет чёрным,
В Пустоте закат погас
Потому, что нет здесь Вас.

И нельзя назвать словами
То, что чувствую я с Вами
И я с Дао не шучу,
Адекватным быть хочу.

В облаках рассвета ленты,
Только мне индифферентны
Его ленты и он сам,
Точно так же, как я Вам.

Суждено сюжету длиться

Суждено сюжету длиться
До скончания времён
Там, где в действующих лицах
Лишь одни она и он.

Что потом должно случиться,
Знает мальчик Купидон -
То ли жизнь как сон приснится,
То ли явью станет сон.

Над влюблёнными склонится
Благосклонно небосклон,
Млечный путь ковром ложится
Перед теми, кто влюблён,

Небо звездное искрится
И летят она и он -
То ли явь, а то ли снится
Жизнь похожая на сон.

То ли судеб колесницы
Миновали Рубикон,
То ли ангелы, то ль птицы,
В вышине она и он.

Как осеннюю страницу
Жёлтый лист роняет клён,
Так пронзительно кружится
Жизнь короткая как сон.

И навек сомкнут ресницы,
Обнявшись она и он,
Снятся им друг друга лица
И не видят, кто влюблён,

Как по чёрной глади Стикса
К ним спешит седой Харон,
Их уж нет, а им все снится
Жизнь прекрасная как сон.

Босы ноженьки любви

В небе белая овечка,
Шар воздушный, как сердечко,
Алых губ твоих колечко,
Небо сине, хоть плыви.

Словно пойманная птица,
Шар над осенью кружится,
Не из шёлка, не из ситца,
А на ниточке любви.

Нет на свете тоньше нити
И напрасно не ищите,
А попробуйте порвите -
Режет сердце до крови,

Ненадёжней нет одежды,
Чем осенний плащ надежды,
Если б знали это прежде,
То не мёрзли б без любви.

Детским шариком воздушным
Я пушу по ветру душу,
Ты прости великодушно
И обратно не зови.

Я иные вспомню звуки
И забуду эти муки -
Острый ножичек разлуки,

Босы ноженки любви.

Созвездие Весов

Темнели небеса,
стоял октябрьский вечер,
И тишина плыла
под мерный стук часов,
Лишь за окном шептал
листвой холодный ветер,
Качая в вышине
созвездие Весов.

В ту ночь мне Бог весы
приблизил к изголовью.
Две чаши, вздрогнув чуть,
выравнивались вновь.
И левая была
наполнена любовью,
А в правую была
да-да, налита кровь.

Зачем же ты, Господь,
так близко их повесил,
К раскрытому окну,
чтоб смог достать рукой -
Качнулась чаша вниз,
но Бог уравновесил,
Наполнив до краёв
мне правую бедой.

И ночь была длинна,
и оплывали свечи,
И рядом был со мной
любимый человек,
И был запас вина,
и жизнь казалась вечной,
А за окном держал
весы двадцатый век.

Этой осени я не забуду...

Вышел месяц, взглянул, ножик-луч протянул,
Словно путь к заколдованной дверце,
Ключ в замке повернул, из тумана шагнул,
Да и осенью прямо под сердце.

Тишину сторожил, словно службу служил,
Пока свет на ветвях не забрезжил,
Вздвогнул, будто весну вновь пережил,
Лист осенний под сеточкой жил.

Сжала пальцы рука и стучит у виска:
Все часы, если б разом, да оземь!
Сороков сорока истекают срока,
На часах без пяти минут осень.

Ночь сентябрь ворожил, листьев крылья сложил
И виски паутиной заснежил,
Думал–жил, оказалось, что не жил
И не верится в то, что ожил.

Я устал от разлук и от зим, милый друг,
Столько лет я искал вас повсюду,
Этих глаз, этих рук, сердца сдвоенный стук,
Этой осени я не забуду.

Ветер лист закружил, на плечо уложил,
На плече своем век бы вас нежил,
Пока век, этот век мне не смежил,
Вот вам сердце под сеточкой жил.

Ничего не изменилось

Ничего не изменилось,
Ничего не приключилось,
Ты на грудь ко мне склонилась,
Я целую, словно пью.

День пустой сменился ночью,
Стала жизнь на день короче
И я понял вдруг, что очень,
Очень я тебя люблю.

Мы с тобой не знаем сами,
Что же завтра станет с нами
И волна несет на камни
Мир, подобно кораблю.

И над миром реет смута,
Мы с тревогой смотрим в утро,
Ждем беды, и потому-то
Я сильнее тебя люблю.

Наши жизни, словно строчки,
Далеки еще до точки,
Но беда поодиночке
Нас легко возьмет в петлю.

Обними меня покрепче -
Так нам выжить будет легче,
Эти руки, эти плечи,
Боже мой, как я люблю.

Ничего не изменилось,
Ничего не приключилось,
Просто ты ко мне склонилась,
Я целую, словно пью,

Просто день сменился ночью,
Просто стала жизнь короче,
Просто понял я, что очень,
Очень я тебя люблю.

Тем, кто любил

Жил только тот лишь, кто любил,
Кто как любил, тот так и жил,
В истоках рек, прологах книг
Казалось век, выходит миг.

И только, кто любви достиг
Все смыслы тайные постиг,
К губам приник, к дрожанию век

Припал на миг, пропал навек.

Кто не любил, тот и не жил,
Зачем-то чем-то дорожил,
И не понять ему вовек,
Что миг любви и есть твой век.

Тот, кто любил, благословен,
Его душа уйдёт из вен
В прощенья лик, созвездий бег,
В прощанья миг, в разлуки век.

NN

Такая выпала мне честь –
В тот вечер с вами быть счастливым
Под звездным небом молчаливым.
Выходит, бог на свете есть.

Я уж забыть успел, когда
Так было небо благосклонно.
Есть у любви свои законы,
Мне не понять их никогда.

Такая вышла мне судьба –
У ваших рук на миг склониться,
Чтоб безвозвратно превратиться
Из скифа в вашего раба.

Слова нам были не нужны
И объяснения тем паче,
Есть у любви свои задачи,
Решить их были мы должны.

И так печален был исход –
Мы добровольно шли на муки
Навстречу мчащейся разлуке,
На привокзальный эшафот.

Мне эту боль не излечить
Ни у огня, ни у иконы,

У жизни есть свои законы.
Да только, мне ли вас учить.

Осень на взморье

Темнокрыла и легка
Ночь накрыла облака.
Белых рук твоих крыла
Мне за плечи завела.

Непривязанный к земле,
Мой корабль летит во мгле,
А на мачте черный стяг.
Почему бы и не так?

Берег спрятался во мрак,
Только звезды, да маяк
Освещают с высоты
Мной сожженные мосты.

А в глазах твоих видна
Золочёная луна,
Ночь в глазах твоих нежна,
Я гляжу - не вижу дна.

Я шепчу - не слышу слов.
Без тебя не вижу снов,

Я кричу и крик немой
Таёт чайкой за кормой.

И всё дальше от земли
Наших судеб корабли,
Только неба черный флаг,
И луны мятежный знак.

Ночь пройдёт, падёт роса,
Мы покинем небеса,
Скроет утренний туман
Птиц последний караван.

Замыкает осень круг,
Веет холодком разлук,
Жизнь, прожитая не так
Поднимает белый флаг.

Налейте-ка лучше вина...

Когда от невзгод круговерти,
Печальная плачет струна,
Не верьте, не верьте, не верьте,
Налейте-ка лучше вина.

Пока на невидимой флейте
Играет девчонка Весна,
Налейте, налейте, налейте
И пейте, и пейте до дна.

Пока силы есть, не жалейте
Души золотого вина,
Налейте, налейте, налейте -
Смотрите, как чаша полна!

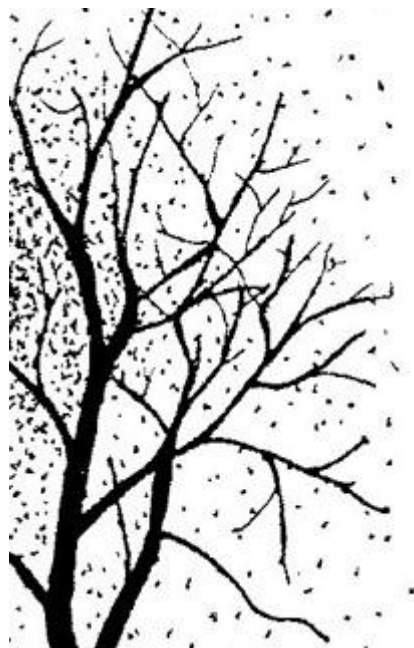
Пока на немислимой флейте
Нам Лето играет фокстрот,
Налейте, налейте, налейте
И пейте себе без забот.

Пока на чуднОй киноленте

Снимается наше кино,
Налейте, налейте, налейте,
Чтоб не было скучным оно.

Когда ж на серебряной флейте
Сыграют осенний этюд,
Обычного виски налейте
И пейте его без причуд.

Мы ждём прихода декабря...

Мы ждём прихода декабря –
И листьев жёлтые страницы,
И строчка птичьей вереницы
В тетради синей ноября.

И я прошу: Господь, прости,
Что жизнь прожита, как попало,
Но осень – времени так мало,
Ты душу к дому отпусти.

Там ждут меня, не гасят свет,
Там наши тени у порога,
И той, которая от Бога,
В ночь уходящий силуэт.

Верни её, Господь, верни –

Любовь, с которой я расстался
Ту, чьей молитвой жить остался -
Храни её, Господь, храни.

Поднимет осень якоря.
Не нам решать, когда расстаться,
Кому уплыть, кому остаться
И ждать прихода декабря.

Когда зима придёт ко мне,
Лицом уткнусь в твои я руки.
Избавь, Господь, нас от разлуки
В небесной этой стороне.

Ключ

Как только ночь задёрнет шторы вновь,
Всё затихает, на перрон вокзальный
В заветный час приходит поезд дальний
И в город возвращается любовь.

Она по старым адресам всё бродит.
Горят всё те же окна в темноте,
Но наши адреса давно не те
И к телефонам всё не те подходят,
И трубку поднимают всё не те.

Я дверь держал распахнутой судьбе,
Но приходили то беда, то ссоры.
Друзья бывали. Чаще были вору.
Я дом закрыл и отдал ключ тебе.

Чтоб ты явилась, каблучком стуча,
Чтоб ночь была, свеча и два бокала...
Но ты, как видно, ключ тот потеряла,
И не найти второго нам ключа.

Ну, что ж, прощай...

Ну что ж, прощай. Нас ждут уже дела,
Пора идти, да ноги непослушны.
Как трудно наши бранные тела
Уносят наши раненные души.

И пред бедой склонилась голова,
И холодно, и смолкли пересуды,
И сказаны последние слова,
Мы пьем чаёк из склеенной посуды.

Так значит, снова жить в пустых домах,
Среди чужих отыскивая близких,
И веселиться на чужих пирах,
И уходить оттуда по-английски.

И вновь брести сквозь стужу и ветра,
Хранить письмо в потрёпанном конверте,
Сидеть в дыму табачном до утра,
Отыгрывая жизнь свою у смерти.

Войдя в квартиру, полную тоски,
Свет не включать и не снимать одежду,
Бежать на телефонные звонки,
Цепляясь за последнюю надежду,

Искать несуществующий покой,
Идти вперёд под знаменем измены,
С гитарой, где навек разлажен строй
И струны словно порванные вены.

Январский романс

Луна качалась, как фонарь
У пьяного трактира,
Любви сопутствовал январь
Ключами от квартиры.

У батареи под окном,
Стараясь пить красиво,
Мы грелись импортным вином
Одесского разлива.

Хрипел магнитофон "Дніпро"
Зеленоглазым зверем,
Вы были Мерилин Монро,
Я был Хемингуэем.

Звонил весь вечер телефон,
И мы не отвечали,
И то, что все пройдёт, как сон,
Тогда ещё не знали.

Потом меж шторами в окно
Всю ночь луна светила
На иностранное вино
И джинсы фирмы "Рила".

И был не в силах небосвод
От страсти уберечь нас.
Который час был, месяц, год?
По-видимому, вечность.

Эпистолярный романс

Я к вам пишу, мой друг, в который раз.
Опять зима сменяется весной,
Который год уже вы не со мною,
А я, мой друг, забыть не в силах вас.

Все тот же сон меня уносит в даль,
Где нас вдвоем я вижу вновь так ясно
И верю в то, что это не напрасно,

И что воздастся радость за печаль.

Так, не сумев разлуки пережить,
В Россию птицы прилетают с юга,
Они прожить не могут друг без друга.
Мой милый друг, как мне без вас прожить?

Я вас зову во сне и наяву,
Пусть нас судьба, как ветер, разбросала,
На жизнь еще надежда не пропала,
Что я вас вновь своею назову.

Свою беду пытаюсь позабыть,
В краях чужих напрасно я скитался,
Вас позабыть напрасно я пытался.
Мой милый друг, мне вас не разлюбить.

Вас не вернуть, я знаю это сам
И лишь душа с разлукой не смирилась,
Она еще любить не разучилась.
И слава Богу, и спасибо вам.

Я заплачу за всё сполна...

Ещё один, последний такт
Скрипач сыграет и уйдет.
И, извинясь, официант
С улыбкой мне предъявит счёт.

Всё, что хотел ты получить:
Еду, вино и сигареты -
За всё приходится платить,
Да если б только лишь монетой.

Я заплачу за всё сполна,
За все, что выпил и что съел,
За то, что пьян был без вина,
За то, что жил, за то, что пел.

В кармане мелочью звеня,
По тишине ночной пройдуся.

Туда, где ждут уже меня,
Да я никак не соберусь.

И веселюсь в раю земном,
Покуда деньги есть ещё
И кто-то там, в краю ином
За все предъявит крупный счёт.

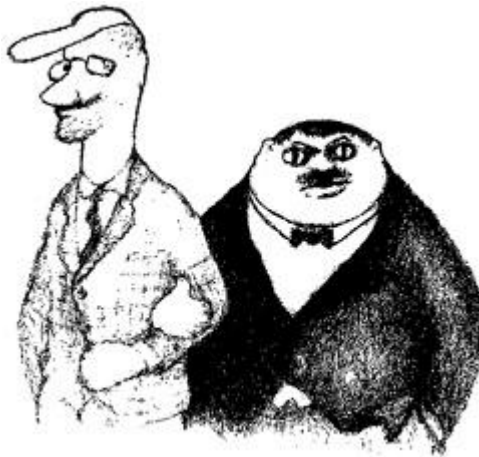
Я заплачу за всё сполна,
За всё, что выпил и что съел,
За то, что пьян был без вина,
За то, что жил, за то, что пел.

В кармане мелочью звеня,
По тишине ночной пройдусь.
Туда, где ждут уже меня,
Да я никак не соберусь.

3. Зонги к Мастеру и Маргарите

Зонги к Мастеру и Маргарите. I

НИКОГДА НЕ РАЗГОВАРИВАЙТЕ С НЕИЗВЕСТНЫМИ

Человек предполагает,
Что судьбу себе слагает,
И с Всевышним спорит зря -
Не та личность у руля.

Ничего и ни с чего
Не бывает у него,
Скажем, в отпуск вы собрались,
А выходит, зря старались.
Остаётся, вот беда,
Вы в Москве и навсегда.

И не бойтесь сгоряча
Вы шального кирпича,
Им вам в голову не врежут,
Вашу голову отрежут,
В общем, смерть под кирпичом
Не грозит вам нипочём.

И встревожен человек,
Ибо сложен его век.

Человек в потёмках рыщет,
Правду жизни в жизни ищет,
А постигнув жизнь вполне,
Ищет истину в вине.

Царство истины внутри,
Не скажи врачу, смотри!
Те, кто скорбны головой,
Это знают, Боже мой!

Как безумен человек,
Как бездумен его век.

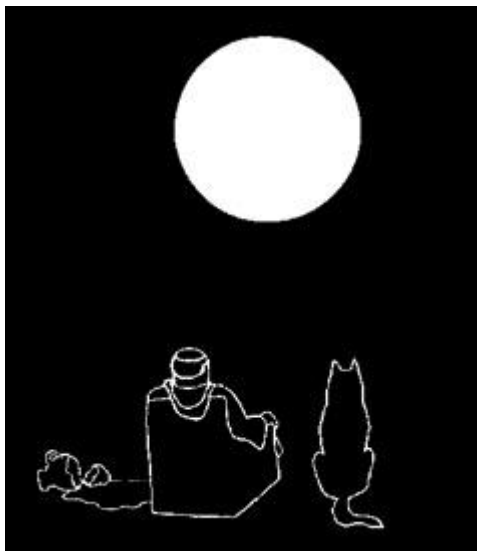
Человек так полагает,
Что судьбу себе слагает.
И летит, как мотылёк,
На коварный огонёк.

Человек предполагает,
Тот же, кто располагает,
Лишь смеётся над людьми.
Прямо скажем, чёрт возьми!

И летален человек,
И фатален его век.

Зонги к Мастеру и Маргарите. II

ПОНТИЙ ПИЛАТ

В белом плаще с кровавым подбоем
Понтий Пилат, золотое копьё,
Близится туча, пришедшая с моря,
И над Голгофой кружит вороньё.

Вы, прокуратор, опутаны ложью,
Раб ваш доносчик, а друг фарисей,
Вас тянет в Рим, но в Риме всё то же,
Хоть, безусловно, мираж там милей.

Истина в том, что сейчас очень жарко,
И голова нестерпимо болит,
и утешение – ваша овчарка,
и наказание пред вами стоит.

Вас раздражает философ упрямый.
Кентурион, объясните ему,
Что наша жизнь нынче кнут, завтра - пряник,
Пряники реже, увы, чаще кнут.

Что же он делает, этот несчастный?
Эй, за зубами язык придержи!
Инакомыслящий вора опасней
В мире, где правда опаснее лжи.

В общем, он прав, несомненно, но в общем,
В частном ошибся, чего там таить.
Нам сперва ближнего надо прикончить,
Чтобы, покаясь, затем возлюбить.

Первое сделано. Руки умыты.
Вот уже крестятся, локти грызут.
Боже, не верь! Лживы наши молитвы,
Не воскресай - тебя снова убьют.

Зонги к Мастеру и Маргарите. III

ПЕСЕНКА ИУДЫ

Хватит болтать о высокой идее,
Чтоб оправдать неустройство своё,
Самый толковый народ в Иудее
Те, кто за деньги способны на всё.

Так уж устроен мир под луною,
Тут ничего непродажного нет.
Сами судите, кто чего стоит,
Если ваш Бог стоит тридцать монет.

Всё продаётся, деньги бы были,
Слепыми станцуем, немыми споем!
Жизнь не прощает вопрос "или-или",
Нас покупают - мы продаём.

Зонги к Мастеру и Маргарите. IV

МАСТЕР

Как, скажите, уйти от судьбы,
Если свет Вифлеемской звезды
Вам строку на бумагу кладёт
И диктует всю ночь напролёт?

Ночь в канун воскресенья длинна,
Такова искупленья цена -
Тыщи лун за когда-то одну
Прокуратор глядит на луну.

Как, скажите, уйти от любви,
От пьянящего тока крови,
В миг, когда он её увидал,
Ту, которую век ожидал?

И на красную лужу вина
Неподкупная светит луна,
Прокуратор глядит на луну,
И бессмертно, и зябко ему.

Как, скажите, уйти от креста?
Стала память больна и пуста,
И за окнами чёрен туман,
И в печи догорает роман.

И на мраморе кровью видна
Проступившая лужа вина,
И судья постигает вину,
И казнённый скорбит по нему.

Зонги к Мастеру и Маргарите. V

МАРГАРИТА

Ожиданием жива,
Вдруг душа проснется ваша,
Вы не смейтесь над Наташей,
Эта ведьмочка права.

И предчувствием полна,
Неизвестности навстречу
Вы пойдёте, ждут вас вечер,
Полночь, магия, луна.

Богом нам душа дана,
Свет, любовь и постоянство,
Ну а дьяволом - пространство,
Полночь, мистика, луна.

Захмелеет голова,
Невесомым станет тело.
Милый, милый Азazelло!
Полночь, магия, Москва.

И предчувствиям верна,
Изменяется реальность:
Полдень, "дамочка", банальность.
Королева. Ночь. Луна.

Зонги к Мастеру и Маргарите. VI

МОНОЛОГ МАСТЕРА

Май на Тверской. Над безликим портретом партийца
Синей глазурью Господь небеса покрывал,
А в переулке ждала нас любовь, как убийца,
Сразу под сердце обоих сразив наповал.

Что вам число - недействительна с датой бумага,
Адрес - секрет, ну а имя - зачем вам оно?
И от любви до безумия было два шага,
Как до сирени, дышащей весною в окно.

И на вселенском ветру, средь космической пыли,
Встретились мы в этом хаосе судеб Земли
Лишь потому, что друг друга всю жизнь и любили.
Страшно подумать, а ведь разминуться могли.

Времени нет, это просто Фаготовы штуки.
Скажете, верно, что я сумасшедший. Пусть так.
Что вам число? Ах мой друг, чисел нет у разлуки.
Перед любовью и вечность всего лишь пустяк.

И соловьиные трели в оконце летели,
И выстилала дорожку ей липа в саду.
Видно клялись мы не так, не туда, зная, глядели,
Коль за окном разглядеть не сумели беду.

И от любви до безумия вышло два шага-
Кровь и любовь. Значит, третьего нам не дано.
Что вам число - недействительна с датой бумага.
Адреса нет, ну а имя - зачем мне оно?

Зонги к Мастеру и Маргарите. VII

СОН НИКАНОРА ИВАНОВИЧА

Дорогие гости, у соседей горе,
У соседей горе, вам говорят.
Кто-то сообщил в ЧК о Никаноре,
Что хранит валюту дома гад.

Для чего вам, граждане, валюта?
Без валюты веселее жить.
Чтоб в мозгах не заводилась смута,
Надо все отнять и поделить.

Офицеры предлагают браво
Провести на нарах вам ночлег.
Кстати, шаг налево, как и шаг направо,
Здесь воспринимают как побег.

Дорогие гости, все сдаем валюту,
Сдать валюту, вам говорят!
Кто не сдаст валюту,
Будь он сам Малюта -
В ГПУ, в КГБ, ФСБ, СБУ на всех есть компромат.

Зонги к Мастеру и Маргарите. VIII

СЕАНС ЧЁРНОЙ МАГИИ

Не на балет классический,
Не в цирк, где звери - львы,
А на сеанс магический
Собралось пол - Москвы.

Ах, знал бы Стёпа, во что влез,
С кем подписал контракт,
Но вот уж поднят занавес –
Закончился антракт.

(Появляется Воланд со свитой)

Воланд:

Да, сильно изменил Москву
Технический прогресс.
Мне важно знать, по - существу,
Про внутренний процесс.

Но публика скучает,
Уж долго я болтал,
Так пусть она сыграет,
А сценой будет зал!

(- А век plezier! - Фагот показывает фокусы, идет денежный дождь)

Публика:

Червонцы опускаются –
Хватило бы на всех,
Халява не карается,
А денежки – не грех!

Чьё сердце не заёрзает
От слабости мирской?
И прыгает, и ползает
В проходе род людской!

Как червячки в аквариум,
Червонцы, вашу мать!
И голову от этих сумм
Так просто потерять...

(На свою голову вмешивается Бенгальский с просьбой разоблачения)

Фагот:

Нам портит праздник дуралей –
Как говорите, ась?
Идея! Делай! Эйн! Цвей! Дрей!
Ну вот – оторвалась.

(Публика просит простить конференсье)

Воланд:

К деньгам людей усердие
Как раньше, так теперь,
Ну что ж, и милосердие
Стучится в эту дверь!

Москву так изменили
Науки чудеса,
А москвичи кем были,
Тем и остались.
Верните голову!

Фагот:

Назад башку поставили,

Червончик на бензин.
Надоедалу сплавили –
Откроем магазин!

Гелла:

Товар извольте получить
Французский задарма.

Публика:

Нам лишь бы деньги не платить,
А там хоть из дерьма!
Народ в волненьи тянется
К кальсонам от кутюр,
Народ опять останется
Без платьев и купюр.
Хватило б лишь бумаги – и
Проблема решена:
В сеансе чёрной магии
Родимая страна!

Кот:

Маэстро! Урежьте марш!!!

Оркестр:

Его превосходительство
Любил домашних птиц
И брал под покровительство
Хорошеньких девиц.

Жилося ему квасово,
Вольготно на Руси,
Когда б не битва классовая,
Большое ей мерси!

Теперь оно работает
Водителем такси
И по-французски ботает,
И мать его еси!

Зонги к Мастеру и Маргарите. IX

МОНОЛОГ КОРОВЬЕВА

Бал изумителен, ах, Маргарита,
Вами восхищены.
И сам Хозяин, и вся его свита
Просто поражены.

Вы, Маргарита, прекрасны,
Но где же в глазах запал?
Вы думаете о Мастере -
Я правильно угадал?

Где ваш неудачник гений -
Мертвый он или живой?
А вдруг волна невезений
Накрыла его с головой?

Да жив он, что с ним случится.
Смотрит в окно сейчас.
Ему при луне не спится,
Думает он о вас.

Ах, Маргарита, не говорите -
Муж ваш отнюдь не плох,

Да и любой, коль вы захотите,
Будет у ваших ног.

Но смотрите вы бесстрастно
Сквозь восхищенный зал.
Вы думаете о Мастере -
Я правильно угадал?

Ох, долго ему еще маяться
За свой злополучный роман.
Но он, похоже, не кается,
И эти слова не обман.

Сейчас он в больничной палате
Заснул, к стене прислонясь.
Но, как вы и полагаете,
Видит во сне он вас.

Ах, Маргарита! нынче в кредите
Ваш кавалер, сам Чёрт,
Всё, что хотите - смело просите:
Будет все первый сорт!

На вас взирает ласково
Тот, кто правит бал.
Вы просите о Мастере...
Я правильно угадал.

Зонги к Мастеру и Маргарите. X

КОНЕЦ КВАРТИРЫ N 50. МОНОЛОГ КОТА

С фамилией Кац иностранной
Писатель сосед жил тут странный,
Но в штатском два капитана
Пришли, и пропал сосед.

И Аннушка причитала:
"Срок сдач Беломорканала
Сорвется - у маргинала
Рабочей смекалки нет!"

Сосед Иванов писал оперу,
Но оперу было по ... покеру,
Ведь будь Иванов тот опером,
То б опер писал в две руки!

Забрали его полезного,
Назвали его болезного,
Практически необрезанного,
Троцкистом, и на Соловки.

А я никого не трогаю,
Чиню эту вещь убогую,
Вы шли бы своей дорогою -
Артист я, а не бандит.

За что ж вы кота несчастного,
К политике непричастного,
Без примуса неопасного
На польта в рабочий кредит?!

Зонги к Мастеру и Маргарите. XI

ПРОЩЕНИЕ И ВЕЧНЫЙ ПРИЮТ

О как грустна вечерняя земля!
Приходит ночь, уходят прочь обманы,
Растаяв, как весенние туманы,
Уходит день, бубенчиком звеня.

И мчатся кони, звездный путь пыли,
Ночь настигает и срывает маски.
Блестит река, внизу густеют краски.
Как ты грустна, вечерняя земля!

В прощальной мгле печальные поля
Уходят вдаль - нас ждут поля иные,
Душе уставшей не до ностальгии,
Но как грустна вечерняя земля!

Зонги к Мастеру и Маргарите. XII

ПОСВЯЩЕНИЕ М.А.БУЛГАКОВУ

В глазах прищур от папирос,
Взгляд устремлен в какие дали?
Не столько, как сюда попали,
Как уцелели – вот вопрос.

В тот небывало жаркий май
Закатно плавилось светило
И масло Аннушка купила,
И вез трудящихся трамвай...

Под вашей дверью до утра
Какой - то швондер в щелку дышит.
А поутру статью напишет
Такой же швондер от пера.

К утру сгоревшая свеча,
К утру синдромы болевые
И зреют яйца роковые
В сознании влажном стукача.

Мольер, он тоже прозябал...
Шаги по лестнице все ближе
И вы в Москве, а не в Париже,
И здесь другие правят бал.

Уже летит к концу роман
И кони мчатся над Москвою
Туда, где ждут вас дом с рекою
И пахнет вечностью туман.

4. Венки сонетов

Венок сонетов

I

Стали дали голубы,
Облака подобны стали
И глядят на птичьи стаи
Придорожные столбы.

И притихшие сады
Пожелтели, опустели
В ожидании метели,
Как в предчувствии беды.

Осень мастер листья жечь,
Осень режет без ножа,
Бесполезны сторожа,
Сад осенний не сберечь.

Листопада шёпот слышен,
Воздух тих и не подвижен.

II

Воздух тих и неподвижен,
Холодеет синь реки
И теплеют у щеки
Губы цвета спелых вишен.

Пьяным воздухом дыша,
Постигаю понемногу
Осень. И всё ближе к Богу
Загулявшая душа.

Запах осени и цвет
Обретают форму строк,
И вплетается в венок
Возникающий сонет.

Он воздушен, он возвышен
И уже почти что слышен.

III

И уже почти что слышен
В нисходящей вышине
Звук, входящий в сердце мне,
Небом осени приближен

И мелодией разлит.
Строгая и неземная,
Эта музыка иная
Непроявленно кружит

Над прощальным буйством сада,
Над палитрою шальной,
Над душой моей хмельной,
Над безумством листопада,

Над бессмыслицей судьбы
Звук неслышимой трубы.

IV

Звук неслышимой трубы

Тонкой льдинкой в небе тает,
Не удержим - улетает,
Как там ни старались бы.

Всё проходит. дым костра,
Тлеют листья, листья тленны,
Постоянны перемены
И осенняя пора

Приближает нас к чертогу
Неизбежному зимы,
Переменам внемлем мы
И зовёт, зовёт в дорогу

Стаи птичьей голытьбы
Звук неслышимой трубы.

V

Звук неслышимой трубы
Поглотил земные звуки,
Для прелюдии разлуки
Звуки прочие слабы.

Мчится времени река,
Что там ждёт за поворотом,
За времён круговоротом
Уже ясно, а пока

На осеннем берегу
Листья памяти листаю
И от детства убегаю,
И никак не убегу.

Бегства цель непостижима
И печаль необъяснима.

VI

И печаль необъяснима
Тенью ходит за спиной,
Курит по ночам со мной

И уже почти что зрима:

При пронзительной луне
Неожиданно, незвано,
Невозвратно и желанно
Стало детство сниться мне.

В сон осенний окунусь
И вернусь в весну и лето,
И не ясно, сон ли это,
И боюсь, что не проснусь.

И печаль необъяснима,
И уже почти что зрима.

VII

И уже почти что зрима
Мне дорога в облаках,
Уже чудится в руках
Лёгкий посох пилигрима.

И за все свои я беды
И за все свои грехи,
И за все свои стихи,
И за все свои победы

Заплачу теплом и хлебом
И в бескрайне - голубом
Отзовется серебром
И сведёт с осенним небом

Звук неслышимой трубы
Нить незримая судьбы.

VIII

Нить незримая судьбы.
Суждено ли ей прерваться?
Мы судьбы своей, признаться
Не владельцы, а рабы.

И чужих судеб не судьи,
А, дыханье затая,
В этой Книге Бытия
Мы свои читаем судьбы.

Осень, песня расставанья
И печаль необъяснима,
И уже почти что зрима
То ли в тайнах мирозданья,

То ль в секретах ворожбы
Нить незримая судьбы.

IX

Нить незримая судьбы
Опяшет Ойкумену
И уткнётся непременно
В Геркулесовы столбы.

Стоит путь пройти земной,
Чтоб на круг вернуться снова
И понять: ничто не ново
В этом мире под луной.

Хорошо там, где нас нет -
Тоже истина простая,
Но взлетает птичья стая
Этой истине в ответ

И опять к далёким странам
Манит птичьим караваном.

X

Манит птичьим караваном
Нас судьба вслед за собой
И за птичьей гурьбой
Мы следим в волнении странном

Как они, простясь с землёю,

Совершат последний круг
И потянутся на Юг,
И сольются с синевою.

Ах, как осень хороша,
Ах, как трудно оторваться,
Ах, как трудно расставаться,
Но зовёт вперёд душа

К берегам ещё туманным,
К берегам уже желанным.

XI

К берегам уже желанным
Не спеши, моя душа.
Догорает неспеша
Осень пламенем багряным,

Лишь окрасился чуть-чуть
Акварелью лес печальный,
Ещё охрою прощальный
До конца не выслан путь.

В те безмолвные долины,
Где обратных нет дорог,
Где невидимый Сварог
Облаков качает спины.

Как верблюжие горбы,
Где ни боли, ни мольбы.

XII

Где ни боли, ни мольбы?
Где ни тени нет, ни света?
На вопросы нет ответа,
Чьи секрет раскроют лбы?

Явь-не грёзы ль наяву?
И где смысл в происходящем,
И сегодня днём вчерашним,

Иль грядущим днём живу?

И себе ли я не лгу,
Что всех тех, кого любили,
Тех, чьих лиц мы не забыли
Встретим мы на берегу

По ту сторону судьбы,
Где ни боли, ни мольбы?

XIII

Где ни боли, ни мольбы,
В бесконечности пустой,
За последнею чертой
Ни пальбы и ни гульбы.

Ни найти, ни потерять,
Где нет жизни, нет и смерти,
И до времени, поверьте,
Вряд ли стоит проверять.

Время нас без сожалений
В океан вольёт рекой
И заботы никакой,
И ни взлётов, ни падений,

Ни победы, ни борьбы,
Ни побега от судьбы.

XIV

Ни побега от судьбы,
Ни страданий, ни желаний -
Мы устали от скитаний,
Словно путник от ходьбы.

Но из осени в весну
Не попасть, минуя зиму,
Знать, душе необходимо
У дороги быть в плену.

И застыв в печали строгой
У распахнутых ворот
Клён глядит за поворот,
И бескрайнею дорогой,

Сделав зримой нить судьбы,
Стали дали голубы.

XV

Стали дали голубы,
Воздух тих и неподвижен
И уже почти что слышен
Звук неслышимой трубы.

Звук неслышимой трубы
И печаль необъяснима
И уже почти что зрима
Нить незримая судьбы.

Нить незримая судьбы
Манит птичьим караваном
К берегам уже желанным,
Где ни боли, ни мольбы,

Где ни боли, ни мольбы,
Ни побега от судьбы.

Евгеники

Моему другу, Евгению Ломовскому.

I

На вкус вино распробовав едва ли,
Смешав с "Любительской" портвейн,
Евгений выпил свой глинтвейн,
В глазах исчезли мысли и печали.

Прекрасен, как Саддам Хусейн,
Стоял он, вглядываясь в дали,
В желудок кильки уплывали
Златыми рыбками в бассейн.

Была активная весенняя пора,
Висела тупо полная Луна,
На запах прибежали мусора.

Не нимфа и не гей, а старшина
Отдал красавцу честь в кустах вчера,
Но поздно: чаша выпита до дна.

II

Но поздно: чаша выпита до дна,
Ушёл трамвай, погас в окошке свет,
А Германа Равильича все нет
И нематоды требуют вина.

Был у страдальца маленький секрет:

У морга, где дежурная аптека,
Евгения, любя, как человека,
Аптекарша не знала слова "нет".

Нет от любви Евгения вакцины
И вот на свет была извлечена
Бутылочка с бальзамом Ибн-Сины.

Вот так и мы, допив бокал до дна,
Согретые заботой медицины,
Уходим в мир, где царствует луна.

III

Уходим в мир, где царствует луна,
Царица ночи, дуб же царь растений,
Там ходит по цепи сомнамбула Евгений
Направо, то налево, просто на.

Там на ветвях предметом вождлений,
Девушка без бюстгальтера видна,
Хвост рыбий – ей прокладка не нужна,
А только "Баунти" - вкус райских наслаждений.

Не устоять тут даже и Петру
На Лукоморском этом фестивале;
Кондомы тел без душ дрожат, как на ветру,

Но лишь брызнет струей рассвет едва ли,
Гондолы душ в тела вернутся поутру,
Как в гавань, из которой уплывали.

IV

Как в гавань, из которой уплывали
Уходят молодецкие года.
Евгений, ты лысеешь – не беда,
Была б беда, когда б не наливали.

Была б беда – не водка, а вода,
Была б беда, когда бы не давали.
Евгений, плюнь, крути свои педали

И плешью не верти туда-сюда.

А чтоб свернуть, не может быть и речи.
Примеров можно вспомнить до хрена-
Иных уж нет, иные уж далече,

На финише с косой стоит одна,
Ты не забудь, спроси ее при встрече:
"Реальность, явь – не тень ли ото сна?"

V

"Реальность, явь – не тень ли ото сна?"
Спросил опохмелившийся Евгений
"И я бы был не я, а чисто гений,
Коль не вкусил бы прелестей вина".

Средь грёз и соловьиных песнопений
Я мог бы стать певцом твоим, весна...
Увы, иная участь мне дана -
Служить кошмаром женских сновидений.

Пугать несчастных девушек в ночи
Словами, о которых не слышали.
И больно им и мне, ну хоть кричи,

Но полно, полно! Нам ли быть в печали?
Не всё ль дерьмо, за исключением мочи,
И жизнь, и смерть не стороны ль медали?

VI

"И жизнь, и смерть не стороны ль медали,
И постоянен ль переменный ток?" -
Зажав девицу в тёмный уголок
Евгений объяснял ей все детали.

Глаза её глядели в потолок
И губы лоб адепта целовали.
Она была высокой, генацвале!
Евгений был, как зверь такой, хорёк.

Была она плечистой, как корнет,
Но руки до плечей не доставали
И все твердил он, тычась ей в корсет:

"И жизнь, и смерть не стороны ль медали?"
Девушка басом вдруг сказала: "Нет!
Нет, сколько мы б о том не толковали!"

VII

Нет, сколько мы б о том не толковали,
Нам замыслы Господни не понять,
Похмелье юности рассолом не унять,
Лекарства от осенней нет печали.

Но если регулярно потреблять
Портвейн "Приморский", "Ркацители", "Цинандали",
Ты заживёшь на сцене, а не в зале,
Тебя в ментовке станут узнавать.

Пропить колоратурное сопрано,
Забуть, как действует струна,
Ты не сумел, хоть и пытался рьяно.

Вино рекою смело пей до дна!
Не переполнить рекам океана,
Учений много – истина одна.

VIII

Учений много – истина одна.
Она с Евгением всю жизнь играет в прятки
Мерещится то в денежном достатке,
То в недостаточном количестве вина,

То убегает нафиг без оглядки.
Хмельной Евгений вскрикнул: "Оба на!" -
Очнулась мысль под черепом спьяна
Осенней мухой в гулком беспорядке.

Следя за ней, Евгений брови дыбил:

"Что нам лекарство, то германцу яд!" -
Евгений грустно губы заулыбил:

"Но истина в бокале, говорят" -
Евгений, вспомнив это, тут же выпил,
Считая истиной свой отражённый взгляд.

IX

Считая истиной свой отражённый взгляд,
Евгений влез в зеркальную витрину,
Травмировав охранника и спину
И так уже четвёртый раз подряд.

Как джентльмен, поддавшись спьяну сплину,
Лицом шокируя калашный ряд,
Стоял он средь пластмассовых наяд,
Напоминая Босхову картину.

Родная речь неслась со всех сторон
И на потоки грубых оскорблений
Ответом был красноречивый стон.

Осуществив одно из намерений,
Теперь хоть в чём-то не нуждался он,
Взяв в абсолют одно из измерений.

X

Взяв в абсолют одно из измерений,
Евгений всё в поллитры перевёл.
Так он "палитра" слово изобрёл,
Забыв первоначальный смысл значений.

Однажды он в аттракцион забрёл:
Душа просила острых ощущений.
И за поллитру взял билет Евгений,
И на коня уселся, как орёл.

Скрипела карусель, вращаясь страшно,
Евгений был движению не рад,
Но продолжал сидеть верхом отважно.

Так, век за веком, сто веков подряд
Мы движемся по кругу и неважно,
Стремимся мы вперёд или назад.

XI

"Стремимся мы вперёд или назад?"-
спросил Евгений как-то у мормона.
Тот дал детдомовцу за это макароны.
Евгений знал, что в этих случаях хотят.

"Ты п*дорас?"- спросил; в ответ: "Мадонна!"
И понял тут Евгений, что попал:
"Мужик – Мадонна, блин, бисексуал!"
И чухнул прочь, забравши макароны.

"Айда в Америку, мой дикий русский друг!"
"Пошёл ты на!"- подумал зло Евгений,-
"Мне лучше здесь, среди проверенных подруг".

Всё относительно, игра воображений
И, в том числе, какого пола друг,
Зависит целиком от точек зрений.

XII

Зависит целиком от точек зрений,
Где расположен центропуп Земли.
Глаза заплыли, щёки отекли-
До будуна пупом был он, Евгений.

Его к работе этой привлекли
Любители нетрезвых ощущений,
А отвлекли путем теловращений
Любимого ОМОНа патрули.

Так, находясь за пазухой у Бога,
Там где нас нет, рисуем райский сад,
Стремясь прочь от отчего порога,

И понимаем, лишь взглянув назад,
Что не туда нас завела дорога,
И стелим светлый путь в крошечный ад.

XIII

И стелим светлый путь в крошечный ад,
В потешный рай бросаем битое стекло.
Тебя как в детский садик занесло,
Зачем качель расшатываешь гад?

А может быть, ты всем смертям назло
Затеял время повернуть назад?
Вздымаешь в небо свой костистый зад,
Но крыльев нету – детство унесло.

И пробочку пивную не откусим,
И не загнём хмельных стихотворений,
Зря торопились – старость не пропустим

Слезай с качелей, постум мой, Евгений!
Помянем детство коньячком души, потом закусим
Бульжниками лучших намерений.

XIV

Бульжниками лучших намерений
Был потчеван герой наш не напрасно.
Залитый водкой, глаз светился красно -
На терминатора похожим стал Евгений.

Воскликнув: "It is terrible!" (Ужасно!),
Он бросил пить в одно из воскресений.
Шёл третий час нечеловеческих мучений,
Но со стихиею боролся он напрасно:

Прорвав плотину, хлынула река,
И не сдержала тремора рука,
И ноги будто побежали

Под свист петард, в трусах и одеяле
Опустошил запас ближайшего ларька,

На вкус вино распробовав едва ли.

XV

На вкус вино распробовав едва ли,
Но поздно - чаша выпита до дна -
Уходим в мир, где царствует луна,
Как в гавань, из которой уплывали.

Реальность явь – не тень ли ото сна?
И жизнь, и смерть – не стороны ль медали?
Нет, сколько б мы не толковали-
Учений много, истина одна.

Считая истиной свой отражённый взгляд,
Взяв в абсолют одно из измерений,
Стремимся мы вперед или назад

Зависит целиком от точек зрений.
И стелим светлый путь в кромешный ад
Бульжниками лучших намерений.

5. Ироническая проза

Маша и Дубровский

Глава I

*«Ничего нет страшнее нового русского,
кровавого и бессмысленного».*

Несколько дней тому назад в одной из своих бизнес-усадеб жил новый русский барин Кирила Петрович Троекуров-Самодур. Являясь практически отцом Маши, он выказывал все пороки человека необразованного. Всегдашним его занятием были наезды на ближнего, кои он осуществлял с грацией асфальтоукладочного механизма. Противустоять ему никто не мог, за исключением одного Андрея Гавриловича Дубровского, обладавшего сопутствующим характером. Сей Дубровский по состоянию своему был инженер, однако Троекуров уважал его за темперамент. Они вместе служили в армии и не было во взводе дембелей круче, чем эти двое. Бывало, построят ночью молодых бойцов, грозно так брови нахмурят, и говорит Троекуров:

– Как меня @бали! Вас так уже не @бут!* Слушают бойцы, дыхание затаили: переживают.

– А меня как @бали! – говорит тогда Дубровский. – Даже Троекурова не @бали так же!**

После демобилизации судьба развела их надолго. Троекуров стал служителем Мамоны, Дубровский нигде не служил. Как-то раз на балу они свиделись и обрадовались друг другу. С тех пор они каждый день бывали вместе, и Кирила Петрович, отроду не устаивавший никого своим посещением, заезжал запросто в однокомнатную квартиру своего старого товарища прямо на «бентли». Личные судьбы их отчасти складывались похоже: оба женились по любви, оба овдовели: жена Дубровского вместо мужа поехала в Чернобыль, жена Троекурова – на стрелку, у обоих осталось по ребенку.

Сын Дубровского, Владимир, воспитывался в школе милиции, дочь Кирилы Петровича, Маша росла на глазах у родителя, потому что отец уже купил ей диплом.

Маша росла не по дням, а по часам, пугая угрожающими своими размерами. Когда на лице у ней появились вторичные половые признаки – прыщи, Кирила Петрович не выдержал.

– Слушай, брат! – сказал он Андрею Гавриловичу, – Коли Володька сможет, отдам за него Машу даром! Андрей Гаврилович покачал головой (она всегда в у него качалась) и ответил:

– Нет, Кирила Петрович, Володька мой и даром такое не сможет!

Все завидовали согласию, царствующему между надменным Троекуровым и скудным товарищем его, но один нечаянный случай все переменял.

Кирила Петрович купил бультерьера. И хотя собака, выросши, опередила своего хозяина умственно и физически, она с удовольствием подчинялась незамысловатым его командам типа «чужой!», «шо он хочет!», «убей его!».

Когда Дубровский, пришед в гости к Троекурову, увидел в каких условиях содержится животное (оно спало в хозяйской постели), то немало удивился и расстроился, ибо считал, что собака должна жить на улицах, и из вредности отметил внешнее сходство одной породы со свиньей. На что Троекуров ответил просто:

– Давно ли сам в зеркало смотрелся?

Собака проснулась и засмеялась. Красный от негодования Дубровский выбежал, не прощаясь.

Троекуров велел псу тотчас его догнать и воротить, но Андрей Гаврилович не послушался, залез на дерево и воротиться не захотел. Вскоре бультерьер от злости заснул. Тогда Дубровский слез на землю и устремился домой. Там он написал Троекурову сообщение следующего содержания:

–
.....
.....
.....
... при собаке!!!

По нынешним понятиям об этикете послание сие было бы весьма неприличным, но оно рассердило Кирилу Петровича не столько странным слогом и расположением, сколько сущностью своею.

– Враг моей собаки – мой враг! – грозно сказал Троекуров притихшим гостям. Гости встали, собака завyla.

Вечером Гаврила Петрович отправился надменно выгуливать заносчивого пса под окнами Дубровского. Дубровский в тот день из дому не выходил.

Отогнув уголок занавески, он смотрел на петляющего Троекурова и молча кидал из форточки твердые предметы скромного своего обихода, стараясь попасть по кобелю.

Прошло несколько дней. Вражда между товарищами не унималась. Андрей Гаврилович не шел на перемирие. Кирила Петрович без него скучал и сожаления его по поводу нелепой

ссоры изливались в самых оскорбительных выражениях, которые, благодаря усердию тамошней интеллигенции, доходили до Дубровского исправленные и дополненные.

Новое обстоятельство уничтожило последнюю надежду на примирение.

Однажды ввечеру, когда Троекуров, по обыкновению, выгуливал у вражеского подъезда конфликтную собаку свою, та обнаружила последнего уцелевшего кота и бросилась исправлять ошибку. Продираясь сквозь камыши прямо под окном Дубровского, она оставила там именной ошейник. Троекуров, досадуя, долго искал оный, но в потемках так и не сумел этого достичь. Утром Дубровский, вышед из подъезду, напрямик отправился к тому месту, где наемни происходила баталия и нашед вещь, взял ее. Воротясь, он сделал из позолоченного с шипами ошейника наручный браслет для своих часов «Слава» (21 камень) и стал, как ни в чем не бывало, носить его на левой руке. Правда на украшении было выгравировано собачье имя, но это Андрея Гавриловича не смущало, ибо браслет слегка был прикрыт рукавом кителя зеленого офицерского сукна, а эту часть туалета Дубровский не снимал даже летом.

Слух о сем происшествии дошел до Кирилы Петровича. Он вышел из себя и хотел было войти в Дубровского (таковые подвиги были ему не в диковинку), но мысли его ума вскоре приняли другое направление.

Расхаживая тяжелыми шагами взад и вперед по зале, он взглянул нечаянно в окно и увидел у ворот остановившийся «мерседес»; маленький человек в драповом картузе и таком же пальто вышел из тачки и пошел во офис; Троекуров узнал заседателя Шабашкина и велел секьюрити его позвать. Через минуту Шабашкин уже стоял перед шефом, отвечивая с помощью двух охранников поклон за поклоном в ожидании приказаний.

– Здорово, как тебя там? Зачем пожаловал?

– Я еду в... ваше... высокопре... – начал Шабашкин, но Троекуров его не слышал:

– Как раз ты мне и нужен. Выпей водки и слушай.

Ласковый прием приятно изумлял заседателя.

– У меня кореш есть,- сказал Кирила Петрович, – мелкопархатый грубиян, я хочу у него хату отобрать.

Как ты на это думаешь?

– Нет человека – нет проблемы.

– Об этом рано.

– Тогда, коли есть какие документы или компромат, как говорится, – начал новую идею Шабашкин.

– Врешь, братэла, какие тебе документы, все, блин, сгорело у него в девяносто первом при пожаре, – вздохнул Троекуров.

– Тогда чего ж вам лучше? В таком случае, извольте действовать по законам, и без всякого сомнения получите ваше совершенное удовольствие, – просиял Шабашкин.

– Твой труд будет оплачен. – Кирила Петрович протянул царственную длань. Шабашкин хотел было поцеловать, но, боясь быть неправильно понятым, аккуратно рукопожал ея.

Ровно через две недели Дубровский получил повестку из суда с требованием немедленно предъявить ксерокопии документов, дающих право на владение жилплощадью и квитанции об уплате коммунальных услуг. Этого отродясь у Андрея Петровича не было и из общечеловеческого страха перед неизвестностью, он не придумал ничего лучшего, как послать судебного секретаря прямым текстом по телефону. «Назвался груздем – полезай в кузов», – гласит древняя милицейская мудрость. Были, были, затем, конечно, и неприятности с правоохранительными органами, и с представителями горкомунхоза, поскольку непреклонный Андрей Гаврилович всех посылал прямым текстом. Надо ли говорить, что кончилось все тем, что... февраля... года Дубровский ощутил себя бомжом. Его квартиру забрал себе Кирила Петрович Троекуров. На суде Андрей Гаврилович так симулировал сумасшествие, что не смог выйти из образа. Он кидался чернильницами и орал:

– Как! Не почитать церковь Божию! ... При собаке!!!

Связанного ремнями, его привезли в квартиру ему не принадлежащую.

Шло время, а Дубровский не улучшался. Громкие призывы его на борьбу с лучшим другом человека повторялись все реже и реже, а затем и вовсе забылись. Андрей Гаврилович и сам начал забываться. Из дому не выходил, только подолгу задумывался и по-быстрому забывался.

Стараниями доброй соседки Егоровны в нем еле теплилась жизнь. Она была глуха и не слышала, что квартира теперь принадлежит Троекурову. Егоровна надеялась оформить уход за больным с правом наследования в дальнейшем квартиры. Правда, ей мешал прямой наследник Владимир, но она решила вызвать его к отцу, чтобы поухаживать и за ним.

Пора познакомить читателя с героем нашей повести. Владимир Дубровский воспитывался в школе милиции и выпущен был в чине сержанта. Отцу нечего было щадить для его приличного образования. Будучи расточителен и честолюбив, Владимир позволял себе роскошные прихоти на средства, изъятые у нарушителей порядка. Играл в карты и входил в долги, не заботясь и здесь о будущем подследственных и осужденных, которые будут эти долги возвращать, предвидя себе рано или поздно богатую невесту – мечту честной молодости.

Однажды вечером, когда несколько сержантов сидели у него в дежурке, развалившись на нарах и куря трофейную коноплю, шестерка Гриша подал ему донесение, коего надпись и печать тотчас поразили молодого человека. Он поспешно его распечатал и прочел следующее:

«Как честная гражданка решилась золожить о здоровья папеньки Дубровского. Ён очень плох, иногда заговаривается и увесь день спид как детя глупое, а в животе и смерти Бог волен. Егоровна».

«СПИД!»- ужаснулся Владимир, и в чем был побежал домой.

В прихожей его встретил старик высокого роста, бледный, худой, в кителе, в трусах и с диким браслетом на руке. «Отец!» – мелькнуло в голове.

– Здравствуй, Володька! – сказал старик слабым голосом, и Владимир с жаром обнял папу.

Колени старика подкосились и он бы упал, если бы сын не схватил его за китель.

– На хрена ты в коридор выперся? – сказала Андрею Гавриловичу Егоровна, – Еле живой, а туда же, куда и люди!

– Собака? – вздрогнул старик и впал в усыпление.

* - нелегкая солдатская служба, но нужная! (арм.)

** - тяжело в учении, легко в бою! (Сув.)

Глава II

*«Где стол был,
щас там гроб стоит».*

От доброхотливых соседей Владимир получил полную картину происшедшей трагедии. Рука его тянулась то и дело к табельному оружию – дубинке, но мысль о баллистической экспертизе сдерживала пылкие порывы юноши.

Между тем здоровье Андрея Гавриловича час от часу становилось худше. Владимир предвидел его скорое разрушение и не отходил от старика, впадшего в совершенное детство. Они весь день проводили в играх; таких, как морской бой, пятнашки, Что? Где? Когда? Бег (дистанция 100 м), плавание вольным стилем, подъем переворотом на перекладине, мини-футбол.

Квартира, между этим, уже всю принадлежала Троекурову. Шабашкин явился с

поздравлениями и просьбою, когда назначить выселение и евроремонт. Кирила Петрович смутился. От природы он был не жлоб, желание мести завлекло его слишком далеко, тень совести его роптала. Он знал, в каком состоянии находится его противник, и победа не радовала его по-человечески. Он тяжело посмотрел на Шабашкина, ища к чему б придраться, но тот не провоцировал, и тогда Троекуров сказал сухо и официально:

– Пошел на @уй, не до тебя.

Шабашкин понимающе удалился, а Кирила Петрович, оставшись наедине стал расхаживать взад и вперед, насвистывая «Как упоительны в России вечера», что всегда означало в нем необыкновенное волнение мысли.

Наконец он вызвал машину, сам сел за руль и выехал со двора. Вскоре завидел он микрорайон Андрея Гавриловича и противоположные чувства наполнили душу его. Удовлетворенное мщение и любовь к недвижимости заглушали до некоторой степени чувства более благородные, но последние от быстрой езды восторжествовали. Он решил помириться со старым своим товарищем, уничтожить вещественные доказательства своего плебейства, возвратив Дубровскому его достояние. Облегчив душу сим благим намерением, Кирила Петрович нажал на газ, и въехал прямо под дверь подъезда Андрея Гавриловича, добив-таки последнего во дворе кота.

В это время больной сидел на кухне у окна и кушал гранулированный чай. Он узнал Кирилу Петровича и ужасное смятение изобразилось на живописном лице его: бордовый румянец заступил место обыкновенной сизости, глаза засверкали, в открывшемся рту блестнул зуб.

– БЕЗ СОБАКИ!.. – прохрипел он страшным голосом. Сын его, сидевший ту же за чисткой табельного оружия – дубинки, поднял голову и поражен был его состоянием. Больной указывал пальцем во двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего кителя, собираясь встать с табуреток, приподнялся... и вдруг упал. Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания, паралич его ударил.

– Скорая! Скорая! – кричал в телефон Владимир.

– Кирила Петрович Троекуров! – сказал вошедший телохранитель. Владимир бросил на него, ставший с той минуты постоянным, ужасный взгляд:

– Скажи Кириле Петровичу ... чтоб он ... пока я! ...

Телохранитель радостно побежал исполнять приказание.

Тем временем, в доме никого не было, все жильцы высыпали во двор смотреть на Кирилу Петровича. Егоровна вышла на крыльцо, внезапно глухота ея пропала, она услышала ответ охранника, доносящего от имени молодого Дубровского, и онемела.

Кирила Петрович выслушал все, не выходя из машины. Лицо его стало мрачнее ночи, он с презрением улыбнулся, грозно взглянул на жильцов и начал медленно ездить вокруг дома.

Кирила Петрович взглянул в окошко, где за минуту перед сим сидел Андрей Гаврилович, но где уж его не было. Егоровна тупо стояла на крыльце, жильцы шумно толковали о происшествии.

Вдруг Владимир явился между людьми и отрывисто сказал:

- Кончай базар! Батя умер!

Глава III

*«Милостивый государь!»
(из письма Вяземского
Баратынскому).*

Похороны совершились на третий день. Тело бедного старичка, одетого в дембельский

китель, лежало на столе, окруженное свечками. Квартира была полна невесть откуда взявшихся старух. Готовились к выносу усопшего.

Священник пошел вперед, воспевая молитвы. На выходе из подъезда его поддержал аккомпанементом на мотив «Погибшего за правое дело» оркестр непрофессиональных музыкантов. Хозяин квартиры в последний раз перешел за порог своего дома. Стоял чудный осенний денек, когда эти листья падают с деревьев. На кладбище суетились деловитые, пахнущие водкой могильщики и пахнущие валерьянкой дальние родственники покойного. Молодой Дубровский стоял у гроба; он не плакал и не молился, но лицо его было страшно. Когда печальный обряд закончился, Владимир всех опередил и скрылся в лесопосадке. Он углубился в чащу деревьев, движением и усталостью стараясь заглушить душевную боль. Он шел, не разбирая дороги, сучья поминутно и царапали его синий спортивный костюм, ноги в белых кроссовках поминутно вязли в болоте, он ничего не замечал.

Наконец достигнул он маленькой лощины, со всех сторон окруженной мусорной свалкой, ручеек извивался молча около деревьев, обнаженных осенью. Владимир остановился, сел на корточки и мысли одна другой мрачнее стеснились в душе его... Долго сидел он неподвижно, взирая на тихое течение ручья, уносящего несколько поблекших листьев.

«Сука, сука, сука!..» – думал он, пока не заметил, что началось смеркаться. Дубровский встал и пошел искать дорогу домой, но еще долго блуждал, пока не попал на тропинку, которая и привела его прямо к подъезду дома.

Тем временем в бывшую квартиру Дубровского почти сразу после выноса тела зашли какие-то расторопные подрядчики, ловко и быстро произвели замеры, перебрасываясь между собой малопонятными, настораживающими соседей вами типа: «кондишен», «джакузи», «металло-пластик», «окей».

Начинался евроремонт: была привезена европлитка, разгружался евроцемент, появились еврорабочие в красивых еврейских комбинезончиках.

– Люмпены! – с презрением глядя на них, сказал почетный табельщик на пенсии Абрам Соломонович Емченко из третьей квартиры.

– За что боролись?!- поддержала его вдова инструктора райкома Зинаида Потаповна со второго этажа.

Проживающий на первом этаже грузчик Григорий сказать ничего не мог, он просто стоял посередине лестничного пролета, уперши руки в бока и уставивши ненавидящий взгляд прямо в лица входящих прислужников капитала. Пахло цементом и скандалом.

Вскоре появился Дубровский. Приближаясь еще, он услышал необыкновенный шум и говор. У подъезда стояли два джипа. На крыльце несколько незнакомых ментов в мундерных сюртуках, казалось, о чем-то толковали.

– Что за козлы? – спросил он сердито у склеротического старика, бежавшего ему навстречу, но старик, задыхаясь, ничего не смог ему ответить и продолжил дале свою вечернюю пробежку.

Владимир подошел к чиновникам. Шабашкин, с картузом на голове стоял, сунув руки в карманы, и гордо взирал около себя. Участковый, высокий и толстый мужчина лет пятидесяти с оранжевым лицом, весь в усах, увидя приближающегося Дубровского, крикнул и произнес охриплым голосом:

– Завдяки рішенню місцевого суду, оселя мерця Дібрівського відтепер належить пану Кирилові Трикурено, тобто Троекурову Кирилові Петровичу, якщо ви розумієте тільки російський діалект. Нехай сусіди поважають його, а сусідки мусять полюбляти, бо він до вас охочий залицяльник!

При сей острой шутке участковый захохотал, а Шабашкин и прочие члены ему последовали. Владимир кипел от негодования.

– Якого вую? То есь позвольте узнать, что сие значит? – спросил он с притворным хладнокровием у веселого участкового.

– А це означає, що ми приїхали, щоб ввести у господарювання шановного пана Трикурено та запросити деяких інших геть.

– Но вы могли бы, кажется, отнестись ко мне прежде, чем объявить отторжение собственности?

– А ты кто такой? – сказал Шабашкин с дерзким взором. – Бывший квартиросъемщик Андрей Гаврилов сын Дубровский волею божиею помре, мы вас не знаем, да и знать не хотим.

Подъехала машина с пластиковыми окнами. Терпение народа лопнуло. Кто-то засандалил кирпичом в импортное стекло.

– Та це ж бунт! – закричал участковый. – Гей, собакознавця до мене! Кинолог догадался и вышел вперед.

– Шукай, – сказал ему участковый, – хто це зробив.

Пока кинолог переводил собаке, чего от нее хотят, из толпы раздался крик: «Пидо@асы!», массы сомкнули ряды и двинулись на чиновников. Шабашкин и другие члены поспешно бросились в квартиру Дубровского и заперли за собой дверь.

– А-а-а-а-а! – закричал тот же голос и толпа стала напирать.

– Братья и сестры! – крикнул Дубровский, залезши на джип, – Придурки! Вы губите и себя и меня. Ступайте по домам. Не бойтесь, ... милостив, и я буду просить его.

Он нас не обидит. Мы все его дети. А как ему будет за вас заступиться, если вы станете бунтовать и беспредельничать?

Речь молодого Дубровского, его картавость и засаленная кепка произвели желаемое действие.

Народ утих, разошелся, двор опустел. Члены сидели в квартире. Наконец Шабашкин тихо отпер дверь, вышел на лестничную площадку и с униженными приседаниями стал благодарить Дубровского за его милостивое заступление. Владимир слушал его с презрением и ничего не отвечал.

– Мы решили с вашего позволения остаться здесь ночевать; а то уж темно и страшно.

– Мне по@уй! – отвечал сухо Дубровский, – я здесь уже не хозяин!

С этими словами он удалился в комнату и закрыл дверь.

Глава IV

«Взвейтесь кострами!»

(старинная детская песня)

Пи@дец! – сказал он сам себе, – Еще утром имел я кусок хлеба. Завтра я должен буду оставить дом, где родился и где умер мой отец, виновнику его смерти и моей нищеты. И глаза его неподвижно остановились на портрете Михаила Горбачева. Живописец представил его облокоченного на перила, в белом костюме с алой розою в волосах... «И портрет этот достанется врагу моего семейства, – подумал Владимир, – он заброшен будет в кладовку вместе с обувью или повешен в уборной, предметом насмешек и замечаний его бультерьера, а в единственной комнате, где умер отец, поселится он сам вместе с собакой. Нет! Нет! Пускай же и ему не достанется печальная квартира, из которой он выгоняет меня!» Владимир стиснул зубы, страшные мысли рождались в уме его.

Владимир замечтался и позабыл все на свете, не заметив, как прошло время. Стенные часы пробили одиннадцать. Владимир взял спички и вышел из комнаты. В кухне крутые спали на полу. На столе стояли бутылки, ими опорожненные, и сильный дух шотландского самогона слышался по квартире. Владимир с отвращением прошел мимо них к плите, открыл газ и прошел к выходу. Отворивши дверь, он наткнулся на человека, прижавшегося в угол лестничной площадки; топор блестел у него, и, обратясь к нему с карманным китайским фонариком, Владимир узнал сантехника Архипа:

– Сантехник Архип?!

– Ах, Владимир, Андреевич, это вы, – отвечал сантехник пошепту, – Господь, помилуй и спаси! Хорошо, что вы с китайским карманным фонариком!

Владимир глядел на него с изумлением.

– Что ты хочешь? – спросил он Архипа.

– Я хотел... я пришел... было проверить, в порядке ли водоканализационная система, – тихо отвечал застенчивый сантехник.

– А топор зачем?

– Да как же без топора нонече и ходить? Нынешние представители администрации такие озорники – того и гляди.

– Ты пьяный! Ложи топор, иди домой.

– Я пьян? Батюшка Владимир Андреевич, Бог свидетель, ни единой капли во рту не было... да и пойдет ли вино на ум, слыхано ли дело – эк храпят, окаянные; всех бы разом – и концы в воду!

– Выводи людей! – после одобрительной паузы сказал Дубровский Архипу. Кроме рейдеров в доме не спал никто и жильцы, держа в руках планы эвакуации, высыпали на улицу.

– Братва! – обратился Владимир к жилтоварищам, – у кого с собой волына?

Егоровна достала из-под подола завернутый в тряпочку винчестер, утку девичьего одиночества, и протянула его Дубровскому.

– Пригнись, дочка! – сказал Дубровский и через голову старухи навскид пальнул в окно своей кухни. Квартира на пятом этаже озарилась яркой вспышкой и раздался взрыв. В том месте, где минуту назад была жилая ячейка общества, зиял аккуратно вырезанный черный провал.

– Ахти! – жалобно закричала вернувшимся голосом оглохшая Егоровна.

– Ну, пацаны, – сказал Владимир, – иду, куда Бог поведет. Успехов!

– Вован, батяня, – отвечали люди, – гадами будем, но не оставим тебя, потому что мы – команда!

Глава V

*Когда воспрянет ото сна
Одна шестая суши в мире,
Брюнет, настигнутый в сортире,
Напишет наши имена!*

На другой день весть о направленном взрыве разнеслась по всему городу. Все толковали о нем с различными догадками и предположениями. Иные уверяли, что это еще один факт посещения нашей планеты неземными цивилизациями, другие искали чеченский след, некоторые считали происшедшее сектантским самоубийством чиновников и, наконец, существовала официальная версия взрыва, как следствия ссоры на бытовой почве с применением тактического ядерного оружия.

Как бы то ни было, заседатель Шабашкин, участковый инспектор, и прочие члены, пропали неизвестно куда. Подозреваемый Владимир Дубровский, используя ментовскую крышу, отверг все обвинения, предоставив следственным органам неопровержимое алиби, справку от врача, с точным указанием температуры тела – 37,3° и диагнозом «острое респираторное заболевание». Наконец, ответственность за взрыв взяла на себя террористическая организация Фэн Шуй из Ольстера, что окончательно запутало следствие.

Вскоре другие вести дали другую пищу любопытству и толкам.

В городе появилась новая преступная группировка, наводящая ужас на всех предпринимателей мелкого и среднего бизнеса. Меры, принятые против них

правительством оказались недостаточными. Грабительства, рэкет и вымогательства кровавой волной захлестнули город. Не было безопасности ни на улицах, ни дома. Повсюду, как грибы после радиоактивного дождя, открывались новые фирмы, типа торгующие лимонадом, а на самом деле отмывающие деньги своего главаря, «Лимонадного Джо», как его окрестили в народе.

По описаниям все приметы лидера отважных злодеев указывали на неуловимого Владимира Дубровского. Ходил слух, что незаконное бандформирование состояло из ветеранов классовых битв, которые днем под видом обыкновенных пенсионеров сидели на лавочках у подъездов, а ночью отбрасывали костыли, надевали камуфляжную форму солдат удачи и выходили на большую дорогу социальной справедливости.

Удивляло то, что ни торговые точки, ни офисы, принадлежащие коммерческой структуре Троекурова не были тронуты. Кирила Петрович приписывал себе исключение страху, который умел он внушить своим внешним видом, а также отменной службе безопасности, заведенной им в его фирме. Сначала охранники смеялись между собой над высокомерием Троекурова и каждый день ожидали наезда на владения Кирилы Петровича, где было чем поживиться, но наконец принуждены были с ним согласиться и сознаться, что Лимонадный Джо оказывал ему непонятное уважение... И Троекуров торжествовал при каждой вести о новом грабительстве и рассыпался в насмешках в адрес властей, от которых Лимонадный Джо уходил всегда если не целым, то невредимым.

Глава VI

*«Чудище обло, озорно
стозевно и лаяй».*

Читатель, вероятно, догадался, что дочь Кирилы Петровича, и есть та самая Маша, героиня нашей повести.

В эпоху, нами описываемую, ей было 17 лет, красота была в полном расцвете. Отец любил ее до безумия, но обходился с ею по-хамски, то угождая любым прихотям, то пугая суровым лицом своим. Потому не имела она подруг и выросла в уединении. Жены и дочери партнеров по бизнесу редко езжали к Кириле Петровичу, коего обыкновенно матерные разговоры и скотские увеселения требовали товарищества мужчин, а не присутствия здесь дам. Редко наша красавица являлась посреди заблеванных гостей, валяющихся у Кирилы Петровича. Огромная библиотека, составленная большей частью из неправильно заполненных рукою отца кроссвордов, была отдана в ее распоряжение. Отец, никогда не читавший ничего, не мог руководствовать дочь в выборе книг, и девочка, естественным образом, перерыв сочинения всякого рода, остановилась на иллюстрированной Кама-сутре. Таким образом, совершила она свое воспитание, начатое некогда под руководством m-lle Мими, которой Кирила Петрович оказывал большую доверенность и которую принужден был наконец выслать тихонько куда подальше. Оставшийся после нее кучерявый мальчик, шалун лет девяти, напоминающий полуденные черты m-lle Мими, воспитывался при нем, и признан был его сыном, несмотря на то, что множество босых ребятишек, как две капли воды похожих на Кирилу Петровича узким лбом и скошенным подбородком бегали взад-вперед под окнами его бизнес-усады и считались беспризорниками.

Кирила Петрович выписал из-под Киева для своего маленького Саши учителя украинского языка, считавшегося теперь престижным среди высших слоев общества, и которым никто из законодателей сей новой моды толком не владел.

Учитель понравился Кириле Петровичу приятной наружностью и простым обращением. Он представил Кириле Петровичу свои желто-голубые аттестаты и письмо от одного из родственников Троекурова, у которого четыре года жил гувернером-охранником.

Кирила Петрович все это пересмотрел и недоволен был одною молодостью педагога не потому что сей любезный недостаток несовместим с терпением, столь нужным в несчастном звании учителя, но у него были иные сомнения, которые он тотчас решился разяснить.

Для сего велел он позвать к себе Машу (Кирила Петрович по-украински не говорил, и она служила ему переводчиком).

– Подойди сюда, Маша; скажи ты этому педофилу, что так и быть, принимаю его, только с тем условием, чтоб он у меня баб не трахал, не то я ему сукину сыну ... оторву! Переведи это ему, Маша.

Маша покраснела и, обратясь к учителю, сказала ему по-украински, что отец ее надеется на его скромность и порядочное поведение. Учитель ей поклонился и отвечал, что он надеется заслужить уважение, даже если откажут ему в благосклонности.

Маша слово в слово перевела его ответ.

– Ладно, – сказал Кирила Петрович, – нах@й благосклонность, нах@й уважение! Дело его ходить за Сашей и учить грамматике да географии Украины, переведи это ему.

Марья Кириловна смягчила в своем переводе крылатые выражения отца, и Кирила Петрович отпустил педагога во флигель, где назначена была ему комната.

Маша, воспитанная в аристократических предрассудках, не обратила особого внимания на преподавателя, ибо учитель был для нее типа слуги или наемного работника, а следовательно, потенциальным самцом мужчины не являлся. Она не заметила ни впечатления, произведенного ею на пана Диброва, ни его смущения, ни трепета его восставшей плоти, ни отклеившегося уса. Несколько дней потом она встречала его довольно часто, не удостаивая большей внимательности. Неожиданным образом получила она о нем чисто новое понятие.

Надеемся, читатель догадался, что у Кирилы Петровича был бультерьер. Кирила Петрович по целым часам возился с ним, стравливая с кошками, собаками и подвыпившими прохожими. Возмужав, пес был посажен на цепь в ожидании настоящей травли. Лучшею шуткой у Кирилы Петровича почиталась следующая.

Прогладавшагося бультерьера запрут, бывало, в пустой комнате, привязав его поводок за кольцо ввинченное в стену. Поводок был длиною почти во все помещение, так что один только против положный угол мог быть безопасным от нападения кобеля. Приводили, обыкновенно, новичка к дверям этой комнаты, нечаянно вталкивали, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наедине с сухопутным крокодилом. Бедный гость, оборванной полою и до крови раскушенный, скоро отыскивал безопасный угол, но принужден был иногда целых три часа стоять, прижавшись к стене и видеть, как белокурая бестия в двух шагах от него верещала, нехорошо улыбалась и мотала лысым хвостом.

Всю эту картину при помощи скрытой камеры наблюдали по монитору Троекуров с остальными и потешались. Таковы были благородные увеселения нового русского барина!

Несколько дней спустя после приезда учителя Троекуров вспомнил о нем и вознамерился угостить его в собачьей комнате.

Вызвав Диброва к себе, он повел его с собою склизкими коридорами в сопровождении охраны. Вдруг боковая дверь отворилась, охранники втолкнули в нее учителя и заперли на ключ.

Опомнившись, Дибров увидел похожее на белого поросенка животное, которое с визгом бросилось в безопасный угол. Дибров перекрестился, достал из-за хоявы нож и одним ударом заколол кабанчика, коим ему в темноте это животное представилось. Все сбежались, двери отворились. Кирила Петрович вошел, изумленный развязкою. Он потребовал объяснений: кто предупредил? откуда заточка? Он послал за Машей, та прибежала и перевела вопросы отца.

– Якщо це собака, тоді я хто? Думав, свинюка: хотів сала трошки попоїсти. А зброя завжди зі мною, бо я не пастух, а козак!*

Маша смотрела на него с изумлением и перевела слова его Кириле Петровичу. Кирила Петрович долго молчал, а потом сказал своей охране:

– Учитесь, салаги!

С той минуты он Диброва полюбил и не думал уж его пробовать.

Случай сей произвел на Марию Кириловну большое впечатление. Воображение ее было поражено: она видела мертвого бультерьера и Диброва, спокойно стоящего над ним и спокойно с нею разговаривающего. Она увидела, что храбрость и гордое самолюбие не исключительно принадлежат только богатым, и с тех пор стала оказывать молодому учителю уважение, которое час от часу становилось внимательнее.

Между ими основались некоторые половые сношения. Маша имела прекрасный голос и большие музыкальные способности; Дибров вызвался давать ей уроки.

После того читателю уже не трудно догадаться, что Маша в него влюбилась, сама еще в том себе не признаваясь.

* - Я всегда ношу при себе пистолеты, потому что не намерен терпеть обиду, за которую по моему званию не могу требовать удовлетворения (укр.)

Глава VII

– Дата Тутаихия, ты спишь?

– Я тебе дам «спишь»! А ну высунь!

(Из кавказского дневника).

Как читатель, наверное, догадался, у Кирилы Петровича не было больше бультерьера*. По поводу его безвременной кончины были устроены пышные поминки. Съехались гости, друзья и родственники покойного.

Сперва все потянулись к новой каменной церкви, построенной Кирилой Петровичем и регулярно украшаемой его приношениями при замаливании новых грехов. Собралось множество почетных богомольцев, прочих охрана оттеснила на паперть.

Служба не начиналась, ждали Кирилу Петровича. Он подъехал на шестисотом и торжественно прошел на свое место, сопровождаемый Марией Кириловной. Взоры мужчин и женщин обратились на нее. Первые удивлялись красоте и прозрачности ее траурных трусиков, просвечивающихся через платье, вторые с вниманием смотрели на фактуру материала из которого все это было пошито.

Началась служба, певчие артисты филармонии пели на крылосе, Кирила Петрович невпопад крестился и с гордым смирением поклонился, когда диакон громогласно упомянул и о зиждителе храма сего.

Когда служба кончилась Кирила Петрович пригласил гостей к себе и все поехали обедать к Троекурову, где ждал стол, накрытый на восемьдесят персон. Когда поминки, по русскому обычаю, дошли до точки крайнего веселия, двери в столовую открылись и в них протиснулся Антон Пафнутьич Спицын, толстый муж типа лет пятидесяти с круглым лицом, украшенным тройным подбородком в помятом пиджаке и с новым телефоном возле щеки.

– Почему опоздал? – спросил его Троекуров, – в церкви не был, как будто тебе уже замаливать нечего, к обеду опоздал, как будто мне уже и угостить тебя нечем.

Антон Пафнутьич, заискивающе улыбнулся.

– Прости, Кирила Петрович, – По дороге шина лопнула, пока в автосервис, три часа ушло, а потом в объезд, по трассе не решился.

– Очко играет? – с иронией спросил Кирила Петрович.

– Играет, Кирила Петрович: если Дубровский меня встретит – на месте трахнет. Я же свидетелем в суде против папаша его выступал, а тот черт списочек составил. Сынок теперь по списку работает. А с собачкой что случилось?

Троекуров вкратце рассказал историю гибели бультерьера, с уважением показывая на Диброва, который, не подозревая, что разговор идет о его храбрости, спокойно сидел на своем месте и делал нравственные замечания резвому своему воспитаннику, бросившему в суп петарду.

Обед, продолжавшийся около трех часов, кончился и все пошли в зал, где их ожидали бильярд, боулинг, бассейн и голые бабы.

Один только человек участвовал в общей радости с неохотой. Антон Пафнутьич не мог никому признаться, что всю наличку зеленых он носит с собой, зашитую в ситцевые трусы веселой раскраски, опасаясь возможного в его отсутствие ограбления. Поэтому и в сауне, и в бассейне он был в костюме и лаковых туфлях, делая вид, будто это так и надо.

Оставшись ночевать в чужом доме, он теперь переживал, чтобы не бросили его одного в уединенной комнате, и выбрал себе защитника.

Антон Пафнутьич стал вертеться около Диброва, покашливая и подмигивая, и наконец сказал:

Гм, гм, нельзя ли, мне переночевать в вашей конурке? Не поймите только меня правильно.

– Га?*** – сказал Дибров, вожделенно глядя на Машу.

– Эж, беда, ты по-русски еще не выучился. Можно, нет, можна, как это, мені з вами переспати?**** – но учитель его не слышал.

– Тю!**** – сказал Дибров и увлек Машу в танец.

Антон Пафнутьич, очень довольный своими познаниями в области украинского языка, побежал стелить постель.

Тем временем Дибров танцевал с Машей менуэт и смотрел на часы, о чем-то с ней договариваясь. Плоть его трепетала, постоянно нажимая на мобильник и тот отвечал громкой музыкой.

Наконец гости отправились спать, Дибров устремился к себе во флигель. Антон Пафнутьич уже спал, потушив свет. Дибров открыл дверь и увидел в своей постели накрытое одеялом тело. На ходу расстегивая брюки, он бросился в кровать. Послышался сдавленный крик.

– Тихо, Маша! – сказал учитель чисто русским голосом. Я – Дубровский!

* - Бультерьер – английская порода собак, предназначенная для охоты на кабана.

** - Извините пожалуйста, но я не настолько владею русским языком, чтобы понимать вас (укр.)

*** - Можно ли мне переночевать в вашей комнате (укр.)

**** - Сейчас я занят, вернемся позже к нашей беседе (укр.)

Глава VIII

*«Вот оно как!»
(Вольтер)*

Теперь попросим у читателя позволения объяснить вышеописанные события нижеследующим предисловием.

Оскорбленные чувства пойманной на воровстве российского газа Украины, натолкнули ее на мстительную идею реэкспорта, то есть продажи России собственного же газа, но с накруткой. Обнаружив этот факт, Россия в свою очередь стала продавать Украине тот же газ по тройной цене. Возник дефицит горючесмазочных материалов.

Бензозаправочные станции почти все были реприватизированы и закрыты, кроме тех,

что принадлежали Лимонадному Джо, который умудрился наладить реэкспорт купленного втридорога Украиной газа ей же самой.

К такой станции, осуществляющей ремонт и заправку автомобилей, подъехала как-то поношенная «Таврия».

– Сэконд хенд через дорогу! – сказал ему смотритель, однако, все же протянул прайс с перечнем цен на услуги, превышающих финансовые и умственные возможности посетителя. Проезжий, не спрашивая ничего, смотрел на лист и чесал затылок. Смотритель, сложивши руки на молодой груди, стоял рядом и зорко следил, кабы тот чего не спер.

Солнце уже садилось, когда джип «Land Rover» резко затормозил прямо перед ними. Из джипа вышел молодой человек в шлепанцах и милицейской фуражке.

– Полный! – сказал он повелительным голосом.

– Один момент. Талончик ваш разрешите.

– Ты что, меня не узнаешь? Смотритель узнал, засуетился и дрожащей рукой принялся заправлять машину бензином.

– Кто такой? – глядя мимо владельца патриотического транспортного средства, спросил молодой человек у смотрителя.

– Бог его знает, номера киевские, вот уж пять часов так стоит, надоел проклятый!

Молодой человек брезгливо взял стальными пальцами за отворот пиджака проезжего и отвел его за машину.

– Карманы покажи, – сказал он, гипнотически глядя в зрачки оседающего водителя.

Из карманов было извлечено три гривны и двадцать семь копеек мелочью, авторучка с красным стержнем, немного семечек, сигареты «Прима», киевский паспорт и документы, свидетельствующие о том, что их хозяин владеет украинским языком с правом преподавания. Внимание ужасного молодого человека привлекла купчая, в которой говорилось, что Дибров В.А. передается в частную собственность Троекурову Кириле Петровичу в качестве преподавателя украинского письма и чтения. Он аккуратно сложил документы и сунул их к себе в барсетку. Затем, достал хрустящую однодолларовую купюру, молча воткнул ее в нагрудный карман онемевшего от счастья проезжего и сказал, не отрывая взгляда от его лица:

– Сейчас я отвернусь и ты исчезнешь.

– Господин Дубровский! – окликнул его смотритель, – бак заправлен, стекла вымыты.

Услыхав имя Дубровского, а это, как читатель, наверное, уже догадался, был именно он, хозяин «Таврии» через секунду сидел в самозаведшейся машине, которая в свою очередь, от страха пуль рванула назад и скрылась за горизонтом.

Когда Дубровский оглянулся, на месте беседы никого не было.

– Копперфильд!* – восхищенно прошептал смотритель автостанции...

Дубровский, овладев бумагами учителя, смело явился, как мы уже видели, к Троекурову и поселился в его бизнес-усадьбе.

В его поведении не оказалось ничего предосудительного: он убил хозяйскую собаку, мало занимался воспитанием маленького Саши, с большим прилежанием брал уроки Кама-сутры у Марьи Кириловны. Все любили его и он не без основания почитал себя членом семьи.

Ночуя в одной комнате с одним из главных виновников своих бедствий, Дубровский не мог удержаться от искушения. Надеемся, читатель помнит, как изумил он бедного Антона Пафнутьича неожиданным своим превращением.

Наутро гости проснулись и вышли пить кофе. Кирила Петрович в трусах, носках и майке выпивал свою широкую чашку, похожую на пепельницу.

Последним вышел Антон Пафнутьич, вид его был печален. Кирила Петрович осведомился, не трахнул ли его этой ночью Дубровский? От сей шутки Антон Пафнутьич закашлялся, опрокинул на себя кофе и весь в слезах уехал восвояси.

* Известный одесский иллюзионист, тантрический партнер Клаудии Шиффер. «Тантра» – древнее учение, включающее в себя сексуальную практику. «Шифер» – строительный материал, применяемый для внешних работ.

Глава IX

" »
(песня и ныне дикого
тунгуса о плохой видимости)

Между тем, жизнь в бизнес-усадьбе шла своим чередом. Секс и музыкальные уроки занимали Марью Кириловну. Особенно музыкальные уроки. Она начинала понимать собственное сердце и признавалась в том, что оно не было равнодушно к достоинству молодого учителя, которое тот стремился везде пустить в ход. Она с большей и большей доверчивостью отдавалась сей увлекательной привычке. Она скучала без Диброва, в его присутствии поминутно занималась с ним.

Может быть, она не была пока влюблена, но еще немного и пламя страсти должно было вспыхнуть в ее сердце.

Однажды, придя в залу, где ожидал ее учитель, Марья Кириловна заметила смущение на его рябом лице. Она открыла фортепиано, нагнулась над клавишами, и даже пропела несколько нот, но Дибров под предлогом паховой травмы извинился, прервал урок, и, закрывая ноты, подал ей украдкой записку. Марья Кириловна, не успев одуматься, приняла ее и раскаялась в ту же минуту, но Диброва не было уже в зале.

На обертке от презерватива Марья Кириловна по складам прочла следующее: «Чекаю на вас о сьомій у садочку. Це не потебеньки!»*

Чувство ее было сильно возбуждено. Она хотела и опасалась услышать признание. Ей приятно было бы услышать устное подтверждение того, о чем она догадывалась, но не знала, какой выбрать ответ: веселую шутку, отказ или безмолвный секс.

Между тем, часы пробили без пятнадцати семь, Марья Кириловна спустилась и вышла в сад. Там ее уже ждал в кустах Дибров. Марья Кириловна нагнулась и пропела несколько нот.

– Благодарю вас, – русским голосом тихо и печально сказал Дибров, – но я не то, что вы предполагаете...

От неожиданности Маша взяла «ля».

– Бляха-муха, – замахнулся на нее Владимир, – я Дубровский! Обстоятельства требуют... я должен вас оставить... Антон Пафнутьич Спицын наградил меня дурной болезнью. Не кричите, ради Бога! Это лечится. Да, я тот несчастный, которого ваш отец выгнал из родительского дома, но я простил. Вы спасли его. Ведь раньше я мечтал, как буду пытать его, прикованного к батарее, утюгом, паяльником, электрическим разрядником, как затем расчленю его тело... ну, да ладно. Обещаетесь ли вы меня не отвергнуть?

Внезапно раздались гудки милицейской сирены. Дубровский напрягся.

– Обещаетесь ли?! – нервно закричал он.

– Обещаюся! – неудовлетворенно закричала Маша, взволнованная окончившимся свиданием с Дубровским.

Прибывшая тем временем опергруппа делала обыск в комнате Дубровского. Антон Пафнутьич Спицын с трагическим лицом давал показания, в которых он обвинял учителя Диброва в непредумышленном скотоложестве. По описанию Антона Пафнутьича, Саши и Марьи Кириловны был составлен фоторобот половых органов преступника, который неожиданно вывел на след Дубровского. Описания свидетелей совпадали.

Троекуров сначала смеялся над довольно схематичным рисунком, выполненным неумелой рукой милиционера, но когда для сравнения составили аналогичный портрет с самого Кирилы Петровича, и сравнение было не в его пользу, Троекуров задумался, затем порвал бумагу и приказал охране найти учителя, живого или мертвого, но Дубровского уже и след простыл.

* - Жду вас к 19:00 в оранжерее. У меня к вам серьезный разговор (укр.)

Глава X

*«O temporal O mores!»**

В это же время из эмиграции вернулся наследственный глава цеха индпошива граф Верейский. В еврейский период жизни он сильно истосковался по фактической родине и теперь с удовольствием дышал выхлопными газами, стоя на балконе родового хрущевского гнезда, и с умилением взирал на копошащихся в мусорном баке лиц в оранжевых куртках, узнавая в них бывших представителей местной интеллигенции.

Однажды, увидев человека, натравливающего на вялосопrotивляющихся бомжей своего нового бультерьера, Верейский опознал в нем прежнего коллегу Кирилу Троекурова. Верейский окликнул его и пригласил к себе в гости.

Через минуту они уже обнимались в прихожей, и собака клала зубами и вытирала передние лапы о домашний халат Верейского.

За стаканом французского коньяка, по поводу встречи, Троекуров похвастал фотографией своей дочери, сделанной для обложки украинского аналога «Плейбоя», журнала «Бабограй», после чего Верейский пригласил его вместе с дочерью поужинать в новом престижном ресторане «Галушка». Там они вечером и встретились.

Раньше это заведение называлось «Українські страви» и пользовалось большой популярностью у мужской части населения, поскольку здесь всегда можно было распить принесенные с собой спиртные напитки прямо под надписью, строго запрещающей оное действие, и закусить фирменным блюдом – сосисками с капустой, нехитрым изобретением немецких солдат.

Теперь здесь все было иначе. Там, где в прежние времена висел плакат «Покупатель всегда неправ!», неоново светилась надпись Welcome! на кириллице, чуть ниже – украшенный полотенцем для рук, портрет Т.Шевченко, а под ним на столе – буханка хлеба и соль на славянском журнальном столике.

Живописный казак с вековой печалью в глазах встречал клиентов на входе. На мохнатой груди его проглядывал большой православный крест, бритая голова с оселедцем и пейзажи производила неизгладимое впечатление на входящих.

Наиболее важных клиентов обслуживал лично глава ресторана, почетный чекист и георгиевский кавалер Иван Иванович Небеда.

Ни к чему не обязывающий секс с Марьей Кириловной в мужском туалете между танцами заинтересовал стареющего пуританина. Интерес этот быстро перерос в последнюю любовь, и Верейский сделал отцу Маши официальное приглашение. Двойное гражданство и счет в швейцарском банке заранее определили положительный ответ Кирилы Петровича. Судьба Марьи Кириловны была решена.

Поставив дочь перед свершившимся фактом, Троекуров и слышать ничего не захотел о простатите и половой слабости Верейского. Он собственноручно выстрогал дочке имитатор и назначил помолвку на следующей неделе.

* - Ганьба! Ганьба! (лат.)

Глава XI

С трудом сдерживая слезы, держа в руках кусок дерева, расстроенная Маша нажимала им на клавиши своего фортепиано и пела ноты, когда внезапно ощутила проникновение.

– Опа, Маша! Я – Дубровский! – тихо раздался сзади знакомый голос; Маша разрыдалась.

Тяжело дыша и еще больше распаясь от ревности, Дубровский выслушал сбивчивое повествование раскачивающейся Марьи Кириловны о грозящем ей физиологическом несчастье.

– ...У...б...ью!!! – в кульминации чувств, не сдерживаясь боле, громко крикнул Дубровский и убежал.

Услышавши шум, в комнату ворвался Кирила Петрович с охраной. Маша с растрепанными волосами, измученная, но счастливая, сидела за фортепиано, держа в руках подарок отца и смеялась.

– Ну вот и славно, дочка! – сказал Троекуров, – теперь дело за свадьбой.

Глава XII

*«Was ist das?»**
(Ницше)

По главной городской дороге мчались три авто с тонированными стеклами. Впереди и сзади ехали два джипа с охраной, в центре – шестисотый, в котором сидела Марья Кириловна, пристегнутая, на всякий случай, чтоб не сбежала, наручниками к отцовской руке. Она то и дело бросала беспокойные взгляды на проносящиеся мимо машины, ища глазами «Land Rover» Дубровского.

Город жил своей обыденной жизнью. То и дело, обдавая тупой музыкой, мелькали иномарки с торчащими из окон стволами, битком набитые незнакомой братвой, но Владимира среди них не было.

Тем временем свадебный кортеж приехал в церковь. Там жених уж их ожидал. Вышед на встречу невесты, он был поражен ее бледностью и странным видом деревянного предмета, который она держала в руках вместо цветов.

Они вместе вошли в холодную очищенную охраной церковь; за ними заперли двери. Священник вышел из-за алтаря и тотчас же начал. Когда он кончил, Марья Кириловна уже ничего не соображала. Священник обратился к ней с обычными вопросами, она содрогнулась и обмерла, но еще медлила, еще ожидала; священник принял ее за дурочку, и, не дождавшись ответа, произнес неотвратимые слова.

Обряд был кончен. Она сплюнула холодный поцелуй немилого супруга, и все еще не могла поверить, что жизнь ее была навеки окована, что Дубровский не прилетел освободить ее...

А как тут прилетишь, когда в голове у тебя дырка, ты лежишь, на бетоне взлетной полосы, и глядишь не мигая в голубое небо, и ветер уносит прочь твой авиабилет, твой последний счастливый билет, которым ты уже никогда не воспользуешься...

Как читатель, наверное, догадался, Дубровский был мертв. В тот час, когда он

поднимался по трапу, чтобы летать и спасти свою возлюбленную, киллеры, нанятые коварным Троекуровым, подъехали на джипе прямо к самолету, в упор расстреляли Дубровского и скрылись в неизвестном направлении.

Троекуров, благодаря хорошо организованной службе безопасности, с самого начала знал все и пристально следил за Дубровским, умело разыгрывая свое неведение. Когда дело зашло слишком далеко, и отношения Владимира с Машей стали угрожать финансовой выгоде Вашингтона, Кирила Петрович решил убрать молодого Дубровского следом за старым, что и было сделано с присущими ему волей и хладнокровием.

Преступная группировка Лимонадного Джо распалась, старики разошлись по домам и почти до сих пор добровольно сдают накопленное огнестрельное оружие в милицейские пункты приема. Их там знают и любят, каждый раз списывая на них какой-нибудь висяк.

Маша скоро стала вдовой. Благодаря подарку отца, она теперь иначе смотрит на жизнь. И только лишь иногда, в годовщину свадьбы ея, подходит она к фортепиано и поет ноты. Но это уже совсем другая история.

* - Що це було? (нім.)

* * *

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В каких войсках служили Андрей Гаврилович и Кирила Петрович?
2. Как звали собаку Троекурова?
3. Может ли собака обладать природой Будды?
4. Когда вы последний раз смотрелись в зеркало?
5. Каким был курс доллара, который Дубровский дал учителю украинского языка?
6. Откажетесь ли вы, если вам предложат доллар?
7. А два?
8. Угадай мелодию пейджера Дубровского.
9. Болели ли вы в детстве ангиной, скарлатиной, коклюшем? (нужное подчеркнуть).
10. Что думал В. А. Дубровский, сидя у ручья?
11. Где находится столица России?
12. – Украины?
13. Что такое реэкспорт?
14. Что такое реприватизация?
15. Зачем платить больше?
16. Как звали молодого Дубровского: Вова, Владимир, Владикавказ, Воха, Вольдемар, Володька, Вовка, Вениамин Львович, Вовкулака, Водик, Вовочка, Вавила, Вовец, Вовчик, Вован, Вовик, ВОВ, Войцех, Ватсон, Вуйко, Вовуся, Вальтер, Скотт, Володя, Валтасар? (нужное подчеркнуть).
17. Кто является героем нашего времени Дубровский или Спицын?
18. Зачем Маша пела ноты?
19. Для чего используется вишневая косточка в Кама-сутре?
20. Можно ли забеременеть, если глотать?
21. Имел ли Владимир Дубровский право на ношение табельного оружия?

* * *

6. У порога сенильной деменции

ЭПИГРАФ

У порога сенильной деменции, когда паспортные данные безнадежно опережают IQ, желательно не растерять то, что будет согревать за этим порогом.

ИНСТРУКЦИЯ

Чувство юмора это способность относиться к происходящему с легкостью, делать юмористические комментарии либо вести себя смешно в каких-то ситуациях. Говоря простыми словами, это комплекс перцептивных, когнитивных, эмоциональных, физиологических и поведенческих процессов, который даётся при рождении и развивается в раннем возрасте под влиянием окружающей среды. Отсутствие чувства юмора иногда является объектом иронии, чаще - причиной переадресации в детородные органы для последующей, более адекватной, реинкарнации.

НАЧАЛО

Первого сентября меня привели в первый класс и отправили в спортзал, где проходила торжественная линейка. По гениальному замыслу неизвестного режиссёра первоклассников построили в шеренгу перед десятиклассниками, после чего по команде должна была состояться символическая передача "эстафеты знаний".

Начало затягивалось. Глянув на скучающие лица старшеклассников и почувствовав, что пора зажечь праздник, я встал на четвереньки, подбежал к включённому микрофону и залаял. Меня поймали и отнесли обратно. В дальнейшем учёба складывалась по-разному, но начало было неплохое.

ТОВАРИЦ ПОНОМАРЁВ

В нашем классе учились "гордые дети маленьких ответственных работников". Сыном самого высокопоставленного был Игорь Пономарёв. Мы его между собой иначе, как "товарищ Пономарёв" не называли. Он это воспринимал приветливо, со сдержанным достоинством. Интересно, что и педагоги начали инстинктивно обращаться к нему так же. Однажды руководство школы устроило в фойе художественную выставку и нужно было оставить в обязательном порядке положительный отзыв в предусмотрительно примотанной верёвочкой к ножке стола книге отзывов и предложений.

"Выставка хорошая, - написали мы, - хорошо смотрится товарищ Пономарёв на фоне выставки". На следующий день экспозицию свернули.

ЛИЦОМ К ОТЧИЗНЕ

Это было время, когда во дворах ещё играли радиолы. Огромный ламповый магнитофон ставился на подоконник и его обладатель врубал Битлов или Высоцкого. В нашем дворе жил заслуженный пенсионер тоталитарного режима. Чем он занимался в юности, не трудно догадаться, но и в преклонном возрасте организм продолжал нестерпимо бдеть и сигнализировать. Вопрос надо было решать.

Воспользовавшись отсутствием старших, я выпер в окно магнитофон Дніпро с зелёным глазом. Собралась публика. Дождавшись пенсионера с участковым, я включил гимн Советского Союза. До последней ноты все стояли по стойке смирно лицом на звук, потом молча разошлись. Этот метод получил во дворе название "Лицом к Отчизне".

СПОРТ

Семнадцатая школа с физико-математическим уклоном, которую я закончил, была одной из лучших. В ней учились политический деятель, писатель и правозащитник Натан Щаранский, режиссёр, сценарист и продюсер Юрий Кара, в параллельном классе - Олег Штефанко, теперь голливудский актёр и другие яркие личности, всех не перечислить. Класс подобрался неглупый, пустых авторитетов не признавали.

Однажды учительница привела на урок выпускника, новоиспечённого студента МФТИ, чтобы тот поделился опытом. Потекли унылые, как гайморит зимой, нравоучения. Оценив неказистое телосложение будущего физика, Вова Бурдаков неожиданно спросил:

- А спортом каким занимаетесь?

- По ситуации, - краснея прыщами, растерялся выпускник, - зимой бегаю, летом плаваю.

- Правильно, - одобрил Бурдаков, - зимой подойдут - убежал, летом - уплыл.

ВЕРНИТЕ ИГРУШКУ

Восьмого марта мы подарили нашим девчонкам разные разности, потом стали беситься и не заметили, как в класс зашёл директор. Его педагогические экзерсисы напоминали выступления Н.С.Хрущёва в ООН. Поднимая пухлый кулак, он произносил обличительные фразы и стучал для закрепления смысла по учительскому столу. В руке, как символ власти, была связка ключей, поэтому после каждого урока к нам приходил мрачный трудовик и с матерным прошёптыванием нужных слов менял на столе разбитое оргстекло. На этот раз директор навис над первой партией, где сидела отличница Танечка и стоял свежеподаренный зайчик. Если завести пружиночку, зайчик хлопал в ладошечки, в которых были железенькие тарелочки. Директор в гневе выкрикнул леденящую душу угрозу и стукнул кулаком по парте. В повисшей тишине раздались заискивающие аплодисменты зайца. Сработал пружинный механизм. Директор застыл, как Сцевола, с поднятой рукой и уставился на ожившую игрушку, а затем, удовлетворённый подхалимажем, сказал зайчику:

- Фатить, - и добавил, обращаясь к нам, - начнём урок.

Танька теперь живёт в Америке. Говорят, там этих зайчиков - завались. Верните игрушку на прилавок!

ДОНЕЦКАЯ ШКОЛА

Николай Зятков, по кличке Зять, отличался высокой степенью физического развития и обратно пропорциональной умственного. Дразнить его было легко и опасно - каждый день я приходил домой с разбитым носом. Потом пошёл на бокс и увлёкся.

Через год, после физкультуры в раздевалке в Зятя попали тапком, я засмеялся и получил от него затрешину. Отступить было некуда. Началась драка. Зять был сильнее, и хотя я уже кое-что умел, наступил момент, когда легче упасть, чем продолжить. По правилам, стоявшие по кругу, не имели права вмешиваться, но мой друг Андрюха, увидев, что я заваливаюсь, оттолкнул Зятю, за что тут же получил от моего же друга Гриши. Драка возобновилась, но я успел восстановить дыхание и начал бить, понимая, что останавливаться нельзя. Неожиданно Зять сполз по стенке на пол. Победа была засчитана. На следующий год Зять перевёлся в другую школу.

Потом я дрался по правилам и без, но этот бой был главным. Дело было сорок лет назад, сколько бы ни прошло, я всегда буду признателен Андрюхе. Грише - вдвойне.

ГРАФФИТИ

На год старший нас класс в ночь на выпускной нарисовал на асфальте белой краской следы босых ног огромного размера, ведущие от школьного крыльца до ближайшего поворота. Смеялась вся школа.

Через неделю директор аккуратно залил это безобразие смолой, превратив следы из белых - в чёрные и сохранив шедевр граффити до следующей весны. Теперь смеялся весь город.

ШИФРОВКА

Телеграммы нестандартного содержания на почте не принимались. Однажды Юра Есин, поздравляя нашего друга с днём рождения, сунул в окошечко бланк с текстом: "убил человека что делать анжелика".

- Телеграмма шифрованная, - сказала телеграфистка и вызвала милицию.

Мне повезло больше. 23 февраля из Киевского Главпочтамта, как раз напротив памятника Б.Хмельницкому, я отправил домой телеграмму: "поздравляю себя с днём советской армии богдан хмельницкий". Девушка в окошке, задумчиво глядя на памятник, бровью не повела. Шутку оценили в Донецке.

РОМА, ЗДРАВСТВУЙ!

Став комсоргом института, Рома перестал здороваться с одноклассниками. Они сообщили об этом, когда мы летней ночью купались в городском пруду.

- А вот и он, - сказал Лёха, когда мы возвращались домой.

- Рома, здравствуй! - издали предупредили мы его.

Узкий тротуар не давал возможности манёвра и Рома прошёл мимо нас, так и не поздоровавшись. Достав из пакета мокрые трусы, мы догнали комсомольского лидера и молча отшлёпали им его по ответственному лицу.

- Очки! - единственное, что сказал в ночной тишине Рома.

Очки мы подняли и надели обратно.

Теперь я жалею об этом поступке. Прошло много лет, но каждый раз, увидев меня издалека, Рома сам подходит и говорит:

- Здравствуй, Вова!

ЖЕЛЕЗНАЯ РУБАШКА

Юра Фурик, самый сильный из нашего класса человек, занимался гандболом. Его бросок по воротам, как сказали бы комментаторы, был сильным, но не точным. На самом деле, Юра всегда мечтал попасть во вратаря. Вратари об этом знали, а после того, как он попал в верхнюю перекладину и та сломалась пополам, они, увидев Фурика с мячом, ложились лицом вниз и закрывали руками голову. С Юрой наша команда выиграла много соревнований.

Через десять лет после окончания школы я встретил его на улице.

- Суки, - сказал он, - меня в ментовку забрали. Иду я бухой, меня лучше не трогать, ты же меня знаешь, а тут: "ваши документы!". Я молчу, ты же меня знаешь. Они давай мне руки крутить, а я напрягся, ты же меня знаешь.

Для наглядности Фурик напрягся. Раздался щелчок и от его пальто отлетела верхняя пуговица.

- Суки, - продолжил Юра, - второй наряд вызвали, меня занесли и поставили в "бобик". В отделении, ты же меня знаешь, я ничего им не сказал, только вот так стал у обезьянника и напрягся.

Юра стал в позу В.Маяковского у Лубянки и напрягся. Вторая пуговица со свистом покинула его грудь.

- Суки, - подытожил Фурик, - на следующий день отпустили.

Недавно я прочёл книгу Мантэка Чиа "Цигун Железная Рубашка". Напрягся.

ПРОФЕССОР КОВАЛЕНКО

На летних каникулах, заточив металлический прут, я нырнул под скалу и загарпунил морского ерша. Когда я вылез на берег с чудовищем на палочке, женщина с животом и грудью игриво спросила:

- Мушщина, а шо ето за риба?

- Дельфин, - мрачно ответил, теперь уже профессор, Серёга Коваленко.

ЛЕНИН В ДОНЕЦКЕ

На дворе стояли зима и советская власть. Вечерело. Украв из подъезда детские санки, мы, на тот момент уже студенты, радостно катались по бульвару, настораживая милиционеров диссонансом ситуации.

На бульваре было ателье, где на виду у всех, за огромными окнами сидели женщины и что-то шили.

Я встал на санки в позу немыслимого Ленина, низкорослый Витька взял верёвку, пригнулся и постучал в крайнее окно. Женщины обернулись, и я плавно проплыл мимо.

В этом году повторю обязательно.

ЕСЛИ ВАС АРЕСТОВАЛИ

Загулявшие первокурсники, мы спасались от февральской стужи в подъезде, когда зоркий глаз полковника МВД, возвращавшегося домой под шафе, засёк нас возле радиатора парового отопления.

- За мной! - скомандовал офицер.

Мы сели в "воронок" и были доставлены в ближайшее отделение милиции, где он решил провести с несознательной мОлодежью разъяснительную беседу.

- Год рождения? - спросил он Есина, достав чистый лист.

- Пятьдесят девятый, - ответил Юра и, наткнувшись взглядом на полковничьи глаза, осторожно добавил:

- Тысяча девятьсот.

РОЗОВЫЙ АБАЖУР

Безумствовала весна. Юра Есин не мог уснуть. Он раскрыл шторы и увидел в доме напротив окно, освещённое розовым абажуром. Раньше в этом окне Юра не раз видел волнуящую юношескую грудь девичий профиль. "Ей тоже не спится", - подумал он и, ощутив творческий подъём, достал бумагу и написал романтическую историю, сделав себя прототипом лирического героя, а лирической героиней - девушку, читающую под розовым абажуром. (Дело было в прошлом веке, когда люди ещё читали книги.)

Прозу Юра писал легко и изящно. Рассказ удался. Перечитав его, Есин, довольный собой, снова подошёл к окну. На этот раз он был в очках и отчётливо разглядел человека под розовым абажуром. Это был толстый лысый мужчина в майке и чёрных семейных трусах. Он сидел в кресле, смотрел на стену и ел колбасу.

ГОВОРЯЩАЯ СОБАКА

Первый пёс был говорящим. Когда ему чесали спину, он от удовольствия негромким баритоном вятно говорил: "Алла". Так звали мою маму.

В гости пришёл Юра Есин, я подозвал собаку и, незаметно почёсывая ей спину, сказал:

- Тяпа, скажи Алла.

- Алла, - сказал Тяпа.

Юра, тогда уже студент биологического факультета, встал, поправил пиджак, очки, прокашлялся и голосом преподавателя младших классов, разделяя слова по буквам, произнёс:

- Тяпа! Скажи, пожалуйста: Ю р и й Н и к о л а е в и ч Е с и н .

ОРДЕН СВЯТОЙ ШАРЫ

На археологической практике у нас возник тайный Орден Святой Шары, где все обращались друг к другу: "Брат" и далее по фамилии. Дело в том, что по археологическому уставу, наткнувшись лопатой на твёрдый предмет, надо было прекращать копать и на

корточках специальными щётками отделять от земли твёрдые предметы - кости убиенных скифами жён, осколки сосудов от древнегреческого бухла или железяки от местного колхозного трактора. Члены тайного братства всё выбрасывали лопатой в "отвал", а уже затем ворошили землю ногой, ища, нет ли там чего ценного. Ручка от сосуда считалась ценной находкой, так как по ней можно было восстановить форму, а следовательно эпоху и место производства.

В нашей группе учился Олег Б., человек, более других страдавший от олигофрении. Не буду называть его фамилии, так как он сейчас преподаёт философию в одном из ВУЗов. С первого дня работы Олег Б. понял, что копать тяжело и стал каждые пять минут бегать к преподавателю, неся на вытянутых руках небольшие камни.

- Владислав Петрович, - жутким голосом говорил он, - это камень?!

- Да, - терпеливо отвечал тот.

- Выбросить? - трагически спрашивал будущий философ.

- Да, Олег, выбросить. - невозмутимо отвечал Владислав Петрович, терпение которого объяснялось тем, что во-первых, он был родом из Западной Украины, а во-вторых, писал свою диссертацию по материалу этих раскопок.

Первая ценная находка - ручка от глиняного сосуда была сделана Олегом Б. Все даже перестали работать. Во всеобщей тишине Олег Б. прошествовал, неся, напоминающий засохшую собачью какашку, предмет на вытянутых руках, к преподавателю и трагически спросил:

- Владислав Петрович, это ручка?!

- Да, - посветлев лицом, ответил тот.

- Выбросить? - утвердительно спросил Олег Б.

АНГЛИЯ

В советское время, когда под запретом оказались каратэ, культуризм и почему-то покер, в университетской курилке я показал мужчинам фотографию Арнольда Шварценеггера. Олег Б., глянув на снимок, с видом знатока спросил:

- Англия?

На этот гениальный вопрос нельзя было не ответить утвердительно.

- А как таким стать самому? - заинтересовался Олег Б. и я понял, что наши отношения продолжатся.

- Поскольку это, как ты заметил, Англия, - ответил я, - а пьют там, как известно, портвейн, секрет в том, что после каждого подхода спортсмен делает по два глотка живительного напитка, с расчётом, чтобы за тренировку всосать 0,7 литра.

Прозвенел звонок и мы разошлись по аудиториям.

Весь следующий месяц Олег Б. со мной не разговаривал, а затем неожиданно сказал:

- Ты настоящий друг!

- Почему? - искренне удивился я.

Оказалось, что поселившись в общежитии, вдали от крыши дома своего, Олег Б. причастился к зелёному змию. После раскрытия секретов английского культуризма, в тот же вечер, купив "Портвейн приморский" ёмкостью 0,7 литра, он начал приседать и пить, не выпуская бутылки из рук, пахучую красно-зелёную жидкость из горлышка, изумляя своих соседей арабов. На 0,7 литра юношеского здоровья не хватило, юниор пал ниц, заблевав чужую обувь.

Так, благодаря уникальной системе наращивания мышечной массы, Олег Б. временно бросил пить.

ПАЛЕЦ

Безымянный палец правой руки Олега Б. перестал сгибаться после того, как по необъяснимым причинам он залез на высоковольтный столб своей малой родины и схватился за провод. Спешившая с полным ведром к выгребной яме женщина с испугу облила упавшего перед ней Олега Б. содержимым, чем спасла, как утверждает пострадавший, ему жизнь.

На первом курсе, подвергшись избыточному воздействию тестостерона, Олег Б. потребовал обучить его приёмам самообороны. Поскольку, при ударе ногой он падал, я показал удар ребром ладони, единственно возможный в его случае вариант агрессивного поведения и предложил компенсировать однообразие автоматизмом.

Как ожившая фигура Буратино, пугая ворон и алкоголиков несогласованными движениями, юный воин некоторое время тренировался на открытой площадке, а с холодами бросил.

Каково же было моё удивление летом, на пионерской практике, когда я подошёл сзади к вожатому Олегу Б., возвышавшемуся над притихшими детьми и услышал финал пронзительной истории:

- И тут они с ножами на меня, а я ребром ладони одного, второго, третьего... Потом смотрю: палец вот этот порезан. Боли-то я не чувствую, рука-то у меня тренированная!

ОВЕЧИЙ ИСТОЧНИК

Мария Абрамовна Молдавская, преподававшая историю средних веков, ввела зачёт по культуре Европы, чтобы повысить интеллектуальный уровень студентов до минимального. Нужно сказать, что сама Мария Абрамовна, когда читала по-украински, извинялась, за то, что её украинский чуть хуже её французского. И это было правдой.

Олег Б. к зачёту не готовился и в коридоре спросил отличника Леонова, задоблив его сигаретой "Прима":

- Лёвчик, а что ты помнишь по теме?

Тот, оттачивая знания, стал излагать. Олег Б., достав карандашный огрызок, сказал: "Не спеши" и записал всё, что называется, "своими словами". Начался зачёт. Когда подошла очередь Олега Б., он положил в раскрытом виде перед Марией Абрамовной конспект.

- Фу, какая гадость! - воскликнула она и отправила Олега Б. вон.

Оказалось, что название драмы Лопе де Вега "Фуэнте Овехуна" Олег Б. записал на слух, в силу ассоциативного ряда своего мышления, как "Хуэнтэ Овэхуна", чем вверг в праведный гнев Марию Абрамовну, не признававшую ненормативной лексики и тем более ассоциативного ряда мышления Олега Б.

О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ПАТРИОТИЗМА

В начале учебного года проректор вызвал к себе спортсменов мужского пола и сказал:

- Товарищи! В Бердянске не успевают разгружать сухогрузы с импортным зерном. Каждый день простоя дорого обходится нашему государству. Родина зовёт вас, как патриотов, на помощь.

Что такое таскать на себе мешки с зерном мы знали, но чувствовали, что, если Родина зовёт, лучше ей не отказывать. И не ошиблись. В порту профессиональных грузчиков бросили на пшеницу, а нас - на разгрузку судна с кипрским мускатным вином.

Как пролетел сентябрь, не помню. Помню себя уже в октябре, в Донецке. И вплоть до седьмого ноября, торжества пролетарского виноделия, коллеги по Бердянску узнавали друг друга в местах общественного пользования по неповторимому буржуазному амбре кипрского муската.

ШЕКСПИР ОТДЫХАЕТ

На пике физической формы мы с друзьями увлеклись каратэ и культуризмом. Ранним утром, после кросса, когда все выпендривались на турнике и отработывали ката, из предрассветного тумана бесстрашно вышел низкорослый идиот и спросил:

- А кто победит - атлетист или каратист?

Я до сих пор не знаю, что ответить на этот вопрос.

ВЕРХНЯЯ ЧАКРА

- Вова, а кто такая эта Мария? - спросила меня, пришедшая в гости однокурсница, пока я наливал вино.

Я оглянулся и увидел в её руках книгу. На обложке было написано: Эрих Мария Ремарк. Не стал я тогда открывать ей верхнюю чакру, не входило это в мои планы.

P.S. Так и не узнавшая, кто такая эта Мария, девица уже возмужала и может коня на скаку остановить. Мама, понимая, что мало кто уживётся со мной, была не против развития наших отношений. Бывшая девушка и теперь не против, я иногда встречаю её и каждый раз после обращаюсь к небу:

- Мама, прости, но я не конь.

ТРЕВОЖНАЯ МОЛОДОСТЬ

Седьмого ноября всегда было холодно и от пронизывающего до костей ветра мог спасти только портвейн в кармане. Подпоив перед парадом музыкантов, я попросил исполнить "психическую атаку" из к/ф Чапаев. Первые ряды, наклонили вперёд знамёна, колонна тронулась. Не пройдя и десяти метров, отряд был остановлен парторгом в роли Чапаева и деканом в роли Анки.

С меня была сорвана, приколотая к груди вместо октябрьской ленточки красная пачка сигарет "Прима" (16 коп.), изъята стеклотара (20 коп.) и произведён выстрел в голову без занесения в личное дело(бесплатно). Пуля прошла, не задев жизненно важных органов.

ПОРА ПОДУМАТЬ О СЕБЕ

Африканских кровей студент, закончив Сорбонну, поступил в наш университет. Чтобы повысить квалификацию, наверное. У него был чёрный пояс по каратэ. Однажды он пришёл в наш подвальный спортзал, напугал людей диковинным стилем Вадорю и сказал, что темнокожих не любят.

- Все люди братья, - ответил я, для убедительности предложил фулл-контакт и выбил ему зуб. Через год парня депортировали. Сказали, что он был вражеским агентом.

Трофейный зуб до сих пор хранится в коробочке от монпасье вместе с комсомольским билетом. Я теперь думаю, не попросить ли мне надбавку к пенсии?

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИСТФАКЕ

После отмены советской власти мне довелось пить водку с чекистами. Узнав мою фамилию, один сказал:

- Знаю, знаю.

Выяснилось, что он курировал ДонГУ.

- Хлопец ваш, светловолосый, худенький такой, на тебя телеги катал.

- Кто ещё? - заинтересовался я.

- Чернявый, плотный такой.

- Зовут как?

- Мы своих не сдаём, сам понимаешь.

Когда добрались к концу этой лестницы Ламарка, я спросил:

- А кто не стучал?

- А ты не так прост, как кажешься, - ответил чекист.

ПАССИОНАРНАЯ ТЕОРИЯ ЭТНОГЕНЕЗА

Попав в одно село, я спросил местных ребяташек:

- Куда впадает ваша речка?

- В землю. - ответили они.

АНШЛАГ

В очередной раз пытаюсь бросить университет, я устроился в театр оперы и балета рабочим. При знакомстве с девушками это давало мне полное право называть себя работником сцены. Связь с искусством была яркой и непродолжительной.

Театру по плану полагалось давать утренние спектакли. Смотреть на помятых актёров пригоняли неокрепших умом школьников и учащихся ПТУ, а зимой туда забредали сельские жители погреться перед открытием рынка. Вечным утренним спектаклем был "Маша и медведь". Его сюжетная линия самоликвидировалась в недрах моего сознания, осадок остался.

Как-то раз, похмельным утром, сказав: "similia similibus curantur", что на языке Сенеки означает "подобное излечивается подобным", механик, допив портвейн, впал в религиозный транс и стал общаться с Бахусом напрямую. По их просьбе, когда в зале погас свет, я дёрнул "вон ту х*йню", после чего поднялись все задники и перед учащимися ПТУ, освещённый софитами, оказался дядя Вася, сидевший на мешках с песком и куривший в кулак "Приму".

Повисла звенящая тишина. Дядя Вася, сообразив, что бежать бессмысленно, продолжил курить, стараясь делать это театрально. Через несколько секунд раздались оглушительные аплодисменты, крики "браво!" и даже "бис!". Дядя Вася забычковал сигарету, встал и поклонился публике.

Зал аплодировал стоя. Это был аншлаг.

СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Возникла стандартная ситуация: два моих друга и я хотели выпить, было что, но было негде и я взял три контрамарки на оперу Иоланта. Будучи к тому времени опытными комсомольцами, мы сумели до третьего звонка удовлетворить в кулуарах свои культурные потребности и уселись в зале, среди заядлых театралов. Витька, самый невысокий, компенсируя недостающие сантиметры громкостью речи, открыв программку, взволнованно прошептал, перекрывая оркестр:

- Пацаны, она слепая от рождения, но не знает об этом!

На него тут же зашикали, но он логично возразил, что, если её не предупредить, она может свалиться в оркестровую яму. Тем более, что Иоланта оказалась девушкой лет шестидесяти, крупного телосложения. Каждый раз, когда она приближалась к краю сцены, Витька громко шептал:

- Отойди, упадёшь!

Вдобавок Витьке мешал дирижёр, который заслонял главную героиню и всё время махал руками. Его Витька настойчиво просил или уйти или пригнуться. Кончилось тем, что я вывел друзей от греха подальше, на улицу.

Чтобы не прервать связующую нить с искусством, мы допили то, что было, у памятника А.С.Пушкина. Был февраль, ночь, дул пронизывающий ветер. Пустую бутылку мы поставили возле постамента со словами:

- Александр Сергеевич, чем богаты, сами понимаете. Пусть тот бомж, который завтра найдёт эту стеклотару, купит на вырученные деньги вам цветы!

ТРУДОВАЯ КНИЖКА

Свою трудовую книжку я выпущу отдельным изданием, да и могло ли быть иначе, если фамилия моего учителя по труду Волобуев?

В проходческой бригаде я постигал историю страны, не по учебникам, а по рассказам старых работяг.

Как-то раз, дурачась, они спросили своего приятеля, доброго и немногословного Колю:

- Расскажи, сколько немок изнасиловал?

- Ни одной, - неожиданно зло и трезво ответил он, - голодный я тогда был, сил у меня не было.

Я разговорил Колю. Оказалось, что всю войну он прошёл во фронтовой разведке. Взяли его, простого рязанского парня, не за "спецподготовку", которой он вообще не проходил, а за малый рост и подвижность. В первую же ночь Коля с такими же разведчиками пролез под колючей проволокой, штыком убил часового, затем, связав офицера, притащил его к своим. До этого, дома, он даже курицу не мог зарезать. Потом он блевал и плакал навзрыд. Чтобы не сойти с ума пили спирт, протрезвев, отправлялись снова к немцам. И так четыре года подряд.

Когда взяли Берлин, на границе советского и американского секторов возник конфликт с американцами. Коля, как умел, так и поучаствовал - со стрельбой и мордобоем. Поскольку дело было на нейтральной территории, ему предложили выбирать, в руки чьего правосудия отдаться. Американцы обещали два года исправительных работ с дальнейшим предоставлением гражданства, наши - три года условно.

- Молодец, - шепнул Коле особист, - ничего тебе не будет, возвращайся домой, Родина ждёт своих героев.

- А я по маме соскучился, сил нету, - рассказывал Коля, - и согласился на наш суд, на хрена мне Америка! Откуда я знал, что у них невыполнение плана по врагам народа?

Привезли меня на Красную Пресню и отправили в солнечный Магадан. Сначала семь лет впаляли, потом ещё накиннули. Пока сидел, мама умерла. Родных не осталось..

Освободившись, Коля поехал в Донецк, где бывшим ЗК давали работу и с лагерным прошлым в душу не лезли.

Другой человек, чьего имени и национальности называть не стану, у таких людей их не должно быть, по-пьяни рассказал свою историю:

"Колы пришли немцы, нас загнали у вагоны и повезли у Германию. Страшно було, жыты хотелося. Вагон набитый, аж систы никуды. Мы, молоди, з одного села, у викна стали. Там воздушок и хлеб з водою давали. Остальных мы ногами отпихували. А що робыты - выжиты трэба було. Колы прыихали, открыли вагона, а у дальньому углу трупы лежать..."

С тех пор я разборчив в собутыльниках.

ПРАВДА

В нашей проходческой бригаде были два человека, поддерживавших коллектив литературно-разговорным жанром. Шутки были однообразны, мало отличаясь от работы, но и весомы, как общий труд.

- А скажи мне, Петя, чем отличается х*й от самолёта? - спрашивал наиболее словоохотливый у своего косноязычного товарища. Наступала тишина. Бригада прекращала работать. Петя, по обыкновению, давал скучный и невнятный ответ.

- Нет, Петя, - выдержав паузу, отвечал его друг, - х*й, когда поднимается, увеличивается, а самолёт - уменьшается.

Работа возобновлялась. Коллектив был суровый, никто не улыбался.

Тема не менялась, но шутки не дублировались.

По молодости лет я надеялся на память и не записывал жемчужины народной мудрости. Самонадеянность подвела. Кроме предыдущего, помню лишь, чем отличается х*й от свиньи: свинью, когда гладишь, она ложится. Это правда.

ДОНЕЦКИЕ

Шахта, где я работал, была на выезде из соседнего города. После смены, в два часа ночи, я вышел на трассу и пару раз безнадежно поднял руку. Это было время, когда такси не останавливались и я пошёл пешком. К утру должен был дойти домой. Неожиданно рядом притормозил автобус, дверь открылась:

- Ну ты садись или нет? - спросили оттуда. По следам угля под глазами я понял, что это шахтёры и сел.

- Сейчас нас на шахту завезут, а потом тебя. - сказали мне. Так и сделали. Водитель, узнав, что я тоже шахтёр, от моих денег отказался.

Никто не делил друг друга по национальному признаку. За слова "москаль", жид", "хохол", и т.д. били морду. И правильно делали. Сейчас население Донбасса национально озабоченные называют "донецким быдлом". Я с этим в корне не согласен.

Недавно жена одного олигарха в элитном супермаркете сказала консультанту:

- Дай мне сырка два штуки.

Это другой разговор.

СПАСИБО, ВАНЯ!

Мы строили в Сибирской тайге жильё для лесозаготовителей и очень раздражал бездельник начальник. Душевными переживаниями мы делились с местным водителем грузовика Иваном. Будучи настоящим сибиряком и хитроватым мужиком одновременно, он поддержал нас, не изменив натуре. С начальником нашим он стал проводить энергичные беседы, исключительно на пилораме, делая короткие жесты ладонью и соблюдая убедительное выражение лица. Из-за шума слов было не разобрать и оппонент с умным видом кивал головой в интонационно-логических паузах, а я, читая по губам, понял, что Иван говорил ужасающую правду о происходящем в стране и о начальнике в частности, причём нормативная лексика использовалась только для связки предложений. Спасибо, Ваня!

БРАВО!

Славик Росляков, самый обаятельный мужчина из компании моих родителей, гениальный психиатр, принимает гостей в шикарном халате, в перстнях и, если я с дамой, шепчет мне:

- Малыш, ты с дамой. Ничего, что я сегодня не брит?

Почувствовав, что начинаются проблемы с сосудами, он как-то спросил за рюмкой:

- Ты меня научишь правильно дышать?

Не откладывая в долгий ящик, я радостно начал излагать материал. С первых слов Слава понял, что делать этого он не будет никогда. Нужно было красиво выйти из ситуации и он, как всегда, сумел.

Подойдя и приобняв меня, Славик сказал с улыбкой:

- Малыш, я думал, ты умнее.

Браво!

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ГРАММ

В советский период хорошие фильмы можно было увидеть, но не во всех кинотеатрах, прокат был ограничен и шли они специально в неудобное для широких народных масс время, в основном, по утрам. Компания молодых людей из приличных семей, включая ассистента кафедры психиатрии Славика Рослякова, в воскресенье, в девять утра собралась посмотреть новый фильм Феллини.

Фильм был про любовь. Все, кроме Славика, были настроены лирически, в зале погас свет, на экране появились титры. Неожиданно в наступившей тишине раздался внятный, профессионально сформулированный вопрос Славика:

- Товарищи, кто пердит?

Люди, пришедшие со Славиком не знали, куда им деться от стыда. Выдержав паузу, он снова внятно сказал в темноту:

- Нет, товарищи! Всё-таки, кто пердит?

Компания, давась от смеха и негодования, покинула зал. Пошли, естественно, в кабак, где Славик и получил то, чего хотел с самого утра - сто пятьдесят грамм коньяка.

СЛАВА КПСС

Отчим Славика был партийным работником. Когда у него шло совещание, подружки Славика звонили и говорили дурным голосом:

- Алло! У нас на телефонной станции пожар. Срочно накройте телефон мокрой тряпкой!

К радости подчинённых, он брал половую тряпку, аккуратно накрывал ею телефон на столе и продолжал обсуждать текущие вопросы.

В послевоенное время работникам партаппарата выдавали личное оружие. Как-то ночью, возвращаясь из инспекции по сельской местности, начальник с водителем заснули и машина своим ходом въехала в свинарник. Очнувшись к полной темноте от леденящих душу звуков, отчим достал пистолет и открыл стрельбу. Испуганные колхозники запустили динамо-машину. Благодаря тусклому свету лампочки Ильича недоразумение было улажено. С тех пор лозунг "Слава КПСС!" в устах отчима приобрёл некоторую двусмысленность.

МАМА

Маме позвонила подруга:

- Алка, я узнала, что, оказывается, ворон не "муж" вороны.

- Да? А чей он муж? - с интересом спросила мать.

ХАНЖА НАПАЛА

Студенты санитарно - гигиенического факультета не были истощены умственными упражнениями. На лекциях по психиатрии матери постоянно приходилось останавливаться, чтобы объяснять непонятные слова.

- Что такое ханжа? - спросили её как-то раз будущие жрецы Эскулапа.

- Это лицемерный, неискренний человек, демонстрирующий лживое благочестие, - ответила она.

- И агрессию, - с умным видом добавил один, похожий на мясника, студент.

- Из чего вы сделали такой вывод? - спросила мать.

- Ну, как же, - ответил тот, - есть такое выражение: "ханжа напала".

А Я УДОВОЛЬСТВУЮСЬ ХЛЕБОМ

Шизофрения не болезнь, а инакомыслие. Шизофрению надо заслужить. Пастух колхозного стада пгт Моспино, узнав о Хрущёвском постановлении по повышению заготовки мяса и молока, для выполнения которого, нужно было зарезать всё поголовье, предварительно выдоив коров, собрал подчинённых и зачитал им передовицу газеты "Правда", на чём был пойман и помещён в областной психоневрологический диспансер.

"Некоторые режут голубое и едят, - писал он в своём дневнике, - а я удовольствуюсь хлебом".

Образование его составляли четыре класса сельской школы.

МАРИЯ ЛЕТИЦИЯ РАМОЛИНО

В расцвет карательной психиатрии женщина остаток дней провела в психиатрической больнице за единственную фразу. Каждое утро она громко, на всю больницу, говорила:

- О, эта банда! Воры и проститутки пришли к власти.

Ещё она утверждала, что является матерью Наполеона. И я в этом не сомневаюсь.

АВТОТРЕНИЕ

Кабинет ауотренинга "повесили" на мою мать. В первый день приёма к ней пришёл средних лет имбицил и, краснея, сказал:

- Мне это... автотренинг назначили.

ШИНЕЛЬ

Когда я проходил срочную службу в рядах вооружённых сил, старшина разрешил вставать до подъёма и тренироваться самостоятельно. Я получил счастливую возможность бегать в кедах и короткую передышку от казармы. Всё было ничего, пока утром я не столкнулся с политруком, бежавшим в предрассветной мгле по встречной.

- Ну, здравствуй! - сказал он холодно, - Как дела у нас в роте?

Я понял, что это вербовка и ответил:

- Исключительно замечательно! В эту воинскую часть я попал, пройдя через другие подразделения и лучшего порядка не встретил нигде.

Лесть была грубой, но и политрук не был гражданским человеком. Он не отправил меня на губу, а отпустил, напутствовав:

- Ну, беги.

На следующее утро замполит стоял на моём пути в немыслимой шинели и кедах.

- Смотри, - сказал он, - мне новую шинель сшили. По индивидуальному заказу.

Я похвалил жуткую обновку, осторожно спросив, почему одна грудь больше другой.

- Это для медалей, - ответил он.

ТЕОРИЯ АРГУМЕНТАЦИИ

Существует мнение, что "Риторика" Аристотеля мало востребована. Это не так. В армии командир регулярно спрашивал нас на утреннем построении:

- Вопросы есть?

Сначала они у меня были. Но, по ленинскому прищурю командирских глаз я догадывался, что это риторический вопрос. И не ошибся.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАЦИОНАЛ-ШАМАНИЗМА В КАЗАРМЕННОМ ПЕРИОДЕ РАЗВИТИЯ

После отбоя дежурный офицер удалялся пьянствовать, передав полномочия старослужащим - аристократии казарменного общества и любителям перфоманса.

Страдающий психосоматическими расстройствами дедсостав убедительно предлагал новобранцам петь колыбельные песни. Чаще всего заказывали "Дембелей", "Вечерний звон" и другие популярные в народе произведения.

Исключение составила нетрадиционная эстетическая ориентация старшего сержанта Голобородько, склонявшего лиц узбекской национальности к исполнению гимна Советского Союза.

Индифферентные к советской власти узбеки не знали слов, поэтому вместо пропитра перед ними стоял небольшой земляк и держал на вытянутых руках снятый со стены планшет с текстом.

Выяснилось, что мелодии они не знали тоже. С удивлением вглядываясь в диковинную кириллицу, каждый исполнял песню с национальным колоритом и по-своему.

Не знаю, как это объяснить, но произвольные камлания среднеазиатского хора через полгода оформились в мелодию, удивительно напоминающую гимн Украины.

А КАПЕЛЛА

В нашей роте служил баптист Шеляга и внешний вид его соответствовал фамилии. Старослужащие издевались над мучеником веры, как хотели и, конечно же, каждую ночь заставляли петь. Мне было искренне жаль божьего человека. Чтобы снять стресс, я предложил ему популяризировать мои тексты. В ту же ночь он предстал перед дедсоставом в исподнем и, держа в руках бумажку, затянул а капелла:

- Бывали дни весёлые, я по три дня не ел.
Не то, чтоб не давали мне, а просто не хотел!
Ощутив спинным мозгом холодок дисбата, дедсостав напрягся.
- Бывали дни весёлые, - не унимался Шеляга, - я по три дня не спал.
Не то, чтоб не давали мне, а просто не желал!
Улыбки сползли со склонных к садизму лиц и Шеляга весело добил тему:
- Бывало, в ночь весёлую, в сиянии луны,
Своими же кальсонами, смеясь, я мыл полы!
Больше парня не трогали.

ДАЛЬТОНИЗМ

Узнав, что я рисую, прапорщик сказал:

- А ну-ка нарисуй, - он задумался в поисках натуре, - вот этот ящик.
Я нарисовал куб и добавил тени.
- Х@ёво, - сказал прапорщик, проверив транспортиром углы и, дав мне линейку, приказал изобразить битву синих и красных. К утру карта была готова.
- Ты, что, не мог поярче стрелки нарисовать? - спросил прапорщик, разрывая на мелкие кусочки мою работу.

Следующую карту сознания я сделал флуоресцентной гуашью. В прапорщике обнаружился талант литературного критика.

- Я же сказал поярче! - аргументировал он уничтожение следующего плода моего ночного труда.

Тогда я добавил в краску алюминиевую пудру и толчёные ёлочные игрушки... Обидеть художника может каждый прапорщик и наш исключения не составил.

- Есть такие люди, - не выдержал я, собирая куски очередного порванного

ватмана, - дальтониками называются.

- Так ты дальтоник! Что же сразу не сказал?

СОВЕРШЕННЫЙ СТИХ

Юра Есин редактировал солдатам любовную лирику, когда перед ним материализовался прапорщик и предъявил лист, на котором заботливой рукой сына полей было написано:

я сижу в окошко
и смотрю вперёд
листья распустились
соловей поёт

Досчитав до ста, Юра ответил прапорщику:

- Этот стих совершенен. Любая попытка улучшить его приведёт к обратному результату.

ИССА ДЕМБЕЛЬ

Эй, беговей ползи,
Улитка, по склону Фудзи!
Вверх, до самых высот!

ПЯТАЯ КОЛОННА

В армии меня навестил классический представитель авторской песни в бороде, свитере, портвейне и перед тем, как исчезнуть навсегда, взял взаймы.

Когда я вернулся, прапорщик осторожно спросил:

- Скажи честно, это был шпион?

ПОВЕЗЛО

Проходя срочную службу, я выпускал "Боевой листок" на латыни. До сих пор не знаю, почему офицеры меня сразу не расстреляли.

КТО Я?

- Скобцов, ты не русский, - сказал дневальный Мурадян, разглядывая мой профиль.

- Татарин? - спросил я.

- Нэт, - ответил он, - ты тот, кого все не любят.

ОБ УСКОРЕННЫХ МЕТОДАХ ФИЗПОДГОТОВКИ ЛИЧНОГО СОСТАВА

Рядовой Бабаев по-русски знал только "бздэц" и "иди на х*й". Солдат обязан выучить Устав. Бабаева это не коснулось. Как только он заступил в наряд, позвонил, озабоченный несением службы, капитан Зверев. Бабаев поднял трубку и сказал:

- Бздэц!

После короткой паузы из трубки раздались, не предвещающие счастья, крики капитана Зверева.

- Иди на х*й, - гордо ответил Бабаев и положил трубку.

Никогда ещё так быстро капитан Зверев не добегал до казармы.

ТЕМПЕРАМЕНТ

- Что значит флегматик, холерик, сангвиник и меланхолик? - спросил меня рядовой Дрозд и записал ответ в маленький блокнот, который вёл для самосовершенствования. На следующий день все начали бегать и орать друг на друга - начались учения. Получив люлей от начальства, наш капитан, багровея лицом, громко и подробно отвязался на попавшемся под руку Дрозде. Выслушав командирскую мысль о том, что в военное время он был бы расстрелян на месте просто за всё, Дрозд неожиданно сказал:

- Товарищ капитан!

- Что? - вздрогнул не ожидавший развития диалога командир.

- У вас процессы возбуждения преобладают над процессами торможения, - задумчиво глядя в блокнот, ответил Дрозд.

ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ

Когда отменили советскую власть, я спросил военных:

- А куда вы дели политруков?

- Они теперь священники. - ответили мне.

ТАКИ ДА

19 августа 1991 года я пришёл к референту из органов и спросил:

- Это пугч?

Он подумал и ответил:

- Да.

- И что делать? - спросил я, жалея, что не знаю его звания.

- Из города не выезжай, от дома далеко не уходи, - сказал он с улыбкой.

Донецк расположен так, что ни в столицу, ни за кордон. У меня собрались пришибленные друзья. Как работает репрессивный механизм знали все. Мы взяли водки и включили телевизор. Показывали Лебединое озеро. Первую пили молча, после второй разговорились, а после третьей на экране появился диктор и объявил демократию.

Я пошёл выгуливать собаку, которая тоже перенервничала. Ночной воздух был пропитан эйфорией. Навстречу шёл работяга на ночную смену.

- Братишка, извини, - остановил он меня, - я в политике ни хрена не понимаю, ты мне

скажи, как простому человеку - нас опять нае***али?

Эйфория улетучилась. Я подумал и ответил:

- Да.

НЕ БЕДА

Тренируя пацанов, я заметил, что один сачкует. Не сбивая людей с ритма, я сказал:

- Когда отжимаешься, полностью сгибай и разгибай руки!

- Не беда, - склонив голову набок, тихо ответил он.

- Что?!

- Не беда! - громче повторил своё оптимистическое утверждение юный спортсмен.

Эту историю я рассказал Нине N, фирма которой занимается международными морскими перевозками. Когда её срочно вызвали в объятый паникой офис и арестованный капитан прокричал в телефон, что единственный выход он видит в затоплении сухогруза, Нина, склонив голову набок, тихо сказала:

- Не беда.

Фраза стала крылатой.

ОНОМАТОФЕТ

Когда научно-технический прогресс человечества достиг соответствующего уровня развития, нашей охране выдали рации.

- Не зачленяйте эфир! - периодически кричал бойцам из пункта связи начальник.

НАВЕРСТАЕМ

В Донецке есть медицинский университет имени Горького. Не хватает литературного института имени Кащенко.

ЛЮБОВЬ К ИСКУССТВУ

На стене музыкального училища аккуратным почерком написано: "сука люблю музыку".

АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ

Авторская песня заставляет людей думать. Меня, например, о том, что я умею петь.

GOOD BYE MY LOVE

Я не умею играть на гитаре. Чтобы устранить этот недостаток, я прочёл массу самоучителей. В результате я по-прежнему не умею играть на гитаре, но знаю, как научиться.

В прошлом веке, когда я был председателем клуба этой самой авторской песни, позвонил мой приятель.

- Зайди, - сказал он устало, - хочу тебя познакомить с одним бардом.

Я повёлся и пришёл.

- Забирай, - сказал мне друг и мы пошли на прослушивание.

- Чтобы разговорить собеседника, я спел чего попроще и передал ему гитару.

- Классно играешь, - сказал он.

Я хотел забрать инструмент обратно, но было поздно. Новый знакомый действительно умел играть хуже меня. Петь тоже. После третьей песни я заподозрил, что мелодия меняться не будет. И не ошибся. Это касалось и текста. У барда было тридцать песен. Он спел все. Он убил мою любовь к авторской песне.

ВОЛЮНТАРИЗМ

На заре перестройки бардов выпустили из подполья и телевидение снизошло сделать передачу о бардах в привычной партийно-советской манере.

По коварному плану сценариста, член двух союзов должен был, снисходительно похлопать нас по плечу и сказать, что бардовская песня это всего лишь самодеятельность. Уже в эфире, почуяв неладное, я переломил ход событий и в итоге сам похлопал по плечу поникшего члена.

На следующий день мне позвонил руководитель одного горнодобывающего предприятия и сказал:

- Вовка, когда тебя выгонят из КПИ за волонтаризм, приходи ко мне на шахту бригадиром работать.

ШКОЛА ТЯЖЁЛОГО ЮМОРА

Была поздняя ночь, фестиваль "Большой Донбасс" наконец-то закончился. Почётный гость, Григорий Ефимович Дикштейн, стоял поодаль и смотрел на звёзды, когда мы со Славиком Гонеевым, представителем школы тяжёлого юмора, подошли к мэтру. Славик закурил и сказал:

- Измельчали барды, Гриша!

- Может быть, - деликатно ответил Григорий Ефимович.

- Согласись, что настоящих авторов на фестивале не было, - сказал Гонеев.

Славик затаился сигаретой и уточнил:

- Кроме нас с Вовкой.

Славик снова затаился и, выпуская дым, добавил:

- Ну и тебя тоже.

Взгляд Григория Ефимовича оторвался от звёздного неба над нами и глаза его, обычно прищуренные, приобрели округлую форму.

ПРИЗНАНИЕ ГАЛИЧА

Наш клуб авторской песни одним из первых начал петь запрещённого Галича со сцены. Делалось это на свой, вполне обоснованный, страх и риск.

По дороге на московский фестиваль, не довезя до точки назначения стратегические запасы спирта, мы достали гитары и начали сеять разумное, доброе, вечное тут же, в вагоне. Русский народ представляли два крепкого телосложения мужчины, которые угощали нас самогоном и просили спеть ещё. Когда вышли в тамбур перекурить, один из них сказал:

- Спасибо сердечное, ребята! Классные песни. Я двадцать лет в органах работаю и честно говорю вам, что каждое слово здесь правда.

ЦЫГАНОЧКА С ВЫХОДОМ

С началом перестройки в стране возникли кооперативы, в том числе и театральные. В один из них я попал в качестве барда. Официальная ставка артиста, девять рублей с копейками, в кооперативах была увеличена вдвое, открывая широкие перспективы личного обогащения.

За исключением меня, все были профессионалами. Выступали поочередно, ярким завершением был выход бывшей артистки театра "Ромэн" Синильги N.

В праздники, когда мы работали по двадцать концертов и более, я понял, что надо шутить, иначе умру рано и неэлегантно.

Исполняя "Песню молдавских цыган", Синильга делала репризу:

- А вчера признался он, - показывая за кулисы, говорила она, - что давно в меня влюблён.

В этот момент с грацией, скованной пиджаком и партбилетом, на сцену выходил конферансье Валерий и глупо улыбался.

- Туфли новые купил, никому не уступил, - говорила Синильга и под бурные аплодисменты заканчивала танец падением на спину.

За сценой, если поискать, можно найти много интересных предметов. В первый раз я нашёл красную нарукавную повязку с аббревиатурой ДНД и надел её на члена КПСС. На удивление, Синильга оказалась актрисой, лишённой дара импровизации. Увидев на сцене помощника милиции, цыганка растерялась и перепутала текст, несказанно порадовав коллег по цеху. В следующий раз Валерий вышел, держа в руках мужские туфли большого размера. Затем была бутылка шампанского.

Кульминацией стал последний концерт в помещении, где накануне проводились учения по гражданской обороне. Обернувшись и увидев перед собой человека в пиджаке и противогазе, Синильга экспромтом неожиданно и хорошо сыграла немую сцену из "Ревизора" под дикий хохот зала.

ПРАЗДНИК СЕНТЯБРЯ

На одном фестивале я услышал женскую группу "Дети сентября":

- Первое сентября, - полифонично пели девушки, - а-а.

Это полный текст. Утром одна из них попросила автограф. Я написал на полученной ею грамоте:

Здравствуй, праздник сентября!

И побрилась я не зря.

ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЁМ

Утомлённая печень нежно с мозгом прощалась, когда, после после очередного фестивального издевательства над ними, мы ехали домой. Разговаривать не то, чтобы не хотелось - не моглось. Авторской песне присущи доверительные отношения и пока ждали автобус, Женька признался:

- Шести лет отроду я выстрелил в живого человека.

Далее последовал неприятный спинному мозгу рассказ, как он случайно нажал на

курок отцовской двухстволки, наведя её на своего малолетнего друга, но промазал. Слава Гонеев, человек с большим подземным стажем, диагностировав застарелую психотравму, решил помочь в лечении.

Пришёл автобус. Сели. В дороге заснули. Когда проснулись, Славик спросил Женьку:

- Как спалось? Мальчишек кровавых в глазах не видел?

Тот вздрогнул, но шутку поддержал.

- Ну, что, человек с ружьём, пойдём покурим? - Сказал Славик на остановке, крепко хлопнув Женьку по плечу.

Автобус ехал не торопясь. Славик разнообразил вопросы, сохраняя направленность. В пункте прибытия он, чтобы развеять подозрения обнял Женьку и сказал:

- Знаешь, Жека, зря ты Баумановку закончил. Тебе бы в детском садике воспитателем работать.

СЦЕНИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Я серьёзно отношусь к другим авторам. Некоторые из них относятся к себе так же. В этом наше отличие. Совместные концерты проходят обычно следующим образом. Первым на сцену выходит мой товарищ и говорит:

- Я человек серьёзный, шуточных песен не пишу.

И начинает петь одну за другой серьёзные песни. После двадцати минут в зале возникает общая тоска и двигательное беспокойство. Дети плачут, слабонервные женщины пытаются выйти из зала. Тогда объявляют меня и мне не остаётся ничего другого, как петь подряд все шуточные песни, которые я знаю. Это хорошо, но моего творческого лица полностью не отображает, поскольку у меня есть много серьёзных песен, песен - размышлений потому, что я занимался боксом. Хотя и весёлых песен тоже хватает потому, что первый брак был неудачным.

ВНЕЗАПНО

Я написал новую песню и показал её друзьям. В компании присутствовал человек, после провозглашения независимости окончательно переставший понимать по-русски.

- Гарні вірші, - внезапно сказал он, - шкода, що автор не вміє грати на бандурі.

ВОЗРАСТНОЕ

Поздней ночью на бардовском фестивале, когда мой друг мило беседовал с дамой за бутылкой водки, другая дама, видимо, ревнуя, неожиданно вышла из темноты и плеснула водкой ему в глаз. Расстались друзьями. История получила широкую огласку и я поделился ею с нашим общим знакомым.

- Старееет, - заметил тот, - пять лет назад он бы эту водку на лету выпил.

ШЕСТАЯ ЗАПОВЕДЬ

Когда по ошибке природы я стал начальником, в моём подчинении оказались две

секретарши. Одна была умная, другая красивая. Я их всё время путал.

Мой письменный стол украшал календарь, с одной стороны, лицом к посетителям, была картинка, её я заклеил жирной надписью "Не убий!", с другой стороны - даты. Когда возникал напряжённый момент, со словами: "извините, мне нужно подумать". я разворачивал календарь картинкой к себе, вглядывался в текст, а затем спрашивал:

- На чём мы остановились?

Годы были лихие, девяностые, действовало безотказно.

ПРАЧЕЧНАЯ

Подчинённые должны узнавать начальство по голосу. Поэтому, когда я звонил во вверенное мне издательство, то говорил просто:

- Прачечная?

ДИСГЕВЗИЯ

После того, как бизнесмены перестали слишком часто убивать друг друга и занялись здоровым образом жизни, мои друзья подарили крышующему их крёстному отцу канистру эксклюзивного машинного масла. Через неделю тот обратился к врачу:

- Каждое утро я добавляю в салат ложку масла, - сказал он, - и вот уже неделю, как замечаю изменения ощущений вкуса.

ПАМЯТНИК НЕИЗВЕСТНОМУ ОТЦУ

Однажды я попал в больницу с послегриппозным осложнением. Врачи не могли сообразить, то ли это пневмония, то ли кранты. Дело было 23 февраля, хирурги по этому случаю вместо вскрытия мне решили сделать флюорографию. Медсестра для начала назвала меня "Скворцовым". Здесь я мог её понять, но сдержался. Затем она сказала на меня "Борцов", это было неожиданно, хотя и лестно. Я промолчал. Но когда, в третий раз, заглянув в список она сказала: "Кобзонов", я не выдержал и сказал:

- Девушка, следуя логике, должна существовать деревня, где жители носят одноимённую фамилию. Интересно, как вы это себе представляете?...

Кобзон, как известно, из наших краёв. В Донбассе, кроме Кобзонов, живут и другие замечательные люди. Следующая история может теперь быть предана огласке за истечением срока давности. Мэр Краматорска, впервые выехав в Европу, вернулся домой, как говорят в прокуратуре, возбужденный и срочно собрал совещание. Смысл его был в том, что в европейских городах есть оригинальные неидеологизированные скульптуры, а в Краматорске нет. И этот вопиющий недостаток нужно срочно устранить. На следующий день в прямом эфире диктор местного радио спросил у слушателей, какие будут предложения на этот счёт. Немедленно раздался звонок в студию и неизвестный мужчина, как будто он всю жизнь ждал этого вопроса, сказал:

- Предлагаю поставить памятник Михаэлю Шумахеру.

Неопытному диктору надо было бы прервать связь, но он этого не сделал, а спросил:

- Почему именно Шумахеру?

- Ну, Карлу Марксу же у нас памятник поставили. - ответил абонент. Повторяю, что диктор был неопытен, это были первые прямые радиоэфирные и он допустил ту же ошибку во

второй раз, не положив трубку, а спросив:

- А другие предложения у вас есть?

- Есть, - тут же ответил мужчина, - предлагаю установить памятник Неизвестному Отцу. Это будут две огромные трубы НКМЗ, символизирующие мужские брюки и уходящие в небо.

Диктор, наконец, догадался положить трубку и диалог вместе с эфиром закончился.

И долгое время градоначальник Краматорска, приезжая в Донецк, рефлексировал при вопросе: "Ну, как, с памятником определились?"

ЗАЧЁТ

Некоторое время я преподавал историю и право, что, право, мне не свойственно.

- До разрыва отношений с Плехановым, - рассказывал я как-то студентам, - Ленин подписывал свои к нему письма: "Преданный Вам Ленин", а после разрыва он написал: "Преданный Вами Ленин".

Старательно конспектировавшая девушка оторвалась от тетради и спросила:

- А что, Ленин тогда был живой?

КО МНЕ МОЙ СТАРЫЙ ДРУГ НЕ ХОДИТ

Ко мне пришёл бывший однокурсник.

- Я выпустил свою книгу, - сказал он и подарил мне монографию "Роль профсоюзов в становлении украинской государственности".

- Поздравляю! Я тоже выпустил книгу, - ответил я и подарил ему свой сборник иронической прозы. Больше он ко мне не ходит.

ПСС(Ч)

Каждой форме правления суждено нести в себе собственную погибель - извращенную форму вырождения.

Монархия возникает после очередного бедствия. Её сменяет царское правление, которое переходит в тиранию. Тиранию сменяет аристократия. Аристократия переходит в олигархию. Восстание против олигархии приводит к установлению демократии, которая, в силу особенностей электората, деградирует в охлократию, что приводит к очередному бедствию и возникновению монархии.

Чтобы разорвать циклическую парадигму истории, предлагаю организовать Партию Сектантского Самоубийства Чиновников.

КОСЯ

У меня есть друг Косля. Когда он учился в Оксфорде, его с друзьями одолела ностальгия и они остановились возле уличного музыканта, поющего русские песни. Тот, увидев донецкие рожи, отдал пацанам деньги.

Однажды на Кослю напали местные скинхеды и ударили по голове бейсбольной битой.

Он принял удар на лоб. Бита была с трещиной и от соприкосновения с цельным предметом раскололась надвое. Элементарный контрприём обратил нападавших в бегство.

- I'm sorry! - как чайки виновато покрикивали плохо бегающие жители туманного Альбиона.

- Я тебе, бл*дь, дам сорри! - кричал бегущий за ними Костя и буцал отстающего ногой по заднице.

Я уважаю Костю.

ИСКУССТВО ОБОЛЬЩЕНИЯ

Будущая жена моя, дизайнер интерьера, узнав, что я занимаюсь йогой, немедленно потребовала чуда. Незаметно набрав в рот воды, я демонстративно наполнил водой чайник, наклонился над раковиной и, вставив носик чайника в ухо, тонкой струйкой выпустил воду изо рта, чем и соблазнил её в первый же вечер нашего знакомства.

ПИГМАЛИОН

В начале нашего романа, заваривая утром кофе, я рассказывал своей будущей жене, дизайнеру интерьера, об акмеизме. Она с благодарностью сказала:

- Пигмалион!

- За г*ндона ответишь, - сказал я и продолжил цитировать Гумилёва.

В это утро она поняла, что никуда от меня не уйдёт.

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Я и забыл, что мою жену, дизайнера интерьера, зовут Татьяна. Она, кстати - тоже, поскольку теперь откликается на Цацу, считая себя реинкарнацией тёзки, моего белого бультерьера.

Как-то мы шли ночью под шафе и я ударил голой рукой кизами-цуки в железный ящик. Тот отозвался характерным гулом. Будущая жена, не задумываясь, сделала то же самое. К утру рука её посинела и опухла.

- Сильный ушиб, обширная гематома, - продиктовал медсестре дежурный хирург и, глянув на нас, добавил, - любовь.

Я не мог на ней после этого не жениться.

ГОЛОС

Жена моя, дизайнер интерьера, спросила у Вани Голоса:

- Какая у тебя фамилия?

- Голос. - ответил он.

- Гав! - сказала жена.

ДИЗАЙН ИНТЕРЬЕРА

Мебель у нас низкая. Жена моя, дизайнер интерьера, однажды упала со стула и ударилась о плинтус самой выпуклой частью головы - глазом. Очень её за это люблю.

ВЕЖЛИВОСТЬ

Жена моя, дизайнер интерьера, машиной своей перегородила выезд на парковке в элитном районе. Подошёл владелец белого Крайслера, попросил опустить стекло и, виновато улыбаясь, сказал:

- Извините, пожалуйста, не могли бы вы проехать на метр вперёд, иначе я не выеду.

Мы проехали вперёд.

- Спасибо! Приятного вечера. - сказал тот и уехал.

- Удивительная вежливость. Бьют их здесь, что ли? - сказала жена.

СЛЕДОПЫТ

Жена моя, дизайнер интерьера, садясь ночью за руль Subaru Outback, наступила на собачью какашку. Когда в новеньком кожаном салоне начало распространяться характерное амбре, она с удивлением поглядела на меня, но подозрения не складывались в логическую цепочку и, осмотрев на первом перекрёстке подошвы своих Baldinini, она обнаружила причину запаха. Салон пришлось срочно мыть.

- Фенимора Купера читать внимательнее надо было, - сказал я.

НЕ МЕНЯЙТЕ ГИМН

Моя жена, дизайнер интерьера, однажды подвергла меня справедливой критике. В ответ я с чувством спел несколько строчек гимна. Как бабка отшептала.

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

Моя жена, дизайнер интерьера, сказала, что счастлива в браке. И я её прекрасно понимаю.

НАДО БЫТЬ ДОБРЕЕ

Тёща поздравила нас с днём свадьбы.

- Злопамятная старушка! - сказал я жене.

ПЕТРЕНКО

Наш телефонный номер на одну цифру отличался от номера областного военкомата. Военные по телефону не звонят, а докладывают.

- Докладывает прапорщик Петренко, - прокричали однажды в трубке, - секретный эшелон прибыл на станцию N!

- Ну, слава Богу, - облегченно вздохнул я и подробно расспросив, чего привезли и сколько, добавил, - вы ошиблись номером, это квартира.

Не знаю, как сложилась дальнейшая судьба Петренко. На его месте я бы пошел в диверсанты.

НА ЖИВЦА

- Где ты был? - спросила моего друга жена, когда тот пришел домой ночью и пьяный.

- На рыбалке, - ответил он.

- А почему ширинка расстегнута?

- Карпа приманивал.

ФЕВРАЛЬ

Достать и плакать.

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО СОБАКОВОДА

(Женская версия)

Громко назовите собаку по имени и ударьте её тапком.

ЖЗЛ

Когда живешь рядом с замечательными людьми, всегда есть о чем вспомнить. Когда я отправился выгуливать своих овчарку и бультерьера, ребят серьезных во всех отношениях, неожиданно на лестничной площадке материализовался бухой сосед с заводскими наколками.

- Ко мне, сука! - сказал он страшным голосом коту на ступеньках.

Тот с ненавистью зашипел в ответ и не двинулся с места. По натянувшимся поводкам я понял, что собаки тоже загорелись желанием принять участие в разговоре и подался назад. Сосед подумал, махнул рукой и сказал:

- Пускай собак!

После чего впал в квартиру, как космонавт в открытый космос. Кот катапультировался следующим.

ДИАЛОГИ НА КУХНЕ

Пролог

Плетёная мебель была расшатанной.

- Чем ты тут занимаешься? - спросил Женька, осторожно усаживаясь на стул.

I

- У меня новая подруга! - гордо признался Женька после первой.

- Сколько лет? - с умным видом спросил Димка.

- По интеллекту пятнадцать.

II

- В постели я зверь. - сообщил Женька после второй.

- Ты её съел? - с умным видом спросил Димка.

- Спрятал шнур от телевизора и заставил читать.

III

- Интересно, почему пустую бутылку не ставят на стол? - с умным видом спросил Димка, разлив по рюмкам остатки водки.

- Чтобы не подумали, что она полная. - ответил Женька.

Эпилог

Плетёная мебель была расшатанной.

- Когда ты уже расслабишься? - спросил меня Женька и упал со стула.

* * *

ЭКСКУРСИЯ

Мой товарищ в статусе VIP персоны совершал экскурсию по городу N с начальником охраны, местным офицером МВД.

- Знаете, чем знаменит этот дом? - спросил начальник охраны, показывая на облупленную хрущёвскую пятиэтажку и после отрицательного ответа продолжил, - Только в этом доме есть квартира, где до сих пор не было ни одного убийства.

СВЕТОФОР

Я подошёл к светофору.

- Перехід дозволено, - позеленев, неожиданно сказал он.

Я перешёл.

- Перехід завершено, - покраснев, констатировал светофор.

В русскоязычном Донецке один говорящий светофор. Видимо, были случаи.

ОБ ЭВТАНАЗИИ

- Смотри! - сказал мне ветеран "Альфы", показывая огромный кулак с деформированными суставами, - Брали мы бандита, я ему в голову ударил, а он пригнулся, сука! Я об стену руку разбил, представляешь?

Я представил и подумал, что если мне понадобится эвтаназия, я напишу смс любовного содержания его жене и отправлю на его номер.

АЛАВЕРДЫ

Несколько лет назад от неосторожно брошенной рыбаком спички горела вода в реке Кальмиус. Алаверды, Минздрав!

ПАМЯТКА БИЗНЕСМЕНУ

Стопроцентный откат в нашей стране дают только дураки и дороги.

БЕСОВСКАЯ ДАТА

Бесовская дата это седьмое ноября. Иду по улице красивый, нарядный, курю элегантно, как вдруг малознакомая и ещё менее симпатичная личность меня останавливает:

- Привет! А чего это ты куришь?

- Иди на х*й! - отвечаю, а сам думаю: не зря в этот день большевики переворот устроили.

РОЗА ВЕТРОВ

Один знакомый, увлечшись эзотерикой, заявил, что находясь в состоянии глубокой медитации, в подвале, где хранилась картошка, ощущает способность воздействовать на окружающее пространство и желает улучшить политическую обстановку в стране. Его отговорили его от этой затеи, отодвинув, как я теперь понимаю, на время распад империи. Тогда он предложил "показать им кузькину мать" и укрепить позиции СССР на международной арене. На том и порешили.

Узнав из программы "Время", что в США ведутся работы по созданию многоцветной космической системы "Спейс-Шаттл", он сообщил:

- Я договорился с мышами и голубями. Они перегрызут проводку в четвёртом каскаде.

Вечером по новостям объявили, что Шаттл не смог взлететь из-за повреждений проводки в четвёртом каскаде. Вдохновлённый успехом, приятель рванул в Москву и пробившись в мавзолей, перекрыл поток паломников, пытаясь вступить в телепатический контакт с трупом вождя, за что был водворён в спецприёмник, но ушёл, по его словам, через чёрную дыру в туалете, нейтрализовав действие красной магии тантрическими техниками. Проверять это экспериментальным способом опасно, но факт остаётся фактом. Когда духовные поиски привели его в Киев, рвануло в Чернобыле. Последней весточкой была

телеграмма: "устал держать розу ветров".

МОЯ БУДДИЙСКАЯ ПРИТЧА

На занятиях йогой я говорю медитирующим:

- Закройте глаза, а то я пугаюсь.

Если это не действует, рассказываю свою буддийскую притчу о глазах.

Когда я гулял по бульвару с английским бульдогом Володей, к нам подбежал пучеглазый и карликовый пинчер Яша. Флегматичный Володя подошёл к серебристому тополю, задрал пятнистую ногу и задумался. Неврастеничный Яша стал нарезать круги возле ствола и, когда пошла струя, на весь бульвар раздался крик его сердобольной хозяйки:

- Яша, глаза!!!

Притча работает безотказно.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДСТРОЧНОГО ПЕРЕВОДА

В буддийской мудрости "Побеждает тот, кто достаёт меч с сожалением", слово меч деликатно добавлено русскими переводчиками.

УРДХВА МУКХА ШВАНАСАНА

Когда делается поза на разгибание, урдхва мукха шванасана, веки можно держать прикрытыми, а глаза поднять вверх, "направив взгляд в центр головного мозга", как пишут индийские авторы. Мой адаптированный перевод звучит так:

- Закройте глаза и смотрите вверх, под череп, будто там что-то есть: фрукты или ливерная колбаса. Некоторые видят.

ЛЕЧЕНИЕ ЛОГОНЕВРОЗА У БЕССМЕРТНЫХ

Однажды я рассказывал о даосской алхимии бессмертия. После ко мне подошёл новенький и сказал:

- М-м-меня з-з-зовут А-Аскольд.

- Очень приятно! Был на вашей могиле. - ответил я.

Если теперь его назвать по имени, он не заикается, а смеётся.

ВНУТРЕННЯЯ УЛЫБКА

В начале йогойических занятий мы делаем даосскую медитативную технику, которая называется Внутренняя Улыбка.

Висцеральная мускулатура головы, имевшая ранее отношение к внутренностям, заложенным в области головы и шеи, частью превратилась постепенно в кожную

мускулатуру шеи, а из нее путем дифференциации на отдельные тонкие пучки – в мимическую мускулатуру лица. Этим объясняется теснейшее отношение мимической мускулатуры к коже, которую они приводят в движение и другие особенности функций этих мышц.

Каждый раз повторять это глупо и я говорю:

- Лицо должно быть расслабленным, выражение - приветливым. Расслабленное лицо без Внутренней Улыбки это лицо пьяного мужчины. Улыбаются.

В СОВЕТСКОЙ АРМИИ Я ВИДЕЛ И НЕ ТАКОЕ

Меня пригласили провести занятия по йоге в женский клуб. После пранаямы по подёрнувшимся паволокой глазам я понял, что эффект достигнут и стал прощаться.

- Извините, придётся подождать, - сказали мне, - из-за ремонта у нас выход только через раздевалку.

Надо было что-то делать, так как ровно через пять минут у меня была важная встреча.

- Ничего, - сказал я, - в советской армии я видел и не такое.

Дверь распахнулась. Пройдя меня мимо обнажённых и не совсем тел на волю, уже стоя на крыльце и глядя на звёзды, я вдруг с пронзительной ясностью осознал, что ничего толком в советской армии и не видел.

ДУХОВНОСТЬ

- Что такое духовность? - спросил меня проникшийся идеями восточной философии бодибилдер.

- То же самое, что *б твою мать, - ответил я.

Что такое духовность я не знаю, но чувствую: ответил правильно.

ИСТИНА

У меня сохранилось идиотское удостоверение. На обложке - "Посвідчення", а внутри фотография и надпись: "Кінодемонстратор вузькоплівкового кіно". Зло, претенциозно и не соответствует истине.

ДОРОГА К ХРАМУ

И Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

(Матфея 5:1 - 7:29; Луки 6:12 - 41)

Путь к Храму был осознанным. Я в это время служил в армии, времена были тёмными, визиты в церковь чреватými.

- Будь осторожен, - предупредили меня, - если батюшка осведомитель, то для отчёта в КГБ он как бы невзначай спросит, где служишь. Ответь просто: в советской армии.

После таинства священник сказал, что надо вести праведную жизнь, молиться, ходить в церковь, исповедоваться и причащаться.

- Где служишь? - спросил он как бы невзначай.

- В советской армии, - ответил я просто.

Взгляд батюшки утратил елейность. Мы понимающе улыбнулись друг другу. За сим расстались.

СЕДЬМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Отмечая свой день рождения, друг поднял бокал за присутствующих:

- Я благодарен Богу... - начал он.

- Бога нет, - заметил, изрядно к тому времени пьяный, наш приятель.

- Дурак ты, - заметил, не делая паузы, именинник и продолжил дальше.

КТО-ТО ЖЕ ПОДЛИВАЕТ

Я вывез компанию в Святогорье. Ребята были там впервые, поэтому с утра нам организовали экскурсию. После выпитого накануне, Женьку тяготила пешая прогулка, он отставал, не слушал экскурсовода и, тихо бубня, вёл нудную дискуссию со своей женой о пользе и вреде алкоголизма. Мы поднялись на гору к могиле Иоанна Затворника. На свежескрашенной синей масляной краской могиле висела пластмассовая лампадка. Я с глубоким уважением отношусь к религиозным чувствам верующих, считая это категорией интимного характера и каждый раз сталкиваясь с тем, что с дизайном у прихожан отношения находятся в стадии развития, убеждаюсь, что у Бога прекрасно всё, в том числе чувство юмора.

Мы стояли и молча смотрели на лампадку. Подошёл Женька с женой.

- Видишь, кто-то же подливает, - сказал он ей.

ОЧИСТИТЕЛЬНАЯ МАНТРА

В ожидании гостей, занимаясь чисткой картофеля, я подумал: Можно ли многократное повторение "шобвыподавилисьэтойхренью" считать очистительной мантрой"?

УРОБОРОС

Отсутствие чувства юмора и антисемитизм, совокупляясь неестественным для пуритан способом, до сих пор колесят по Европе. Жаль, что Фрейд уже умер.

СЧАСТЬЕ ПРИХОДИТ С ГОДАМИ

Я взрослый человек - я знаю нескольких подонков лично. Я счастливый человек - я знаком с многими порядочными людьми.

МАЗАЛЬ ТОВ

Эндопротезирование тазобедренного сустава делали мои одноклассники. Анестезия была эпидуральной. Пока работал анестезиолог, Гриша, держа в руках скальпель, спросил:

- Вова, а помнишь, как ты меня в школе бил?

- Я больше не буду, - пообещал я.

- Об этом я сейчас позабочусь, - пообещал Гриша.

Я лежал на столе голый и, напрягая мышцы, по глазам молодых медсестёр понимал, что после пятидесяти жизнь только начинается. Гриша просёк момент.

- Ты ничего не чувствуешь? - спросил он, поднимая забрызганное кровью лицо.

- Нет, - соврал я.

- Вот и хорошо. Я заодно тебе и обрезание сделал, - сказал Гриша.

Под наркозом легко рожать. Например, стихи.

Я на родине хирею,

В путь зовут друзья евреи,

Но казацкому концу

Обрезанье не к лицу.

- продекламировал я.

Медсестра, вывозившая моё тело, радостно улыбаясь, сказала:

- Лайла тов!

- Мазаль тов! - ответило моё я.

ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ

День влюблённых заканчивается пятнадцатого февраля. Как страшно жить!

ЗВЁЗДОЧНАЯ АЛЛИТЕРАЦИЯ

После принятия закона о запрете использования «нецензурной брани» в моих текстах, выложенных в интернете, произошли изменения. Так, в деепричастии "требуя" после первых двух букв появились четыре звёздочки, к названию города Дебальцево был применён тот же стилистический прием, усиливающий выразительность художественной речи. Я стал легко угадывать названия коньяка, выдержанного менее семи лет.

Спасибо инициаторам и исполнителям, умеющим так тонко чувствовать нюансы русского языка, и открывшим для меня в нём много нового и интересного.

АРГУМЕНТ

Кто понял жизнь, трезветь не станет.

КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

- Жизнь нужно прожить так, - сказал мой приятель в поисках туалета, - чтобы не было мучительно больно от трёх литров выпитого пива.

НА ОСЕННЕМ БЕРЕГУ

Рассказы я постарался расположить в хронологическом порядке, оставив за строкой смерти, потери, предательства - у всех хватает своей боли. Одна ясновидящая сказала, что родившиеся в 1959 году долго здесь не задерживаются, во всяком случае, лучших ребят из класса уже нет. Если каждому воздастся по вере, то наша вера в любовь, дружбу и порядочность, возникшая без чужих подсказок позволяет надеяться, что им там хорошо, а данная нам способность шутить - надеяться на то, что руке, державшей на тонкой нити любви наши души было не так больно. И если то, чем я поделился вызвало улыбку, значит, так оно и есть.

* * *